

В сборнике публикуются материалы 27 межрегионального семинара научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. В нем приняли участие как известные ученые, так и начинающие исследователи из ряда субъектов северокавказского региона (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, республики: Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня), гг. Белгорода, Москвы, а также из Республики Абхазия, представляющие различные вузы, музеи, научно-исследовательские учреждения – преподаватели, научные сотрудники, работники музеев, студенты и др. Опубликованные материалы разделены на три секции. Первая из них посвящена проблемам древней и средневековой истории, археологии Северного Кавказа и сопредельных с ним областей. Во второй секции представлены материалы по историческому регионоведению Российского Кавказа. Завершает сборник секция «Памяти друзей и коллег». Для преподавателей вузов, научных работников, учителей школ, аспирантов, магистрантов, студентов и всех интересующихся прошлым Северного Кавказа и прилегающих регионов.

16
ВЫПУСК

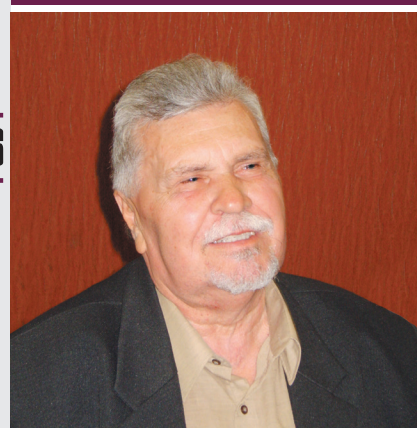

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

16
ВЫПУСК

2026

ИЗВЕСТИЯ
научно-педагогической
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова

Армавирский государственный педагогический университет
Научно-педагогическая Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Доклады и сообщения
27 межрегионального семинара
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова

•

Известия научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова.
Выпуск 16

Дизайн-студия Б

А Р М А В И Р • 2026

УДК 94
ББК 63.3. (2Р37)
С 28

Ответственные редакторы: доктор исторических наук, профессор, **Ю.Ю. Клычников** (Пятигорск), доктор исторических наук, доцент **А.Л. Пелих** (Армавир).

Редакционная коллегия: доктор исторических наук, профессор **Н.Н. Великая** (Армавир); доктор исторических наук, профессор **Б.В. Виноградов** (Армавир); кандидат исторических наук **А.И. Джолуа** (Сухум); кандидат исторических наук **Д.С. Дударев** (Москва), кандидат исторических наук, доцент **Л.Н. Хлудова** (Армавир).

Рецензент: доктор исторических наук, профессор **М.Ф. Титоренко** (Краснодар).

С 28

Северный Кавказ в историческом и археологическом измерении. Доклады и сообщения 27 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. — Вып. 16. — Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2026. — 146 с.; ил.

ISBN 978-5-6056912-0-4

В сборнике публикуются материалы 27 межрегионального семинара научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. В нем приняли участие как известные ученые, так и начинающие исследователи из ряда субъектов северокавказского региона (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, республики: Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня), гг. Белгорода, Москвы, а также из Республики Абхазия, представляющие различные вузы, музеи, научно-исследовательские учреждения – преподаватели, научные сотрудники, работники музеев, студенты и др. Опубликованные материалы разделены на три секции. Первая из них посвящена проблемам древней и средневековой истории, археологии Северного Кавказа и сопредельных с ним областей. Во второй секции представлены материалы по историческому регионоведению Российского Кавказа. Завершает сборник секция «Памяти друзей и коллег».

Для преподавателей вузов, научных работников, учителей школ, аспирантов, магистрантов, студентов и всех интересующихся прошлым Северного Кавказа и прилегающих регионов.

УДК 94
ББК 63.3. (2Р37)

ISBN 978-5-6056912-0-4 © Коллектив авторов, 2026.

ОТ РЕДАКТОРОВ

В сборнике 27 межрегионального семинара научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова приняли участие как известные ученые, так и начинающие исследователи из ряда субъектов северокавказского региона (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, республики: Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня), гг. Белгорода, Москвы, а также из Республики Абхазия, представляющие различные вузы, музеи, научно-исследовательские учреждения – преподаватели, научные сотрудники, работники музеев, студенты и др.

В сборнике выделяются три секции. Первая из них посвящена проблемам древней и средневековой истории, археологии Северного Кавказа и сопредельных с ним областей. В ней представлено 7 статей 9 авторов (О.А. Брилева, С.Б. Бурков, В.В. Городовая, А.И. Джопуа, Д.А. Канделаки, Г.Н. Керцева, Р.Ю. Керцев, С.Н. Малахов, А.Л. Пелих).

Во второй секции, самой объемной, представлены материалы по историческому регионоведению Российского Кавказа. Здесь читатель может ознакомиться с 17 статьями 19 авторов (Н.Н. Великая, Н.Н. Гарунова, А.Т. Джумагулова, Н.М. Еремин, С.П. Есаулко, Ю.Ю. Клычников, В.А. Матвеев, С.Н. Ктиторов, С.В. Назаров, В.В. Назарова, А.А. Панарин, А.П. Скорик, Н.С. Степаненко, С.А. Сурай, В.А. Фоменко, И.Г. Фоменко, Н.Р. Фролова, Н.Д. Чекулаев, О.И. Шафранова).

Завершает сборник секция «Памяти друзей и коллег», в которой мы с благодарностью и безмерной печалью вспоминаем С.Л. Дударева, А.М. Ждановского, К.З. Махмудову, Д.Ю. Чахкиева.

Сборник будет полезен преподавателям вузов, научным работникам, учителям, аспирантам, магистрантам, студентам и всем интересующимся прошлым Северного Кавказа и прилегающих регионов.

О.А. БРИЛЕВА

(Москва, РФ)

БРОНЗОВАЯ ЗООМОРФНАЯ ПРОНИЗКА-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ТАТАРСКОГО ГОРОДИЩА: К ВОПРОСУ О РАННЕКОБАНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ СТАВРОПОЛЬЯ*

Аннотация: Впервые публикуется редкая бронзовая зооморфная пронизка-распределитель из окрестностей Татарского городища (Ставропольский край), хранящаяся в Ставропольском государственном музее-заповеднике. На основе архивных материалов установлен вероятный даритель – П.М. Гурнаков, а также реконструированы обстоятельства поступления предмета в музей в 1916 г. Предмет, отлитый по восковой модели, представляет собой сложный мифологический образ, сочетающий черты медведя, птицы и земноводного, и служил центральной частью двойного ожерелья. Единственная близкая аналогия происходит из гробницы 1 могильника Терези (Карачаево-Черкесия), что позволяет отнести подвеску к раннекобанскому времени. Комплекс датируется в рамках конца X – первой половины IX вв. до н. э. Находка является важным маркером продвижения раннекобанских племен на север и ставит вопрос о локализации одного из древнейших памятников кобанской культуры на Ставропольской возвышенности.

Ключевые слова: кобанская культура, Ставропольская возвышенность, Татарское городище, зооморфная подвеска, ранний железный век, Северный Кавказ.

Настоящая статья посвящена введению в научный оборот уникального предмета из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника – бронзовой зооморфной пронизки-распределителя, происходящей из с. Татарка в окрестностях Татарского городища. Несмотря на длительное хранение в музейном собрании, предмет ни разу не становился объектом специального исследования и оставался неизвестным широкому кругу специалистов.

История поступления предмета в музей. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника (СГМЗ ОФ 3227, номер в Госкаталоге 58824590) хранится бронзовый предмет, обозначенный как «фантастический зверек». В описании на сайте Госкаталога указано: «Зверек медный фантасти-

ческий с головой, туловищем и кожей» (зооморфная фигура бронзовая), найден в раскопках у с. Татарка Ставропольской губернии».

Обращение к первому музейному номеру позволяет проследить историю поступления вещи. В погашенной книге поступлений Орджоникидзевого краевого музея краеведения, ведшейся с 1 октября 1926 г. по 12 мая 1927 г., предмет значится под порядковым номером 2262 (позднее добавлен номер 9419), отдел X, номер по отделу 557. Он описан как дар Гурнакова из с. Татарка: «Медный фантастический зверек. Голова, туловище и ножка. Найден при раскопках в сел. Татарка Ставропольской губернии». Позднее, в погашенной книге поступлений Ворошиловского краевого музея краеведения (запись от 16–22 апреля

* Исследование выполнено в рамках проекта «Культуры и культурные общности Циркумпонтийской зоны и прилегающих областей в эпоху палеометалла и раннем железном веке: контакты, традиции и инновации». (№ НИОКТР 126011315523–4)

1939 г.), предмет фигурирует под инвентарным номером 9419 (номер по отделу 538) с аналогичным описанием; в качестве погашенного указан номер 2262.

Хотя вещь впервые описана в 1926–1927 гг., время её фактического поступления в музей остаётся неопределённым. Указание на дар Гурнакова и на «раскопки» без какого-либо археологического контекста позволяет предположить, что обстоятельства передачи предмета были не вполне обычными. Расстояние от с. Татарка до Ставрополя оценивалось современниками как день пути. В записи отсутствуют инициалы дарителя – указана только фамилия. Эти обстоятельства побудили обратиться к документам Государственного архива Ставропольского края.

Архивное исследование: установление личности дарителя. Прежде всего требовалось установить, проживали ли в с. Татарка носители фамилии Гурнаков. По метрическим книгам удалось выяснить, что фамилия Гурнаковы встречается среди жителей с. Татарка с 1872 года и позднее. Сайт «Память народа» в расширенном поиске по фамилии «Гурнаков» и месту рождения «РФ, Ставропольский край, Шпаковский район, село Татарка» выдаёт информацию о четырёх военнослужащих с такой фамилией на период ВОВ. Таким образом, наличие семей Гурнаковых в с. Татарка подтверждается.

Следующей задачей стало выяснение возможных обстоятельств дарения. Поиск по заголовкам дел в Государственном архиве Ставропольского края по запросу «Гурнаков» обнаруживает несколько документов, из которых два касаются покупки усадебной надельной земли обществом Армавир-Туапсинской железной дороги. В одном из них зафиксировано, что 7 ноября 1916 г. нотариус Георгий Константинович

Праве оформил сделку между крестьянином Ставропольской губернии и уезда, Татарской волости и селения Петром Михайловичем Гурнаковым (проживавшим в том же селении и предъявившим удостоверение № 2320, выданное Татарским волостным правлением) и жителем г. Армавира Кубанской области, помощником главного агента по отчуждению имущества общества Армавир-Туапсинской железной дороги инженером-технологом Адольфом Адольфовичем Ющинским (3, л. 15).

В документах содержится описание усадебного участка: с востока и запада ограничен улицами, с юга – усадьбой Довыда Гурнакова, с севера – рекой. Размеры участка составляли 10 сажен в ширину, 10 сажен сзади от речки, 63 сажени от Довыда Гурнакова и 66 сажен вдоль по улице, общая площадь – 640 квадратных сажен (29,13 соток). При продаже участок предназначался для сооружения Армавир-Благодарненской железной дороги. Пётр Гурнаков продал 33 квадратных сажени огородной земли, согласно плану, составленному Строительным Управлением. Земля находилась вне оси железной дороги, против пикета № 766, верста 75, и граничила: со стороны Армавира – с землёй общества крестьян села Татарского, находившейся в пользовании Егора Гурнакова; со стороны Благодарного – с усадебной землёй Антоны Гурнакова; с третьей стороны – с оставшейся землёй Петра Гурнакова. Сумма сделки составила 8 рублей 25 копеек из расчёта 600 рублей за десятину, включая вознаграждение за все убытки. Кроме того, сохранилась выписка из Приговора Татарского сельского схода от 25 марта 1914 г., подтверждающая, что на сходе присутствовали 350 человек (более 2/3 от 510 домохозяйств) в присутствии волостного старшины Афанасия Переверзева, и что Петру

Михайловичу Гурнакову принадлежит земля, унаследованная от отца. В составе участка – дворовое место под жилым домом, сад и огород.

Известно, что 76-я верста от Армавира относилась к разъезду Татарскому (2, с. 16). На современной карте этот разъезд локализуется северо-восточнее пересечения улиц Черешневой и Гагарина в с. Татарка (7, с. 135), в 3 км от границ Татарского городища. Точное местоположение усадьбы Петра Михайловича Гурнакова пока установить не удалось.

Таким образом, архивные материалы позволяют предположить, что Пётр Михайлович Гурнаков мог передать найденную ранее вещь нотариусу и основателю Ставропольского городского музея Г.К. Праве именно при заключении сделки 7 ноября 1916 г. Вероятно, предмет поступил в фонды Ставропольского городского музея им. М.В. Праве, а спустя десять лет, после объединения двух музеев (5, с. 22–24), был впервые описан в книге поступлений.

Описание предмета. Пронизка-распределитель для двух нитей ожерелья отлита по восковой модели и имеет два сквозных отверстия (рис. 1). Она представляет собой фантастическое существо, сочетающее черты земноводного, хищника и птицы. Длина подвески – 3,5 см. Реконструируемая ширина (с учётом утраченной правой ноги) – 3,25 см, сохранившейся части – 2,5 см.

Общий абрис предмета повторяет форму подвесок в виде птиц, широко представленных в кобанской культуре. В профиль подвеска выглядит как три соединённые вместе бронзовые бусины, причём две из них имеют сквозные отверстия.

Голова существа округлой формы, изображена с широко раскрытой пастью: на нижней челюсти – ряд из 7 зубов, на верхней – из 8. Над верхней челюстью изображен

короткий вздёрнутый нос. Глаза обозначены двумя отдельными валиками овальной формы. В верхней части головы, такой же выступающей петлёй, как и нос, передана пара ушей; в профиль уши и нос одной высоты. Описанная голова напоминает голову медведя. Голова непосредственно переходит в туловище, символически обозначенное круглой бусиной с первым сквозным отверстием. Эта бусина является центральной и наиболее тяжёлой частью подвески. Третья бусина со сквозным отверстием полая внутри и сформирована иначе: она изображает ноги и нижнюю часть туловища земноводного. В верхней проекции эта часть имеет вид треугольного туловища с распластанными по бокам лапами, отчётливо напоминающими лягушачьи. Левая лапка сохранилась, правая – сломана. На поверхности верхней части видны четыре параллельные линии.

Таким образом, перед нами сложная зооморфная скульптурная композиция, имеющая яркие черты кобанской культуры. Синкретический образ, объединяющий трёх разных животных, свидетельствует о развитой мифологической системе. Подвеска являлась амулетом и маркером высокого социального статуса владельца.

Аналогии и датировка. На сегодняшний день единственной близкой аналогией описываемому предмету является «подвеска-пронизь в виде фантастического существа» из гробницы 1 могильника Терезе (4, с. 126–127, рис. 12.1, табл. 42.8, фото 3). Удивительной деталью является отсутствие правой лапы на обоих подвесках.

Этот предмет был обнаружен в 1973 г. в ходе подготовительных работ к строительству и передан Х.Х. Биджиеву, а в 1975 г. вместе с ещё 144 предметами (в том числе 10

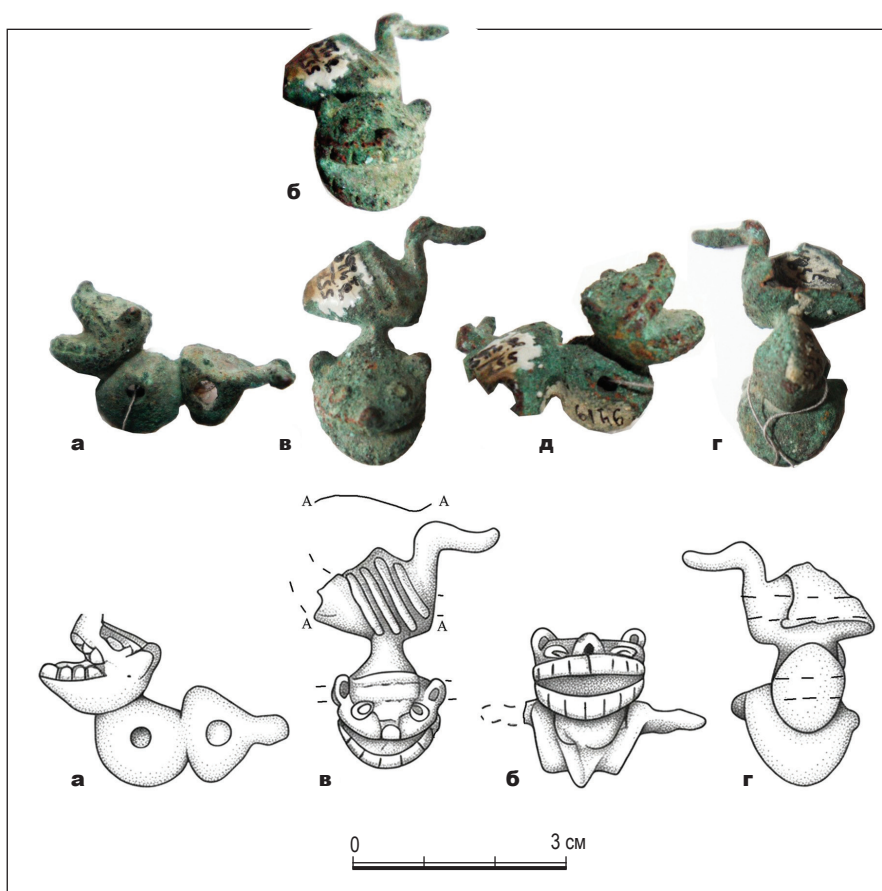

Рис. 1. Бронзовая пронизка-распределитель из окрестностей с. Татарка (СГМЗ ОФ 3227). Фото и рисунок.

подвесками) поступил в Институт археологии РАН. В первой публикации отмечалось, что привески-амулеты являются наиболее яркой в художественном отношении группой предметов (1, с. 233).

В.И. Козенкова указывала, что «точных аналогий украшение не имеет», характеризуя его как «самый ранний экземпляр из серии близких по идее привесок с двумя разными зооморфными персонажами» и относит их появление к концу X – началу IX в. до н.э. (4, с. 126). Единственное различие между дву-

мя предметами касается количества полос на теле существа: на подвеске из Терезе их две, на подвеске из с. Татарка – четыре. Уникальность и самобытность обеих вещей позволяют с высокой степенью вероятности предполагать их изготовление одним мастером.

На основании прямых аналогий с могильником Терезе и с учётом датировки клада с горы Стрижамент (X – первая половина VIII в. до н.э.) (6, с. 179) публикуемая пронизка-распределитель уверенно датируется концом X – началом IX в. до

н.э. Это делает её одним из древнейших кобанских предметов, обнаруженных на территории Ставропольской возвышенности.

Историко-культурное значение находки. Публикуемый предмет имеет значение, выходящее далеко за рамки простого пополнения музейной коллекции. Его изучение позволяет внести вклад в решение нескольких научных проблем.

Расстояние по прямой между кладом на горе Стрижамент и участком Гурнакова составляет 18 км. Оба памятника – и клад, и публикуемая подвеска – относятся к раннекобанскому времени и маркируют процесс экспансии раннекобанских племён в северном направлении.

Публикуемая подвеска является одним из древнейших кобанских памятников на территории Ставропольской возвышенности. Её датировка позволяет уточнить хронологические рамки присутствия кобанских племён в регионе и соотносить их с процессами, происходившими в центральной части Северного Кавказа.

Сложный синкретический образ, сочетающий черты хищника (медведя), птицы и земноводного, свидетельствует о развитой мифологической системе, в которой разные зооморфные коды могли обозначать различные уровни мироздания (земной, воздушный, водный). Тех-

ника литья по восковой модели указывает на индивидуальное мастерство и, вероятно, на особый статус как самой вещи, так и её владельца.

Комплексное исследование – сочетающее архивные разыскания, иконографический анализ и традиционную археологическую типологию – продемонстрировало продуктивность междисциплинарного подхода при изучении музейных предметов с неясным происхождением. Введение в оборот новой раннекобанской находки обогащает корпус источников по кобанской культуре, предоставляет новый хронологический репер для региона и ставит вопрос о необходимости целенаправленного археологического обследования окрестностей Татарского городища с целью выявления погребальных или культовых памятников раннекобанского времени.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с:

- а) проведением металлографического анализа для уточнения технологии изготовления;
- б) поиском дополнительных архивных документов, которые могут пролить свет на обстоятельства обнаружения предмета;
- в) организацией археологической разведки в районе локализации усадьбы Гурнакова для выявления возможного культурного слоя или синхронных памятников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия) // Советская археология. 1980. № 3. С. 225–237.
2. Быхов Г. Н. Административное деление Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги в досоветский период // Культура. Наука. Образование. 2025. Т. 74. № 1. С. 13–22.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 257. Оп. 1. Д. 463.
4. Козенкова В. И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V).
5. Колесникова М. Е. Музейное дело на Ставрополье: страницы истории // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. Вып. 45. С. 20–28.
6. Мошинский А. П., Скаков А. Ю. Раннекобанский клад бронзовых предметов с горы Стрижамент (Ставрополье) // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 259. С. 164–184.
7. Ольховский В. В. К вопросу о периоде эксплуатации Ставропольской «Туапсинки» // Прозрительские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 10. Ставрополь: Бюро новостей, 2019. С. 130–139.

С.Б. БУРКОВ

(Владикавказ, РФ)

ЭКАЖЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНОСТЕЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Аннотация: Поселенческие памятники эпохи бронзы в зоне предгорий Центрального Предкавказья крайне редки, раскопаны частично и мало представлены в научных изданиях. Памятник, расположенный у с. Экажево, был оставлен переселенцами из горно-предгорной зоны Северо-Восточного Кавказа. Его материалы способствуют установлению направления миграционных потоков. Начальный этап функционирования поселения приходится на заключительный этап эпохи ранней бронзы. С целью установления времени существования памятника анализируются данные стратиграфии, представленные в отчетных материалах и научных публикациях. Восприятие информации осложнено неоднозначными методическими приемами полевых изысканий, примененных для изучения поселения. Этнокультурный контекст событий финала эпохи бронзы на Северо-Восточном Кавказе иллюстрируется рядом погребальных комплексов, изученных на Чеченской и Осетинской наклонных равнинах. Они документируют несколько миграционных волн. Захоронения, раскопанные в окрестностях поселения, с ним не однокультурны и не имеют отношения к мигрантам из горно-предгорной зоны Северо-Восточного Кавказа. Этот вопрос пока находится в стадии предварительных оценок.

Ключевые слова: эпоха бронзы, поселение, керамика, стратиграфия, культурный слой, раскопки.

Поселение эпохи бронзы у с. Экажево в Ингушетии расположено на второй надпойменной террасе правого берега р. Сунжа, на западной окраине одноименного села. Первые сведения о его нахождении были получены нами совместно с Т.А. Тайсумовым 19 августа 1994 г. в ходе пешеходного осмотра территории землеотвода под строительство 1-й очереди столицы Ингушетии г. Магас на площади 17,6 га. Помимо 19 курганных насыпей и отдельных потревоженных захоронений, в трех зонах был отмечен поселенческий культурный слой. С его поверхности были подняты отдельные фрагменты керамики, кремневый вкладыш в составной серп, фрагменты турлука и части зернотерок. Общая площадь поселения была определена в пределах 2 тыс. кв. м. На его поверхности располагались отдельные курганы, высотой от 0,3–0,4 до 0,8–1,5 м (2, с. 22; 3, с. 8). Ранее, в 1985 г., Б.М. Хашегульговым на этой тер-

ритории были найдены фрагменты керамики и другие предметы, сопоставленные с распахиваемыми впускными курганными погребениями. Всего в окрестностях с. Экажево им были выделены 2 курганные группы в составе 21 насыпи, и 3 – в самом селе (18; 19). Наличие в этой зоне поселения тогда зафиксировано не было. В мае 1995 г. на территории поселения начались активные строительные работы по возведению электроподстанции «Северо-Восточная» и других сооружений. Это привело к масштабным разрушениям культурного слоя и части курганных насыпей, расположенных в пределах границ поселения. Возведение производственных объектов создало заметные сложности для ведения раскопочных работ широкими площадями. В последующем, в 1996 г., на памятнике Ингушской экспедицией института археологии РАН производились археологические раскопки. Их результаты пред-

ставлены в ряде публикаций (1; 12, с. 101–103; 13; 16; 17).

Ранее мы обращались к теме исследования Экажевского поселения, кратко охарактеризовав методические приемы его раскопок (5, с. 73). Целью настоящей публикации является попытка комплексной оценки результатов полевого изучения, а также определение места этого неординарного памятника в системе древностей Северо-Восточного Кавказа эпохи бронзы.

Каковы основные выводы, к которым пришли исследователи данного памятника после его раскопок? В работах тезисного характера поселение датировано рамками от финала развитого до начального позднего бронзового века. При публикации 1999 г. время его существования было помещено между рубежом ранней/средней бронзы, но не позднее первой четверти – середины II тыс. до н.э. Материальная культура жителей Экажевского поселения была охарактеризована как относящаяся в целом к кругу древностей эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа, восходящих к куро-аракской культуре. Отмечено, что поселенческий комплекс несет черты как ранней, так и средней бронзы. Находки из него не имеют никакого сходства с погребальными наборами из подкурганых погребений эпохи бронзы, раскопанными в округе с. Экажево. Следует ли рассматривать данный факт только как результат хронологических различий, авторы публикации не уточнили (16, с. 70, 71).

Для того чтобы обоснованно судить об этапах существования памятника, обратимся к данным стратиграфии. Опубликованные сведения противоречивы. В тезисах доклада на конференции в Тбилиси в 1998 г. указано, что занимающее обширную площадь Экажевское поселение имеет слабо насыщен-

ный и стратиграфически плохо выделяемый (или не выделяемый) культурный слой (13, с. 62). Этот вывод повторен в статье того же года, посвященной исследованию почв Чеченской наклонной равнины (14, с. 14). В другой статье на эту же тему, опубликованной в том же году теми же исследователями, представлен анализ стратиграфии в разрезе 2/96 в следующих границах поселения: в 20 м от кургана №2, в 100 м от кургана №5, в 200–300 м от кургана №3, который находился прямо над частично исследованным помещением. Указано, что на глубинах от 28 до 42 см начинают встречаться кости животных, фрагменты керамики и куски турлука. Глубина 42–65 см: находки в максимальном количестве: крупные кости, крупные фрагменты керамики. Глубина 65–106 см: продолжают встречаться крупные кости и фрагменты керамики, глубже 105–106 см их уже нет (20, с. 1169).

Эти же сведения без изменений повторены в разделе монографии 2006 г., посвященной публикации результатов раскопок Ингушской экспедиции РАН в районе столицы Ингушетии г. Магас в 1996 г. (21, с. 122, 123). В полевом отчете, экземпляр которого был передан в Ингушский государственный музей краеведения (далее – ИГМК) им. Т. Мальсагова, о раскопках памятника присутствуют следующие сведения. Поселение занимает значительную площадь, обладая культурным слоем слабой насыщенности находками, которые были замечены на поверхности участка, подвергнутого изучению. Работы на памятнике начались со снятия грунта трактором у кургана № 3¹. Быстро выяснилось, что насыпь сооружена на месте котлована более древней постройки. После этого работы были приостановлены² и были продолжены вручную с поштыковой фиксацией

находок. Всего на поселении было заложено 3 раскопа: № 1 размерами 19 × 5,2 м; № 2 общей площадью около 90 кв. м; и № 3 размерами 7,9 × 4,6 м. Раскопкам были подвергнуты квадраты А2 и частично А3-А5. Остальные квадраты раскопкам не подвергались. Восточная часть котлована жилища не исследована. Общая площадь раскопа – 225 кв. м. Находки в культурном слое располагались неравномерно, поэтому на всей территории раскопа с первых 4-х штыков считались суммарно. Штыки 5 и 6 содержали находки из слоя на площади жилища. Штык № 7 – находки на дне жилища. С этого уровня идет описание находок из ям. Следы пожара зафиксированы для жилища, занимавшего нижний горизонт. Описания культурного слоя самого поселения нет, как и находок из него. В условных обозначениях есть слой, обозначенный как «темно-коричневый гумусированный суглинок» – но неясно, есть ли оттуда находки. Все предметы, описанные в отчете, происходят из хозяйственных ям или из сгоревшей постройки, поквратно зафиксированных находок керамики не приведено. Описания раскопов, процедур их исследования, описания артефактов из основной траншеи, поперечных профилей в ней, в отчете нет.

Судя по публикации 1999 г., культурный слой Экажевского поселения в его верхней части был в пределах 40–50 см. Все представленные находки происходят из 2 хозяйственных ям или из самого нижнего слоя единственной, лишь частично раскопанной на данном памятнике, постройки. Культурный слой над ней поврежденный не имеет. Из этого можно сделать три вывода. Во-первых, это значит, что материалов из культурного слоя, расположенного непосредственно над самой постройкой, мы не имеем. Во-вторых, обе хозяйственные ямы, из которых происходит основное количество находок, были выкопаны с уровня самой постройки и в дальнейшем законсервированы сверху поселенческим культурным слоем. В-третьих, раз материалов из культурного слоя нет, то время финала существования памятника остается неизвестным.

Теперь обратимся к характеристикам находок. К «куро-аракскому наследию» отнесен культовый комплекс с печью типа «кор», очага-жертвенника, в составе площадки из обожженной глины и керамической фигурной плиты с 3 спиральными налепами, сосуд без дна, вмзанный в пол. В восточной части постройки – комплекс из 3 сосудов. Из прочих предметов – фрагмент,

- 1 Следует уточнить, что использование тяжелой строительной техники для раскопок возможно лишь для исследования курганных насыпей, но не поселенческих комплексов, где она может применяться лишь при перемещении отработанного грунта (т.н. «отвалов»). В нашем случае речь идёт о раскопках кургана, когда выборка грунта т.н. «траншейным» способом происходит до обнаружения признаков погребения, в данном случае – катакомбы. Расположение погребальной насыпи сверху на поселенческом слое было установлено до начала её исследования. Закладки траншеи была произведена по оси СВ-ЮЗ размерами: длина 16,5 м, ширина 5,5 м. Это событие было подробно охарактеризовано в докладной записке начальника археологической группы (инспекции по охране памятников) при МК РИ министру культуры А.Х. Парову № 77 от 26.07. 1996 г.
- 2 В тексте отчета указано, что пятно котлована жилища было вскрыто на уровне 5–6 «штыка» (находки из слоя на площади жилища), что соответствует минимальным глубинам от 1,0 до 1,2 м. Описание стратиграфии раскопа имеется лишь для площадки над частично раскопанным помещением: слой гумусированного суглинка (затек над котлованом постройки) – 0,9 м, ниже прослойка суглинка – погребенная почва курганной насыпи (мощность не указана), ниже – слой поселения мощностью от 0,4 до 0,5 м. Край котлована постройки зафиксирован с этого уровня – см.: 16, с. 61, 75, рис. 2. Исходя из этого, можно считать установленным, что культурный слой до этих глубин был выбран при помощи тяжелой строительной техники, т.к. исследование грунта вручную началось только после обнаружения котлована постройки.

вероятно, очажной подставки и деталь глиняного изделия с каннелюрами (подъемный материал), идентичный стенке жертвенника, деталь, вероятно, антропоморфного характера с симметрично расположенными по краям вдавлениями, названными публикаторами «глазами». Фрагмент большого сосуда с узким горлом и резко расширенным туловом указан как «напоминающий керамические формы майкопской культуры». Кремневый наконечник стрелы признан наиболее близким к каменным изделиям раннебронзового пласта Сержень-Юртовского поселения.

По основным пропорциям (удлинено-округлое тулово, широкое устье, узкое дно) горшки из Экажево тяготеют к керамике Северо-Восточного Кавказа. В качестве аналогий для некоторых форм были предложены сосуды из Верхнегубинского поселения, для «жаровни» – Чиркейское, Сигитминское поселение и погребение № 1 Карабудахентского могильника №2. Все – в пределах III тыс. до н.э. (по некалиброванным значениям). Основная часть керамики сближена с находками средней бронзы Северо-Восточного Кавказа. По мнению раскопщиков, керамика Экажевского поселения во многом находит аналогии в материалах среднебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа «манасско-гинчинского» (гинчинско-гатын-калинского) этапа. Керамика 1 типа каякентско-хорочоевской культуры, а горшки из Экажево демонстрируют достаточно развитые формы. Датировка для бронзового долота с разомкнутой втулкой – от конца III тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э. Верхняя дата памятника – не позднее первой четверти – середины II тыс. до н.э.

Наши комментарии к этим выводам следующие. Позднее финала эпохи ранней бронзы такие предме-

ты, как печь – т.н. «кор», очажные подставки, фигурная плита с каннелюрами, плита-кирпич с орнаментом, в древностях Северо-Восточного Кавказа уже не встречаются. Материалы культурного слоя над помещением не выделены, рамки существования памятника по находкам из ям и из частично исследованного здания – от 250 до 500 лет. Но за это время культурный слой строения должен демонстрировать заметно большие масштабы. Слой, состоящий из штыков №№ 5 и 6, вероятно, ко времени их отложения, уже «вышел» за рамки первоначального времени существования строения. Тогда он может считаться составляющим вторым этапом существования памятника. Входят ли материалы из этих штыков в культурный слой, обозначенный параметрами «40–50 см», не устанавливается. Исходя из опубликованных профилей, его следует считать третьим хронологическим репером.

Судя по публикациям, посвященным почвоведению, количество находок на уровнях 42–65 см – «в максимальном количестве», они встречались и на глубинах 65–106 см. Эти материалы, вероятно, соответствуют завершающему этапу функционирования памятника. Было ли оно непрерывным или же оно какое-то время не использовалось – по публикуемым материалам неясно. Первичную материальную культуру данного памятника следует связывать с переселенцами из горно-предгорной зоны Северо-Восточного Кавказа, возможно, середины-начала второй половины III тыс. до н.э. по некалиброванным значениям. Это соответствует концу второго этапа куро-аракской культуры (ККА) для этой территории. Определенным временным маркером могла бы послужить керамика с обмазкой. В анализируемой статье

отмечено, что таких образцов «почти нет», среди приведенных форм они отсутствуют. Начальный этап миграционных процессов из горно-предгорных районов современных Дагестана и Чечни на плоскость приходится на финал эпохи ранней бронзы (9, с. 4–8; 10, с. 93–95). Определенное влияние традиций горно-предгорной бронзы фиксируется в погребальных комплексах плоскости и на этапе развитой бронзы (7, с. 13, 15, 16). Миграционные процессы в эпоху поздней бронзы зафиксированы материалами погребений из могильников у с. Бамут и ст. Архонской. В части их погребений присутствует керамика с обмазкой, однако эти формы не находят аналогий в экажевских материалах

(8, с. 78–82, 85; 11, с. 192, 194; 15, с. 35, 43–46, 58, 62, 66–70). Погребальный комплекс в составе костяков ребенка и ягненка, головы барана и зернотерки, присутствующий в двух ямах нижнего уровня Экажевского поселения, находит некоторые аналогии с двумя, вероятно, однокультурными, захоронениями детей в ямах, изученных позднее в окрестностях поселения (4; 6). Присутствие на части экажевской керамики орнамента, находящего аналогии в материалах «северокавказской культуры – культурно-исторической общности – СК КИО) демонстрирует взаимоотношения оседло-земледельческого населения Чеченской наклонной равнины с подвижными скотоводами соседних территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атавин А.Т., Лопан О.В., Маслов Е.В. Экажевское поселение эпохи бронзы в Ингушетии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 611–612.
2. Бурков С.Б. Исследования археологических памятников в зоне строительства столицы Ингушетии г. Магас в 1994–1996 гг. // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Ессентуки, Кисловодск: Кавказинтерпресс, 2002. С. 22–25.
3. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г. Магас // Вестник археологического центра. Вып. 2. Назрань: Кавказская здравница, 2002. С. 8–36.
4. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г. Магас // Вестник археологического центра. Вып. 2. Минеральные воды: 2002. С. 8–36.
5. Бурков С. Б. К вопросу об изученности древностей середины II – середины I тыс. до н.э. с территории Ингушетии: этапы изучения, источниковая база, методика исследований // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 21–25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. С. 71–74.
6. Бурков С.Б. Погребальный комплекс эпохи бронзы из зоны строительства 1-й очереди столицы Республики Ингушетия г. Магас // Вестник археологического центра. Вып. 6. Магас: КЕП, 2018. С. 32–50.
7. Бурков С.Б. Погребение с оружием из кургана у с. Бамут // Вопросы истории и археологии. Вып. 3. Волгоград: Абсолют, 2023. С. 4–19.
8. Бурков С.Б. Погребения эпохи бронзы из курганного могильника «Бамутские сады», группа I. Предварительная публикация // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 16 (23). С. 74–90.
9. Бурков С.Б. Культурные традиции горно-предгорных племен Северо-Восточного Кавказа в курганных погребениях финала ранней – начала поздней бронзы бассейна рек Терека и Сунжи // XX Чтения по археологии Средней Кубани. (Статьи и тезисы докладов). Армавир: Дизайн-студия Б, 2024. С. 4–10.
10. Бурков С.Б. Уникальное погребение бронзового века в предгорной Чечне // Вестник АН ЧР. № 1 (68). 2025. С. 90–99.
11. Бурков С.Б. Погребения в курганах у ст. Архонской и с. Бамут в контексте древностей рубежа средней – начала поздней бронзы Центрального Предкавказья // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып.5. СПб.: Реноме, 2025. С. 189–201.

12. Воронин К.В. Межрегиональная археологическая экспедиция // 30 лет отделу охранных раскопок. Сборник статей. Т. 2. Тула: Гриф и К, 2004. С. 99–104.
13. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Итоги работ в плоскостной зоне Ингушетии // Археологическая конференция Кавказа. Краткое содержание докладов. Вып. I. Тбилиси: 1998. С. 61–64.
14. Воронин К.В., Гольева А.А., Малашев В.Ю., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Использование методов естественных наук при исследовании археологических памятников равнинной части Ингушетии // Естественные научные методы в полевой археологии. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1998. С. 14–35.
15. Кореневский С.Н., Мимоход Р.А. Курганы позднего периода бронзового века у станции Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 120 с.
16. Лопан О.В., Маслов В.Е. Экажевское поселение – памятник эпохи бронзы в Ингушетии // Древности Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1999. С. 61–88.
17. Малашев В.Ю., Атавин А.Г., Воронин К.В., Коробов Д.С., Лопан О.В., Маслов Е.В. Результаты работ Ингушской экспедиции // АО 1996 г. М.: 1997. С. 217–218.
18. Хашегульгов Б.М. Отчет о работах 2-го отряда ППАЭ ЧИГУ им. Л.Н. Толстого и ЧИНИИСФ в Назрановском и Шалинском районах Чечено-Ингушской АССР в 1985 году. Грозный, 1986 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 11240.
19. Хашегульгов Б.М. Разведки в Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1985 г. М.: 1987. С. 158.
20. Хохлова О.С., Малашев В.Ю., Воронин К.В., Гольева А.А., Хохлов А.А. Синлитогенез и эволюция почв Чеченской котловины Северного Кавказа // Почвоведение. 1998. № 10. С. 1164–1176.
21. Хохлова О.С., Хохлов А.А., Гольева А.А. Эволюция почв Чеченской котловины Северного Кавказа и реконструкции условий среды и климата второй половины голоцена // Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 6. М.: ИА РАН, 2006. С. 119–137

А.И. ДЖОПУА

(Сухум, Республика Абхазия)

А.Л. ПЕЛИХ

(Армавир, РФ)

БРОНЗОВЫЕ ТОПОРЫ ИЗ СТЕНДОВ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ*

Аннотация: В статье описываются пять проушных топоров, представленных в стендах Абхазского государственного музея и важных для реконструкции культурных процессов, проходивших на Западном Кавказе и в прилегающих регионах. Предметы найдены в разных районах Абхазии, в г. Сухум и в селах Азанта, Куланурхва и Члоу. Три из них, возможно, являются частями кладов. Датируются изделия различными этапами среднего и позднего бронзового века, с возможным заходом даты топора из с. Куланурхва в начало раннего железного века. Данные химического анализа показывают, что основной легирующей добавкой во всех изделиях является мышьяк, что традиционно для среднего бронзового века региона. В одном тополе есть также легирующая доля свинца, в одном, самом позднем, присутствует небольшая доля олова.

Ключевые слова: Абхазия, проушные топоры, средний бронзовый век, поздний бронзовый век.

Цель настоящей статьи – описание и анализ ряда топоров, находящихся в Абхазском государственном музее, которые можно отнести к среднему бронзовому веку (далее – СБВ) и к позднему бронзовому веку (далее – ПБВ). Все пять представляемых ниже топоров уже известны в научной литературе, но фрагментарность предыдущих описаний потребовала повторной работы с обозначенным материалом.

Первый из топоров (рис. 1, 1, 2, 1) происходит из села Куланурхва, Гудаутского района. Музейный № КЛ-83 – из коллекции А.Л. Лукина. Найден среди остатков дольменных плит (4, с. 22). Впервые опубликован А.А. Иессеном (5, с. 101, рис. 33). Топор прямообушной, с хорошо выделенной пяткой, с узкой обушной частью и широким укороченным клином, со сглаженным уступом спереди (сверху), при переходе обу-

ха к клину, со слабо расширенным вниз лезвием. Проушина вытянута овальная. Клин в поперечном сечении шестигранный. Лезвие слегка закруглено. Отлит в двусторонней форме сверху. По корпусу очень много воздушных раковин. Обух смят с одного бока ударом. Внизу обуха, со стороны спинки – трещина (брак). Вмятины по углам кромки и боков лезвия и немного – на кромке. Длина топора 12,6 см, ширина лезвия 5,3 см, ширина полотна топора в средней части тела 4,8 см; размеры проуха: со стороны спинки 4,1×1,8 см, со стороны брюшка 3,9×1,9 см. Вес 439 г.

А.А. Иессен отнес описанный топор к серии коротких сочинских периода поздней бронзы. Изделие, исходя из морфологических признаков, обозначенных В.С. Бочкаревым (1, с. 168), относится к третьему (позднему) технологическому этапу

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, проект № 26–28–20283, <https://rscf.ru/project/26–28–20283/>

бронзового века на юге Восточной Европы. Для этого этапа характерно изготовление в закрытой двухстворчатой форме, литник которой располагался со стороны обуха оружия. Близких аналогов топора из с. Куланурхва нет. Но его черты можно обнаружить в других изделиях. В частности, слабо выраженный уступ при переходе от обуха к лезвийной части сближает описываемый топор с некоторыми сочинскими (5, рис. 28, 3). А хорошо выделенная пятка является чертой целого ряда колхидских и кобанских форм топоров конца эпохи бронзы – начала раннего железа (см. напр.: 9, табл. I–IV). В целом представляется возможным относить топор из с. Куланурхва к ПБВ – самому началу РЖВ.

Второй топор (рис. 1, 2, 2, 2) происходит из села Азанта, Гулрыпшского района (4, с. 38). Поступление 1926 г. Музейный № 3775. Короткий, с закругленным сверху обухом, с прямой спинкой и расширяющимся вниз прямым лезвием, проушина круглая, расположена почти у края обуха. Клин в поперечном сечении прямоугольный. На боковых гранях обуха – три продольных валика. Часть втулки обломана, судя по патине – в древности: возможно, литейный брак. Лезвие со следами работы – во вмятинах, по углам лезвие обломано в древности. Отлит в двусторонней форме, место литника не выделено. По корпусу много крупных воздушных раковин. Длина топора 11,9 см, ширина лезвия (оставшаяся, по верхним краям обломов) 5,9 см, ширина полотна топора под проухом 3,1 см, ширина обуха 3,3 см. Размеры проуха: со стороны спинки 2,5×2,6 см, со стороны бруска 2,4×2,3 см. Вес 310 г.

Д.Л. Коридзе поместил топор из с. Азанта в ряд изделий, датирующихся им XVI–XII вв. до н.э., синхронизировав его, в частности, с ранними колхидскими топорами из

Лыхненского и Пицундского кладов (6, табл. VI). Предмет можно сравнить с некоторыми короткими сочинскими топорами по А.А. Иессену (5, рис. 28, 2, 3), а также, отдаленно, с массивными топорами из Лыхненского (7, рис. 3, 34) и Пицундского кладов (5, рис. 32, 1) позднего бронзового века. При этом пропорции топора из села Азанта уводят его в средний бронзовый век (7, с. 273). То есть датировать топор из с. Азанта можно в широких пределах конца СБВ – ранних этапов ПБВ региона.

Третий из представленных топоров (рис. 1, 3, 2, 3) найден в составе клада бронзовых предметов в глиняном кувшине в селе Члоу Очамчирского района. Три других топора из этого клада в музей не поступили (4, с. 40). Музейный № 1035. Вислообушный, с круглой проушиной, удлиненным клином, с прямой спинкой и расширяющимся вниз округлым лезвием. Втулка удлинена со стороны бруска. Клин в поперечном сечении трапециевидный. Лезвие внизу деформировано – оборвано в нескольких местах, на клине, особенно ближе к краю лезвия, есть старые следы ударов (вмятины). Отлит в двусторонней форме, в спинку – видна впадина от просадки металла. С мелкими воздушными раковинами. В патине. Длина топора 17,4 см, ширина лезвия 6,5 см, ширина полотна топора под проухом 3,2 см, ширина обуха 4,5 см. Диаметр втулки со стороны спинки 2,5×2,8 см, диаметр втулки со стороны бруска 2,6 см. Вес 700,7 г.

Топоры с удлиненным обухом, отлитые в спинку характерны для среднего бронзового века. Д.Л. Коридзе орудия, близкие изделию из с. Члоу, поместил в группу предметов, датирующихся XVIII–XVI вв. до н.э. (6, табл. VI). Действительно, похожие топоры есть, в частности, в Урекском кладе (8, табл. XX, 5, 6

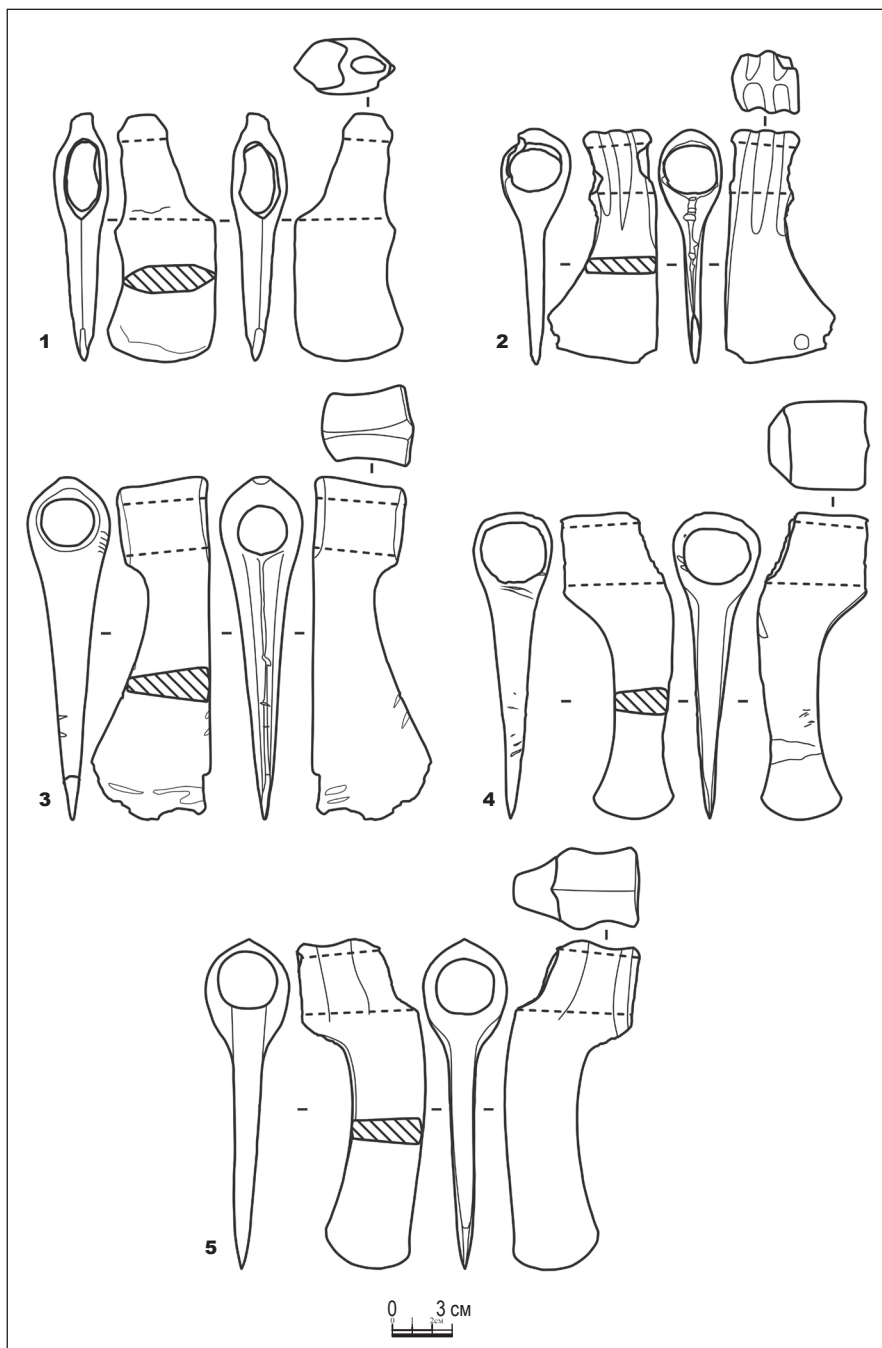

Рис. 1. Топоры из Абхазского государственного музея, рисунки: 1 – Кула-
нурхва; 2 – Азанта; 3 – Члоу; 4–5 – Лечкоп.

Рис. 2. Топоры из Абхазского государственного музея, фото: 1 – Куланурхва; 2 – Азанта; 3 – Члоу; 4–5 – Лечкоп.

и др.), маркирующим переходный этап от средней к поздней бронзе (2, с. 30).

Два топора происходят из села Лечкоп, территория которого сейчас входит в г. Сухум, поступление 1961 г.:

1. Лечкоп, Сухум (4, с. 31; 6, с. 27). Музейный № 939. Топор (рис. 1, 4, 2, 4) вислообушный, с круглой проушиной, удлинённым, сужающимся к лезвию клином, симметрично (вверх и вниз) расширенным лезвием. Втулка удлинена со стороны брюшка, скошена впереди. Корпус слегка изогнут – клин поставлен под небольшим углом к обуху. Клин в поперечном сечении трапецевидный. Очищен от патины. С многочисленными воздушными раковинами на поверхности, часть раковин очень большие. С литевыми шероховатостями. На кромке лезвия есть вмятины. Длина топора 15,6 см, ширина лезвия 4,3 см, ширина полотна топора по середине 2,9 см, ширина обуха 3,3 см. Диаметр втулки со стороны спинки 3,1×3,4 см, диаметр втулки со стороны брюшка 2,9×3,5 см. Вес 515 г.

2. Лечкоп, Сухум (4, с. 31; 6, с. 27). Музейный № М–10. Топор (рис. 1, 5, 2, 5) вислообушный, с круглой проушиной, удлинённым клином примерно одинаковой ширины, симметрично (вверх и вниз) расширенным лезвием. Втулка удлинена со стороны брюшка, скошена, с уступом впереди. На боках обуха ближе к его краям – валикообразные утолщения. Корпус слегка изогнут – клин поставлен под небольшим углом к обуху. Клин в поперечном сечении трапецевидный. Лезвие работа-

но, с вмятинами. На предмете не до конца счищены литевые шероховатости. Длина топора 16,7 см, ширина лезвия 4,6 см, ширина полотна топора посередине 3,7 см, ширина обуха 4,2 см. Диаметр втулки со стороны спинки 3,0 см, диаметр втулки со стороны брюшка 2,9 см. Вес 672,3 г.

Д.Л. Коридзе считал два описанных орудия кладом или частью клада топоров, состоявшего минимум из 4 изделий, датировав их в пределах XVIII–XVI вв. до н.э. (6, с. 27–28, табл. VI).

Подобные топоры принадлежат т.н. урекскому типу. В целом мы можем сейчас оперировать данными о более чем 35 изделиях этого типа. Они известны как к югу, так и к северу от Главного Кавказского хребта, принадлежат к двум зонам производства – западнокавказской и кубанской (3, с. 108). В Прикубанье и в Северном Причерноморье эти топоры относятся в первую очередь к раннему, ахметовскому этапу прикубанского очага металлопроизводства. В Западном Закавказье – ко времени древнее комплексов типа Лыхненского и Пицундского кладов, к рубежу средней и поздней бронзы.

В отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, С.В. Хавриным, с помощью спектрометра ArtTAX (Brüker) был проведен рентгено-флуоресцентный анализ металла проушных топоров¹.

Как видно из таблицы, все проанализированные изделия отлиты из бронз. Основной легирующей добавкой во всех изделиях является мышьяк, что традиционно для среднего бронзового века региона. В трех топорах он – единственная

¹ Благодарим С.В. Хаврина и И.Ж. Тутаеву за помощь и проведение анализов.

Таблица 1. Состав сплавов проушных топоров из Абхазского государственного музея. Измерения с помощью РФА-спектрометра ArtTAX (Brüker) (масс. %)

Место	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Ni	Fe
Азанта	основа	3–4	—	Сл.	Сл.	—	Сл.	<0,3
Лечкоп М 10	основа	3–3,5	—	—	—	—	—	—
Лечкоп №939	основа	3–4	—	Сл.	—	Сл.	Сл.	<0,2
Куланурхва	основа	2–3	<0,6	<0,4	Сл.	Сл.	—	—
Члоу	основа	4–5	—	1–1,5	Сл.	—	Сл.	—

легирующая добавка. В топоре из с. Члоу мышьяк сочетался с легирующей долей свинца. В топоре из с. Куланурхва присутствует небольшая доля олова. Отметим, что появление олова в этом изделии вполне сочетается с его в целом поздней относительно других проанализированных изделий датой.

В целом, представленные в нашей статье топоры, относящиеся к различным этапам среднего и позднего бронзового века, являются одними из многих, но важных материалов для реконструкции древнего культурогенеза Западного Кавказа и прилегающих территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев В.С. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 166–170.
2. Бочкарев В.С., Пелих А.Л. Проушные топоры переходного периода от средней к поздней бронзе из Прикубанья // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения: мат-лы межд. научн. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. Майкоп: Качество, 2022. С. 28–31.
3. Бочкарев В.С., Пелих А.Л. Связи прикубанского очага металлопроизводства периода поздней бронзы с Центральным и Западным Закавказьем // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2022. № 27. С. 105–116.
4. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара. 94 с., 25 л. ил.
5. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.
6. Коридзе Д.Л. Клад из сел. Лыхни и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров // Вестник Гос. Музея Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа. 1968. XXV – В. С. 15–30 (на груз. яз.).
7. Пелих А.Л., Джопа А.И., Скаков А.Ю. Клад бронзовых топоров из с. Лыхны: современный взгляд // Археологические вести. 2024. № 44. С. 261–276.
8. Рамшвили А.Т. Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми: Сабчота Аджара 1974. 137 с. (на груз. яз.).
9. Сахарова Л.С. Еще раз о типологии колхидского топора // Дзиебани. 1998. № 1. С. 34–42 (на груз. яз.).

Д.А. КАНДЕЛАКИ

(Гагры, Республика Абхазия),

Г.Н. КЕРЦЕВА

(Владикавказ, РФ)

БРОНЗОВЫЕ ФИГУРКИ ДИОНИСА И АПОЛЛОНА ИЗ ФОНДОВ ПИЦУНДСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ВЕЛИКИЙ ПИТИУНТ»

Аннотация: В Пицундском историко-археологическом музее хранятся бронзовые фигурки Диониса и Аполлона. Эти фигурки происходят из раскопок Пицундского городища – крупнейшего и эталонного археологического памятника античности – части крупного римского фортификационного комплекса «Великий Питиунт». Во II–VI вв. н. э. здесь были расквартированы XII Молниеносный и XV Аполлониев легионы. Фигурки могли быть связаны с атрибутом повседневного быта легионеров. Судя по пазам, фигурка Диониса крепилась на овальный шест, а фигурка Аполлона могла являться частью подлокотника кресла или трона.

Ключевые слова: бронзовые фигурки, Дионис, Аполлон, Абхазия, Пицунда, музей, городище, римские легионы.

Среди многочисленных экспонатов эпохи античности, хранящихся в фондах и экспонируемых в Пицундском историко-археологическом музее, интерес представляет подлинные шедевры античной скульптуры – бронзовые фигурки Диониса и Аполлона. Эти фигурки (во всяком случае, фигурка Диониса) происходят из раскопок на территории Пицундского городища – крупнейшего и эталонного археологического памятника античности мирового значения. «Пицундское городище» – это остатки крупного римского фортификационного комплекса «Великий Питиунт», функционировавшего как часть системы римской обороны, известной как «Понтийский лимес». «Великий Питиунт» функционировал в римское, а позже и уже в византийское время со II по VI вв. н. э. Вне зависимости от того, насколько правомерно в науке выделение самой системы римской обороны Восточного Причерноморья и известного как «Понтийский лимес», существование здесь

крупного римского укрепления крепости «кастеллы» или «каструма» и прилегающей к ней «канабы» подтверждается исследованиями многочисленных материальных памятников и письменных источников (4; 6; 7; 9; 11; 12; 13; 18; 27). На протяжении нескольких десятилетий, с 50-х по конец 70-х гг. XX века, здесь на территории «Пицундского городища» работала «Пицундская археологическая экспедиция Академии Наук Грузинской ССР» под руководством профессора А.М. Апакидзе. Результаты археологических исследований были опубликованы в фундаментальном труде «Великий Питиунт», вышедшем в трех томах (5). По сути, подавляющую часть коллекции фондов Пицундского историко-археологического музея, функционирующего с 1975 года при Государственном историко-архитектурном заповеднике «Великий Питиунт», составляют коллекции из этих раскопок, происходящих с городища «Великий Питиунт» и близлежащих территорий. Сами бронзо-

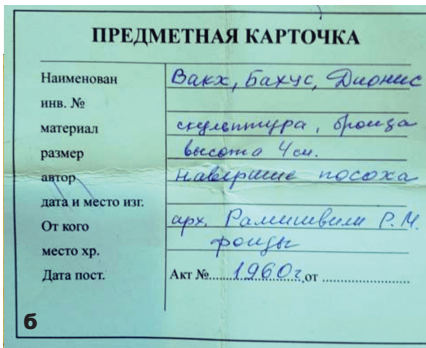
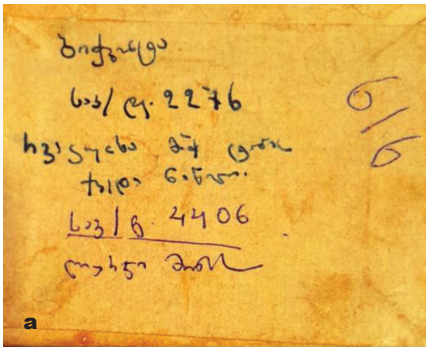

Рис. 1. а — Карточка из фондов Пицундского историко-археологического музея на грузинском языке (Примечание: Надпись на грузинском языке зафиксирована на крышке коробочки, в которых хранятся бронзовые фигурки Диониса и Аполлона.).

б — Карточка из фондов Пицундского историко-археологического музея на русском языке.

вые фигурки, несомненно, происходят из городища, во всяком случае, это касается бронзовой фигурки Диониса. Что же касается фигурки Аполлона, то данный вопрос остается открытым. В процессе исследования материалов и источников мы пришли к выводу, что эти фигурки были обнаружены в 1960 году и исследованы Р.М. Рамишвили (24). Однако после знакомства с данной публикацией мы пришли к выводу, что в работе Р.М. Рамишвили, опубли-

кованной ранее на грузинском языке, речь идет о фигурках Диониса и «так называемого Рыбака», в то же время в статье отсутствует информация о фигурке Аполлона.

В связи с этим обстоятельства находки фигурки Аполлона остаются фактически открытыми. Тем самым можно говорить о том, что фигурка Диониса вводится в научный оборот вторично, а фигурка Аполлона впервые. Данные находки, а именно бронзовые фигурки Диониса и Аполлона хранятся с описями, как на грузинском, так и на русском языках в фондах хранения Пицундского историко-археологического музея за №199 в общей коробке (Рис. 1).

Также об этих бронзовых фигурках упоминается и в ряде других работ (2; 6). З.В. Анчабадзе датирует культурный слой, в котором были обнаружены описанные произведения, II-III вв. н.э. (2, с. 144).

Следует отметить, что изучение греческой и римской античной бронзовой скульптуры Северного Причерноморья как в контексте археологическом, так и в искусствоведческом, широко представлено в литературе (10; 17; 19; 23; 26; 28; 30).

Бронзовая фигурка представляет собою сидящего Диониса с полусогнутой левой ногой и выпрямленной правой.левой рукой он держит кисть винограда, прижав её к груди. На голове, очевидно, проглядываются еле заметные следы то ли кудрявой прически, то ли какого-то украшения, однако детальное рассмотрение не представляется возможным. Фигурка Диониса сохранилась в сильно коррозированном состоянии. К сожалению, мелкие детали пластики не удастся визуализировать и описать. Так, например, отсутствует отчетливое изображение лица, а также обломана кисть правой руки. Размеры фигур-

ки: высота – 5,2 см, а толщина – 1,8 см. У основания фигурки видно отверстие продолговатой формы, очевидно служившее местом крепления на овальный шест. Длина с внутренней части отверстия равна 1,9 см, а ширина 1 см, глубина отверстия составляет 0,6 см. Скульптура цельнолитая из бронзы, вес составляет 80 гр. Судя по отверстию у основания фигурки, мы в качестве предварительной версии предполагаем, что это навершие (Рис. 2).

О том, что это фигурка Диониса, свидетельствует виноградная гроздь в его руке. Дионис, Бахус, Вакх в греческой мифологии – бог плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства, виноделия. Дионис считается божеством восточного (фракийского и лидийско-фригийского) происхождения, распространившегося в Греции сравнительно поздно и с большим трудом утвердившегося там (19, с. 190). Впоследствии Дионису стали поклоняться и римляне. Изначально ему поклонялись как божеству, придававшему растениям жизненную силу.

В произведениях искусства Дионис изображался в разных ипостасях. В одном случае он изображался как мужчина в возрасте с длинной бородой, а в другом – в виде прекрасного юноши, в облике которого прослеживаются так называемые андрогинные, то есть промежуточные мужские и женские черты. У него нет бороды, а волосы ниспадают длинными прядями. На его лбу венки из ивовых ветвей или виноградных лоз. Помимо этого, в отдельных случаях он изображался в виде ребёнка. В сцене визита к Икару Дионис научил смертного выращивать и перебирать виноград (22, с. 133, 135–136). Фигурка из Пицундского городища представляет третий вариант изображения. З.В. Анчабадзе пишет: «Интерес-

ны бронзовые фигурки, обнаруженные в Пицунде. Одна фигурка представляет собой изображение древнегреческого божества Дионисия в сидячей позе, нагого. Как видно, она составляла часть композиционной группы» (2, с. 143). Возможно, что частью композиции являлась фигура Икара. По мнению Е.В. Фёдоровой, «то, что Дионис – бог умирающий и воскресающий, является свидетельством его восточного происхождения. Возможно, базовые истоки культа божества виноградарства и виноделия сформировались в местах и очагах древнейшего зарождения и доместикации винограда. Эти области связаны с территорией Восточного Причерноморья, включая территории нынешней Абхазии и Грузии. Отсюда эта традиция стала распространяться в Европу в период не позднее III–II тыс. до н.э.» (25, с. 139).

Распространение и утверждение культа Диониса в Греции относится к VIII–VII вв. до н.э. и связано с ростом городов-государств (полисов) и развитием полисной демократии. В этот период культ Диониса стал вытеснять культы местных богов и героев. Дионис, как божество земледельческого круга, связанное со стихийными силами земли, постоянно противопоставлялся Аполлону – как, прежде всего, божеству родовой аристократии. Растительное прошлое этого бога подтверждается его эпитетами: Эвий («плющ», «плющевой»), «виноградная гроздь» и т.д. Повсюду, где появляется Дионис, он учреждает свой культ; везде на своём пути обучает людей виноградарству и виноделию. В древнем Риме Дионис почитался под именем Вакха (отсюда вакханки, вакханалии) или Бахуса (19, с. 190).

Большой интерес представляет и тот факт, что образ Диониса зафиксирован в традиционном искусстве абхазов (1). Так, в фондах Абхазско-

Рис. 2 (а, б, в, г). Бронзовая фигурка, изображающая Диониса из фондов хранения Пицундского историко-археологического музея. Фото 2025 года.

го государственного музея сохранился экземпляр абхазского паласа XIX в. (Рис. 3).

По сохранившейся информации, на паласе выткана сцена жертвоприношения. Сюжет сцены носит ярко выраженный античный характер. Композиция состоит из трех

человеческих фигур. Обнаженная мужская фигура с тирсом в левой руке. На тирсе под линией – развевающаяся лента. В правой руке – гроздь винограда. Справа и слева две женские фигуры, правая из которых изображена спускающейся с блюдом в руках. Левая

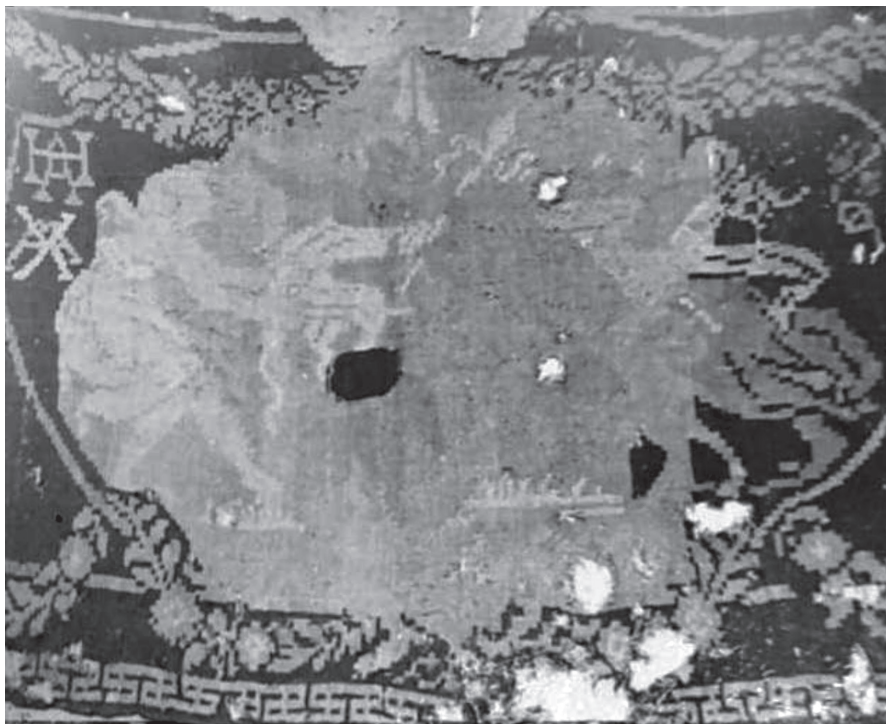

Рис. 3. Абхазский палас XIX в. с изображением Диониса или абхазского божества виноделия Нар.

фигура в хитоне тянет за собой за веревку животное, которое четко определяется как коза. На переднем плане между женской фигурой и козой изображено пламя. Данный палас был доставлен из села Хуап Гудаутского района. Сам палас был представлен на выставках. В сентябре 1976 года он выставлся в Выставочном Зале Съезда художников Абхазии, в экспозиции «Абхазское народное творчество», «Ткачество» в г. Сухуми. В августе 1977 года палас экспонировался в зале «Абхазы. Быт и искусство» Государственного музея этнографии народов СССР в г. Ленинграде.

Некоторыми абхазскими специалистами-этнологами сцена паласа идентифицируется с абхазским бо-

жественным пантеоном, и изображение определяется как Нар – божество и покровитель виноделия и виноградарства у абхазов. Не исключено, что сцена паласа отображает сцену древнего абхазского ритуала, посвященного богу Нар, а также с древними культовыми ритуалами и священнодействиями, связанными с традицией открывания и закрывания вина, широко представленного в абхазской религиозной практике как отголоски ранних дохристианских религиозных представлений абхазов (15; 16).

Бронзовый бюст Аполлона в отличие от фигурки Диониса имеет очень хорошую сохранность. В этом отношении он перекликается с классическим стилем рим-

ского искусства. Хорошо выражены волевые черты лица. Мастер, изготовивший эту фигурку, детально показал положение волос и прически. Голову украшает лавровый венок. Хорошая сохранность фигурки позволяет дать и некоторые основные размерные характеристики. Общая высота составила 6,6 см, толщина 2 см. Основание фигурки имеет строго квадратную форму и составляет 1,5 на 1,5 см. С внутренней стороны имеется отверстие округлой формы диаметром 1 см и глубиной 1,8 см, специально предназначенное для крепления к вертикальному шесту. Фигурка цельнолитая, металл бронза и его вес составляет 165 гр. Для неё характерна отходящая позади от шеи горизонтальная конструкция с заметными следами крепления в самом конце. Длина этой конструкции 2,5 см, ширина в самой узкой части у шеи 1,1 см, а ширина у самой широкой части 1,5 см, толщина 0,7 см (Рис. 4).

О том, что это изображение Аполлона, свидетельствует лавровый венок. В образе Аполлона отразилось своеобразие греческой мифологии в её историческом развитии. Для архаического Аполлона характерны наличие растительных функций, его близость к земледелию и пастушеству. Он — Дафний, т.е. лавровый, «прорицающий из лавра», «любящий лавровое дерево», любящий Дафну... Из греческих колоний в Италии культ Аполлона проник в Рим, где этот бог занял одно из первых мест в религии и мифологии... С эпохи колонизации греками Малой Азии (с VII в. до н.э.) Аполлон прочно вошёл в олимпийский пантеон богов, при этом восприняв от других богов дар прорицания (от Геи), покровительство музыке (от Гермеса), вдохновенное буйство и экстаз (от Диониса) и др.» (3, с. 53).

Скорее всего этот бюст являлся декоративной частью подлокотника кресла или трона. Такие фигурки в виде антропоморфных и зооморфных фигурок и головок известны в качестве украшений подлокотников. Такое украшение трона встречается в виде голов баранов, которые являются зооморфной ипостасью Аполлона. Венок на голове бюста свидетельствует о том, что это изображение Аполлона. Лавровый венок на голове Аполлона — это память о любимой нимфе Дафне, которая, избегая его ухаживаний, обратилась в лавр. Голова Аполлона в лавровом венке появляется на ольвийских монетах ещё в последней четверти IV в. до н.э. (29, с. 180).

С учетом специфики изображения есть все основания считать бюст Аполлона принадлежащим именно римскому искусству. Не исключено, что оно было украшением какого-то предмета, быть может, даже военного назначения. В этой связи любопытно отметить, что здесь в крепости «Великий Питиунт» были расквартированы римские легионы XII Фульмината /Громоносный/ Молниеносный легион (Легион «Быстрого реагирования») и XV Аполлониев легион. Возможно, фигурка Аполлона могла быть связана с атрибутом повседневного быта легионеров и являлась частью украшения какого-то предмета, возможно военного назначения или части мебели, гордо подчеркивая принадлежность хозяина данного предмета к составу Аполлониева легиона. Учитывая, что крепостные стены Питиунта были возведены во второй половине II в. н.э., а присутствие римских гарнизонов в «Понтийском лимесе» фиксируется с конца I по начало III в. н.э. (7, с. 166), то фигурки Диониса и Аполлона можно датировать второй половиной II — началом III в. н.э.

Рис. 4 (а, б, в, г, д). Бронзовый бюст, изображающий Аполлона из фондов хранения Пицундского историко-археологического музея. Фото 2025 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджинджал Е. К. Изображение Диониса на абхазском паласе XIX века. // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М.: Наука, 1978. С. 125–129.
2. Анчабадзе З. В. История и культура Древней Абхазии. М.: Наука, 1964. 239 с.
3. Аполлон // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 52–53.
4. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум: б.и., 2007. 392 с.
5. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде: в 3 т. Тбилиси: Мецниереба, 1975–1978.
6. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 93 с., XLIX таб.
7. Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. I. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, 2006. 456 с.
8. Дионис // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 190.
9. Дорофей (Дбар), архимандрит. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Изд. 2. Новый Афон (Анакопия): Священная метрополия Абхазии, 2015. 343 с.
10. Иванова А. П. Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса // Советская археология, 1964. № 2. С. 134–139.
11. Канделаки Д. А. Памятники историко-культурного наследия Гагрского района: типология, классификация, хронология // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России: Сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной 30-летию СНИЦ РАН и СГУ. Сочи: ФГБУН СНИЦ РАН, 2018. С. 117–123.
12. Канделаки Д. А. Гагрский район Республики Абхазия: Ч. 2. Период Античности и Средневековья. Краткий обзор // Наука как ключевой фактор развития современного общества: I Международная научно-практическая конференция 29 марта 2024 г.: Сборник материалов и докладов. Краснодар: НИЦ «Актуальность.РФ», 2024. С. 247–263.
13. Касландзия Н. В. Сборник статей по истории Абхазии. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2021. 128 с.
14. Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе О. Д., Тодуа Т. Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. 1987, №2. С. 88 – 92.
15. Кобахия Ф. М. Некоторые архаичные данные о виноградарстве и виноделии у абхазов // Обращение и наука в России и за рубежом, 2020, № 12 (Vol. 76). С. 267–272.
16. Кобахия Ф. М., Ачба Н. В. Нар – древнеабхазское божество виноделия // Перспектива – 2020. Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Т. I. Нальчик: КБГУ, 2020. С. 180–183.
17. Кузина Н. В. К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. С. 649–654.
18. Леквинадзе В. А. Понтийский лимес // Вестник Древней Истории. М., 1969. №2 (108). С. 75–93.
19. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 524 с.
20. Малышев А. А. Культовая античная терракота на Юго-востоке Азиатского Боспора // КСИА, М., 2014. Вып. 233. С. 133–144.
21. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 190.
22. Мюррей А. Справочник по мировой мифологии. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.
23. Онайко Н. А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 153–160.
24. Рамишвили Р. М. Две бронзовые скульптуры из Бичвинта // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1963. Т. III. С. 133–136
25. Фёдорова Е.В. Мифы и реальность Древней Греции. М.: Изд. Моск. ун-та, Наука, 2005. 288 с.
26. Хамула Д. В. Эмблематика ленийских ваз V века до н. э.: семантика пчелиных сот в контексте дионисизма // Гербоведение. Т. IV. М.: Старая Басманная, 2015. С. 203–229.
27. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.
28. Шавырина Т. Г. Гемма с изображением Аполлона из некрополя Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 242–247.
29. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал. В Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 484 с.
30. Шауб И. Ю. Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья, 2023. № 15. С. 701–735.

Р.Ю. КЕРЦЕВ

(Владикавказ, РФ)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛАНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЗИЛЬГИНСКОГО ГОРОДИЩА

Аннотация: Вокруг Зильгинского городища I–VII вв. н.э. сформировался некрополь, представленный «Бесланским курганным катакомбным могильником» I–V вв. н.э. к северо-западу от г. Беслан, «Курганом» в 1,6 км севернее г. Беслан, «Курганной группой» из 5 курганов в 1 км к северо-западу от г. Беслан. С 1988 по 2014 г. в ходе археологических раскопок Института истории и археологии РСО – Алания было выявлено 800 катакомб II – начала V в. н.э. В 2018 г. Х.В. Чшиев выявил курганный группу к северо-западу от городища, курган Заурбек-Обау к северу, курган к северо-северо-востоку от с. Зильга, в 2020 г. были исследованы катакомбы на южной окраине городища. В 2020 г. Институт археологии РАН использовал на Бесланском могильнике, космические снимки, низковысотную аэрофотосъемку, фотограмметрию и магнитометрическое обследование. В 2024 г. в 2–2,5 км к северо-востоку от Зильгинского городища автором были проведены археологические разведки с шуровками, которые обнаружили в культурном слое вокруг кургана Эльберт-Обау керамику, аналогичную обнаруженной на Зильгинском городище.

Ключевые слова: Северная Осетия, Зильгинское городище, Бесланский курганный катакомбный могильник, аланы, могильники.

Зильгинское городище – эталонный памятник раннеаланской археологической культуры I–V вв. н.э. Эпизодически жизнь на городище существовала и в VI–VII вв. н.э. Городище входило в систему средней цепи земляных городищ, расположенных вдоль южных экспозиций Терско-Сунженского хребта, обеспечивая безопасность и стабильность существования Алании – V в. н.э. Оно находится на юго-восточной окраине с. Зилга на возвышенной гряде «высоты Герменчик», в 1,5 км от г. Беслан и занимает территорию древнего коренного берега поймы р. Камбилеевка. Северный, северо-восточный фасы городища имеют крутые склоны и в древности омывались р. Камбилеевкой (9, с. 12–14). Общая площадь укрепленной части городища составляет около 1,5 км. Сюга на север имеет протяженность 750–800 м; по линии запад-восток – 1100–1200 м. Его окружает неукрепленное селище (Рис. 1) (7, с. 72–104; 1, с. 75–107).

Вокруг городища сформировался некрополь, на котором в течение нескольких столетий хоронили население Зильгинского городища. Некрополь представлен выявленными ОКН: «Бесланский курганный катакомбный могильник» I–V вв. н.э., расположенный к северу и северо-востоку от г. Беслан, «Курган» в 1,6 км севернее г. Беслан; «Курганная группа» из 5 курганов в 1 км на северо-запад от г. Беслан (8) (Рис. 1).

На «Бесланском курганном катакомбном могильнике» с 1988 по 2014 гг. в ходе охранно-спасательных археологических раскопок Института истории и археологии РСО – Алания (рук. Ф.С. Дзудев) было выявлено 800 погребальных комплексов аланской культуры начала V в. н.э. Они состоят из входных ям-дромосов и камер с захоронениями. Большая часть погребений курганных катакомб ограблена в древности. В катакомбах совершались одноразовые, чаще индивидуальные, захоронения. Значительно реже встречаются погребения двух

или трёх человек. Погребённые, как правило, ориентированы головой на восточный сектор. В погребениях, несмотря на ограбления, встречено значительное количество инвентаря. Безынвентарные погребения редки. Отмечаются находки керамических сосудов, железных мечей и кинжалов, уздечных наборов, ременной гарнитуры, ножей, шильев, фибул и др.; бронзовых фибул, ременной гарнитуры, зеркал, колец, бляшек и др.; серебряных фибул, ременной гарнитуры, украшений и др.; золотых бляшек, бус, подвесок, серёг, браслетов, конских украшений, деталей парадной конской сбруи, а также многообразие стеклянных, каменных и фаянсовых бус и подвесок. Также на этой территории было обнаружено около 20 захоронений позднекатакомбной культуры, комплекс раннескифского времени и около 10 погребений II в. до н.э. – I в. н.э. (3, с. 9–10).

В 2018 г. ООО ЦНПИ «Фадатон-дон» (рук. Х.В. Чшиев) проводились разведки в связи со строительством автодороги «Кавказ» – Старый Батако – Хурикау-Малгобек-Моздок, которые выявили погребальные памятники, относящиеся к Зильгискому городищу: курганную группу в 1 км к северо-западу от городища, курган Заурбек-Обау в 2 км от городища, а также распаханный курган в 3 км к северо-северо-востоку от с. Зильга. В 2020 г. археологические работы на территории дороги продолжились в виде спасательных раскопок на территории Зильгинского городища. Были выявлены и исследованы катакомбы на южной окраине Зильгинского городища (9).

В 2020 г. Институт археологии РАН проводил археологические разведки на Зильгинском городище и Бесланском могильнике, используя новые методы исследования. Работы проводились Д.С. Коробовым (5). С помощью космических

снимков, низковысотной аэрофотосъемки, фотограмметрии и магнитометрического обследования удалось в кратчайшие сроки с минимальным вскрытием уточнить их топографические и планиграфические особенности и хронологические рамки некрополя. Общая площадь некрополя составила около 324 га (3,24 кв. км). Максимальная длина его по оси с северо-запада на юго-восток составляет 3 км, а ширина в средней части достигает 1,4 км. Принимая за расчетную площадь могильника около 300 га, мы получаем от 4500 до 7500 курганов в их максимальной концентрации (6, с. 157, рис. 2–4) (12).

В 2020 г. параллельно с работами ИА РАН проводились раскопки (руководитель Х.В. Чшиев) на территории дороги, проходящей через Зильгинское городище. На территории Зильгинского городища также были обнаружены катакомбные захоронения (10).

«Бесланский курганный катакомбный могильник» аланской культуры находится на северо-восточной окраине г. Беслана. Он как бы охватывает территорию Зильгинского городища с юга, юго-востока и юго-запада и местами перекрывает этот средневековый город. Могильник занимает огромную площадь – более 700 гектаров. Погребальные сооружения могильника представляют собой катакомбы Т-образной в плане формы, выкопанные в глинистых пластах подземные склепы с коридорами – входными ямами подпрямоугольной формы на глубине до 10 метров, снабженные, как правило, ступеньками у задней стенки. Камеры склепов овальной или подпрямоугольной в плане формы и стрельчатым или полукруглым сводом. Сверху над катакомбами были насыпаны курганы, которые сегодня уже не видны. Вокруг них зафиксированы ровики кольцевой

или квадратной формы с двумя меридионально расположенными перемышками в соответствии с ориентировкой входных ям-коридоров. Встречаются и катакомбы без курганов и ровиков (12).

ного наследия РСО – Алания и УФСБ провели совместный рейд по фиксации разрушения объекта культурного наследия «Бесланский курганный катакомбный могильник I–V веков н.э.». В ходе осмотра могильника в стенках карьера были выявлены следы дромосов и погребальных

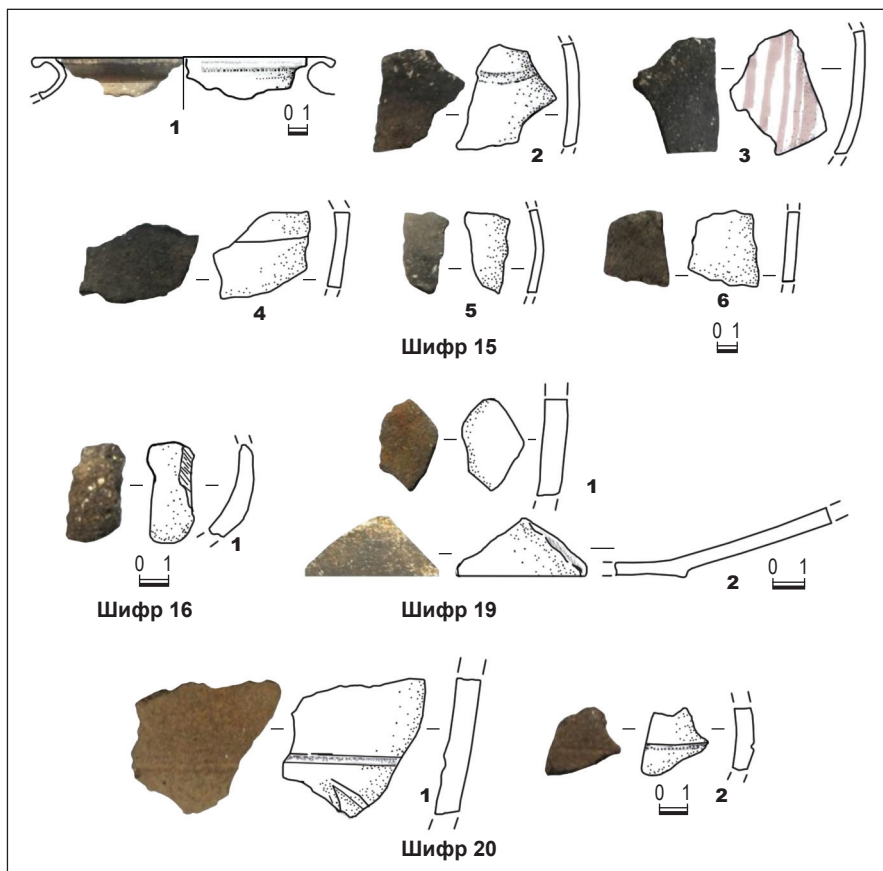

Рис. 2. Фрагменты керамики из культурного слоя у кургана Эльберт-Обау.

камер катакомб, ровиков курганов. В северо-западной части карьера из стенки выпали фрагменты керамики, часть фрагментов выступала из стенки карьера (11) (рис. 3, 1–2). Фрагменты керамики были собраны и затем склеены. В результате реконструкции восстановилась миска (рис. 3, 1–1а) с загнутым внутрь бортиком, через сглаженное ребро переходящим в прямые стенки и узким дном. Размеры: d дна – 10,8 см, d верхней части – 12,5 см, d ребра – 13,5 см, высота – 7,7 см, толщина стенки сосуда – 0,9 см, дна – 1,6 см. Миска аналогична найденной в кур-

гане № 186 Бесланского курганного могильника (3, с. 25. Рис. 11, 4), а также мискам Брутского городища, могильника Брут (2, рис. 58,9; 75,3; 78, 34; 79,3; 120,5; 126,9; 127,1–23). Также была реставрирована кружка (рис. 3, 2–2а) усечённо-конической формы, со слегка выгнутым наружу венчиком, край венчика волнистый, на верхней части венчика – горизонтальный налп, ручка без отверстия, в её верхней части – прямоугольный налп. Размеры: d дна – 5,3 см, d верхней части – 9,6 см, высота – 7,7 см, толщина стенки сосуда – 0,7–0,8 см, дна – 0,8 см,

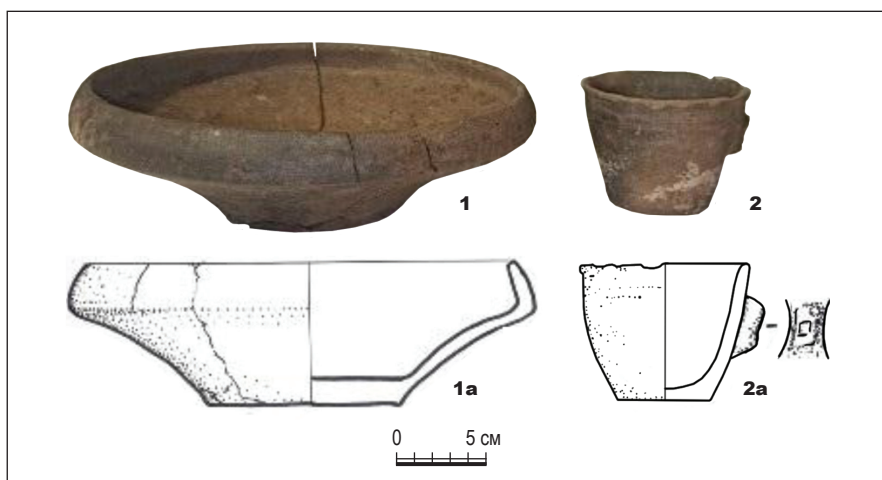

Рис. 3. Сосуды из разрушенного культурного слоя «Бесланского курганного катакомбного могильника» I–V вв. н. э.

ширина ручки – 2,0 см, толщина – 0,9 см. Внутренний и внешний цвет чаши и кружки неоднородный, от светло-коричневого до чёрного из-за неравномерного обжига. Тесто сосудов мелкопористое в примесях мелкий речной песок. Сосуды изготовлены на гончарном круге

В 2024 г. в 2–2,5 км к северу и северо-востоку от Эльгинского городища ООО «Гера» провела археологические разведки с шурфовками на открытый лист Р.Ю. Керцева. Была осмотрена вся территория участка, отведённого под хозяйственное освоение, в особенности места с обнажениями почвенного слоя, произведена всесторонняя фотофиксация. Археологическая разведка проходила на земельном участке, находящемся к северо-востоку от Эльгинского городища, между с. Зильги и с. Долаково, к северу от Цалыкского канала. К северо-западу от участка разведок находился курган Эльберт-Обау. Разведки позволили определить отсутствие погребальных памятников к северо-востоку от Эльгинского городища.

Длина участка по линии запад-восток – 1 612 м, по линии север-юг – 254 м. Площадь участка – 36,76 га (0,3676 кв. км). В 6 шурфах, прилегающих с юго-востока к кургану Эльберт-Обау была обнаружена керамика (рис. 2), аналогичная обнаруженной на Зильгинском городище: фрагмент горловины сосуда тёмно-серого цвета с реконструируемым $d = 21$ см, толщина стенки – 0,3 см. Тесто мелкопористое, в примесях – мелкий речной песок. Обжиг равномерный. Встречаются фрагменты придонной части сосудов – шурф (далее ш.) 16,2; 19,1). Другие фрагменты представляют стенки сосудов толщиной от 0,4 до 0,9 см. Большинство фрагментов тёмно-серого цвета (ш. 15,1–4; 19,1), светло-серого (ш. 15,5), серого (ш. 15,6; 16,1–2), коричневого (ш. 20,1,2). Тесто мелкопористое, в примесях двух фрагментов (ш. 16,1; ш. 19,1) дресва, в остальных – мелкий речной песок. В трёх случаях встречается горизонтальное (ш. 15,2), вертикальное (ш. 15,3) лощение, полностью лощённая поверхность (ш. 15,5). Для

керамики характерен вдавленный орнамент из зигзагов (ш. 20,1), горизонтальных полос шириной от 0,2 до 0,3 см (ш. 15,2,4; 20,1–2). В целом обжиг у сосудов равномерный, за исключением фрагмента придонной части сосуда (ш. 19,1).

Предположительно вокруг кургана Эльберт-Обау возник культурный слой из фрагментов керамики, связанный, скорее всего, с тризной, посвящённой погребённым в этом кургане. Благодаря разведкам в перечень выявленных ОКН был включён «культурный слой, прилегающий к кургану Эльберт-Обау». В настоящее время на кургане находится пост полиции и археологическое исследование его практически невозможно.

М.И. Ермоленко в 1915 г. опубликовал в сборнике «Кабардинские легенды и сказки» легенду о кургане Эльберт-Обау. В легенде говорится о том, что «...у восточной стороны села (аула) Зильги, Владикавказского округа, Терской области, населен-

ного осетинами; на возвышенной поверхности земли стоит значительной вышины насыпной древний курган» в честь старшего брата княжны – Эльберди. «Ногайский князь решил насыпать большие курганы на местах смерти братьев его жены, чтобы курганы эти были вечными памятниками доблестной смерти защитников сестры. Задуманное было сделано; курганам дали имена убитых братьев... Но имена младших братьев исчезли из памяти народа, осталось лишь одно имя Эльберди, курган которого больше и выше двух других» (4, с. 4–6).

Помимо кургана Эльберт-Обау в окрестностях Зильгинского городища известен целый ряд курганов, расположенных примерно в 3 км от городища: к северу курган Заурбек-Обау, к северо-западу курган Куртаты, к северо-западу-западу курган Зазыры-Обау. Новые археологические исследования покажут, существует ли связь этих курганов с Зильгинским городищем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржанцева И.А., Деопик Д.В. Зильги – городище начала 1 тыс. н.э. на стыке степи и предгорий Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и среднего Востока / Всесоюзная ассоциация востоковедов. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 75–107.
2. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
3. Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг.). Владикавказ: Проект-Пресс, 2015. 112 с.
4. Ермоленко М.И. Эльбердовъ курган // Кабардинские легенды и сказки. Ставрополь: Ставропольская учёная архивная Комиссия, 1915. С. 4–6.
5. Кисловодская экспедиция. Институт археологии РАН // URL: <https://archaeolog.ru/expeditions/expeditions–2020/kislovodskaya-ekspeditsiya–2020> (дата обращения 21.03.2026).
6. Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер И. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы исследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе. М.: ИА РАН, 2021. С. 151–171.
7. Кузнецов В.А. Зильгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе: СО НИИ, 1986. С. 72–104.
8. Приказ Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия РСО – Алания № 7 от 26.01.2009 г. (в ред. от 29.12.2024 г.). Приложение № 1.
9. Чиев Х.В. Зильгинское раннеаланское городище: древний мегаполис на трассе Великого шелкового пути // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 21. №1. 2021. С. 12 – 18.
10. Чиев Х. Т. Краткие итоги охранно-спасательных археологических раскопок на части территории Зильгинского раннеаланского городища, попадающей в зону реконструкции автодороги «Кавказ» – Хурликау – Малгобек – Моздок // URL: <https://okn.alania.gov.ru/news/620> (дата обращения 21.03.2026).
11. ФСБ расследует уничтожение археологического памятника в Беслане // URL: <https://smartik.ru/vladikavkaz/post/227436645> (дата обращения 21.03.2026).
12. URL: <https://archaeolog.ru/expeditions/expeditions–2020/kislovodskaya-ekspeditsiya–2020> (дата обращения 21.03.2026).

С.Н. МАЛАХОВ

(Владикавказ, РФ)

СРЕДОКРЕСТИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОЦЕССИОННОГО КРЕСТА ИЗ ФОНДОВ СГМЗ

Аннотация: В статье вводится в научный оборот фрагмент средневекового процессионного (выносного) креста, хранящегося в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника. Дается описание лаконичного декора сохранившегося его бронзового средокрестия, символики, приводятся некоторые аналогии кресту, происходящие с территории исторической Аланской митрополии. Рассматривается вопрос о литургическом использовании процессионных крестов в жизни приходских общин. С учетом исторического контекста распространения христианства на Северном Кавказе крест датируется XI–XII вв.

Ключевые слова: процессионный крест, символика, декор, Византия, Ставропольский государственный музей-заповедник, Северный Кавказ, Православие.

В фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ) хранится фрагмент бронзового литого креста, который поступил в собрание Ставропольского музея в 1920-е годы из Музея архиерейского подворья (ОФ. 3373). О месте происхождения указанного предмета сведений нет. Можно предполагать, что появление креста в собрании церковного музея было связано с деятельностью Ставропольского церковно-археологического общества, которое образовалось в 1894 г. и проводило активную собирательную работу по комплектованию церковно-археологического кабинета древними артефактами. Памятники христианства на Северном Кавказе в тот период были в основном связаны с историей византийского церковного присутствия на Кавказе и христианизацией горских народов, широко проводившейся Константинопольским патриархатом до начала XIII в. В 1900 году Церковно-археологическое общество имело церковно-исторический, археологический и миссионерский отделы. В археологический отдел поступали христиан-

ские древности с территории всей епархии – от Терека и до Тамани, от Черноморского побережья Кавказа и предгорий Главного Кавказского хребта до Ставропольской возвышенности. Целью общества было изучение религиозной жизни края от истоков христианства до современности. В 1906 г. собрание раритетов Церковно-археологического общества получило статус епархиального музея, состояло уже из семи отделов, в том числе и археологического (см.: 1; 3; 4; 5).

Сохранившийся фрагмент креста – центральная часть, имеет размер 11,5 (по горизонтали) x 9,5 см (по вертикали), толщина около 1–1,3 см, все четыре лопасти креста были обломаны; с лицевой стороны, в средокрестии, находится плоский, высотой не более 2 мм, выступ в форме круга (диска), обратная сторона экспоната никакого декора не имеет. Размеры средокрестия дают основание предполагать, что изначально крест был гораздо больше в размерах и являлся процессионным, использовавшимся в период церковных праздников и литургий. Когда были утрачены ветви креста – неизвестно. В отличие от нательных крестов

и алтарных, подобный крест имел удлиненную ножку, крепившуюся к его нижней лопасти. Ножка была остроконечной, в виде штыря (или втулки) для закрепления креста на древке (шесте). Такой крест часто украшался подвесками, чеканкой, иконками, его покрывали серебром, чтобы выделялся («сиял») над процессией во время шествия. В Византии и Древней Руси процессионный или т.н. выносной крест был непременным атрибутом крестного хода на Пасху, молитвенного шествия, направленного на охранение границ поселения от врага или болезни, а также публичного моления, производимого в качестве защитной меры в случаях пандемии, землетрясения, засухи, эпизоотии и пр. Хранились процессионные кресты в алтаре, и по месту нахождения ещё назывались запрестольными.

Вынос крестов в ходе молитвенных шествий при любых погодных условиях отрицательно сказывался на их состоянии, особенно деревянных, поэтому выносные кресты требовали периодического поновления, что в свою очередь не способствовало их длительной сохранности. Украшения, изготавливавшиеся для выносного креста, – накладки из серебра или золотой фольги, с чеканным изображением святых, евангелистов, Богоматери и Христа, – часто становились поводом (во время войн и грабительских набегов) для хищения крестов или изъятия драгоценного декора варварским способом, что становилось причиной того, что до нашего времени дошло лишь незначительное количество процессионных крестов. Их внешний вид сформировался уже в ранней Византии, поэтому после принятия христианства на Руси они не случайно назывались «корсунскими», по месту, откуда были привезены – из Херсонеса. В древних формах как процессионного, так и

нательного креста его четыре ветви, исходящие из единого центра, особо выделялись кругом или квадратом (ромбом) с малым крестом внутри. Четыре ветви креста воспринимались как четыре луча Света Жизни, исходящие от единого источника – Христа. Поэтому крестообразный знак в средокрестии или круг, часто с образом Спасителя, были непременными элементами в декоре выносных и нательных крестов. Нередко средокрестие в нательных крестах иконоборческого периода и позже украшалось вставкой из цветного стекла, перламутра или полудрагоценного камня. Символика Христа как Спасителя наглядно представлена в крестах с расширяющимися ветвями, имеющими в центре круг с небольшим крестом или образом Христа. Форма эта очень характерна и для древних выносных крестов.

На Северном Кавказе, особенно территории Аланской митрополии, существовавшей в X–XVI вв., в Крыму, епархиях Восточного Причерноморья находки процессионных крестов довольно редки. Из Северного Зеленчукского храма, предполагаемого кафедрального собора Алании, происходит бронзовый выносной крест с греческой надписью, найденный в притворе храма (раскопки В.А. Кузнецова), здесь находилась крещальня – купель для крещения неопитов (2, с. 186–187). Найденный честной крест, вероятно, был осквернен, и уже при повторном использовании (после освящения) прикреплялся к какой-то деревянной крестообразной основе гвоздями через отверстия, сделанные на концах лопастей. Крест датирован 1067 г. Можно предположить его последующее использование после освящения: он был прибит к стене крещальни, поскольку первоначальная рукоять креста была обломана; возмож-

Рис. 1. Средокрестие средневекового процессионного бронзового креста из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника.

но, от нижней лопасти отломилось крепление, предназначенное для древка процессионного креста, и он был исключен из инвентаря, предназначенного для молитвенных шествий. В притворе Северного Зеленчукского храма по византийской православной традиции совершались литии и панихиды, молились оглашенные и кающиеся.

Фрагмент типичного процессионного креста, железного, менее дорогого, с приваренным посредством горячейковки острием к его нижней лопасти происходит из раскопок Верхнего Джулата. Окончания ветвей у этого креста были изготовлены в форме «ласточкиного хвоста», на их концах размещались небольшие диски, символизирующие жер-

твенную кровь Христа (2, с. 95, рис. 8, 9). Диск в центре и четыре диска на концах лопастей креста (типичный декор выносных и железных вотивных крестов в Алании) служили символами пяти ран Распятого Христа.

Средокрестие креста из Ставропольского музея иллюстрирует византийскую традицию размещения диска в центре креста, здесь мог находиться оглавный образ Спасителя. На византийских процессионных крестах мы часто наблюдаем в средокрестии диск (или округлое углубление с бортиком для прикрепления здесь эмальерного или чеканного образа Христа, или вставки из цветного стекла), полусферу, несколько циркульных окружностей (меньшие

в больших по диаметру), изображение Богоматери Оранты, какого-либо святого, сцену Благовещения, медальон с благословляющим образом Христа или ликом евангелиста (остальные – на лопастях креста) (4, р. 50, 53, 67, 77, 87, 89, 93, 99).

У края обломанной верхней лопасти публикуемого креста четко видно изображение двух ступней, с развернутыми в стороны носками. Изображение сделано небольшими углубленными штрихами. Это позволяет предполагать наличие гравированных изображений в виде фигур или ликов и на остальных лопастях креста. В верхней лопасти выносного креста преимущественно изображали Иисуса Христа, Богородицу, избранных святых или евангелистов. Здесь, судя по размеру ступней, была размещена

одионая фигура в рост, в которой надо предполагать Христа или Богоматерь. Нельзя исключать вероятности, что здесь могла находиться фигура одного из евангелистов или кого-либо из многочисленных почитаемых святых Православного Востока. Пропорции несохранившейся фигуры можно восстановить по размеру ступней, что дает основание для вычисления изначальных размеров лопастей креста. Если учесть, что традиция гравированных изображений в византийской культовой металлопластике постепенно угасает к XI в., а распространение христианства на Северном Кавказе свой расцвет переживает в X–XII вв., то датировать фрагмент процессионного креста из Ставропольского государственного музея-заповедника следует XI–XII вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова М.Е. Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество и его роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины и древностей // Из истории народов Северного Кавказа: сб. научн. статей. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. Вып. 3. С. 101–113.
2. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Изд-во «ИР», 1971. 248 с.
3. Никольский С. Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество в первом 10-лети своем существования и деятельности. Ставрополь: Типолиитография Т.М. Тимофеева, 1905. 248 с.
4. Открытие Музея епархиального Церковно-археологического общества в г. Ставрополе-Кавказском // Ставропольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1906. №12. 16 июня. С. 646–653.
5. Охонько Н.А. Музей и Церковь – 100 лет сотрудничества // Церковь и общество: 160 лет совместного служения на Юге России / Под общ. ред. игумена Романа (Лукина) Ставрополь: Изд-во Ставропольской и Владикавказской епархии, 2004. С. 163–169.
6. Cotsonis John A. Byzantine Figural Processional Crosses / Edited by Susan A. Boyd and Henry Maguire (Dumbarton Oaks Byzantine Publications, No. 10). Washington, D.C., 1994. 124 p.

А.Л. ПЕЛИХ

(Армавир, РФ)

В.В. ГОРДОВАЯ

(Нижний Архыз, РФ)

ВНЕКОМПЛЕКСНЫЕ СЕРПЫ ИЗ НИЖНЕГО АРХЫЗА*

Аннотация: В статье дана характеристика бронзовых серпов, хранящихся в музее историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза. Обстоятельства обнаружения орудий неизвестны. Предположительно – это случайные находки из Зеленчукского района Карачаево-Черкесии. Все серпы имеют аналогии среди предметов из комплексов прикубанского очага металлопроизводства позднего бронзового века. Три из них относятся к позднему, бекешевскому, этапу очага, приблизительно XII–X вв. до н.э. Один – к раннему, ахметовскому, этапу, датирующемуся в пределах XV–XIV вв. до н.э., с возможностью удревнения.

Ключевые слова: серпы, прикубанский очаг металлопроизводства, поздний бронзовый век.

Цель работы – ввод в научный оборот бронзовых серпов, находящихся в музее историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза. Все описываемые ниже серпы, очевидно, являются случайными находками, в разное время обнаруженными в пределах Зеленчукского района (возможно, и соседних с ним) Карачаево-Черкесии.

– Серп 1, без данных об обстоятельствах находки. Принят на хранение в Зеленчукский краеведческий музей согласно Акту приема от 05.05.2009 г. № серпа 1029. Коленчатый. Клинок сильно загнут. Максимальная длина лезвийной части 17,5 см, хорда лезвия 15,3 см, ширина лезвия до 3 см, толщина лезвия до 3,1 мм, высота дуги изгиба спинки 11,7 см, высота дуги лезвия 9 см. Длина рукояточной части 9,9 см. Отношение длины лезвийной части к рукояточной – 1,77. Вес 132,6 г. Отлит в односторонней форме.

Литье режущей кромки – под левую руку. Литник обрублен. Серп прокован, лезвие заточено до остроты проковкой с двух сторон. Сечение лезвия клиновидное. Штырь рукояти сформирован сильной поперечной сковкой, загнут назад (рис. 1, 1).

– Серп 2, без данных об обстоятельствах находки. Принят на хранение в Зеленчукский краеведческий музей согласно Акту приема от 05.05.2009 г. № серпа 1029. Коленчатый. Клинок сильно загнут. Максимальная длина лезвийной части 15,7 см, хорда лезвия 13,4 см, ширина лезвия до 3,6 см, толщина лезвия до 5 мм, высота дуги изгиба спинки 10 см, высота дуги лезвия 6,3 см. Длина рукояточной части 8,2 см. Отношение длины лезвийной части к рукояточной – 1,91. Вес 139 г. Отлит в односторонней форме. Литье режущей кромки – под правую руку. Литник неровно обломан, место слома не отшлифовано. Серп прокован, лезвие заточено

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, проект № 26–28–20283, <https://rscf.ru/project/26–28–20283/>.

до остроты односторонней проковкой. Сечение лезвия клиновидное, спинка лезвия укреплена односторонним валиком. Штырь рукояти сформирован сильной поперечной сковкой, к концу сужается, загнут назад, край штыря обломан. Особенностью серпа является прорезанное сквозное отверстие округлой формы на лезвийной части перед переходом ее в рукоять. Отверстие шире с плоской стороны лезвия, размеры с плоской стороны – 11 × 9 мм, с лицевой – 8,5 × 7,5 мм (рис. 1, 2).

- Серп 3, без данных об обстоятельствах находки. Принят на хранение в Зеленчукский краеведческий музей согласно Акту приема от 05.05.2009 г. № серпа 1029. Очищен от патины. Коленчатый. Клинок загнут. Максимальная длина лезвийной части 15,3 см, хорда лезвия 12,1 см, ширина лезвия до 3,8 см, толщина лезвия 2,1 мм, высота дуги изгиба спинки 9,5 см, высота дуги лезвия 6,3 см. Длина рукояточной части 9,7 см. Отношение длины лезвийной части к рукояточной – 1,58. Вес 99,3 г. Отлит в односторонней форме. Литые режущей кромки – под левую руку. Сечение лезвия трапециевидное. Литник виден, но сглажен. Серп прокован, лезвие заточено до остроты проковкой – сильной с лицевой стороны и слабой с тыльной. Штырь рукояти сформирован сильной поперечной сковкой, прямой, заострен (рис. 1, 3).
- Серп 4, без данных об обстоятельствах находки. Принят на хранение в Зеленчукский краеведческий музей согласно Акту приема №7 от 07.10.2001 г. № серпа 1372. Обломана часть лезвия. Видимо, с плавно и асимметрично изогнутой спинкой. Максимальная длина сохранившейся

лезвийной части 18 см, моделируемая максимальная длина лезвия ≈ 19,5 см, моделируемая хорда лезвия ≈ 16,5 см, ширина лезвия до 4,6 см, толщина лезвия до 4,6 мм, моделируемая высота дуги изгиба спинки ≈ 10 см, высота дуги лезвия ≈ 5,5 см. Моделируемое отношение длины лезвийной части к высоте дуги – ≈ 1,95. Вес 212,7 г. Отлит в односторонней форме. Литые режущей кромки – под левую руку. Литник обрублен. На спинке лезвия видны следы от ударов. Серп прокован, лезвие заточено проковкой с двух сторон. Сечение лезвия клиновидное. Штырь рукояти сформирован сильной поперечной сковкой, прямой (рис. 1, 4).

Все описанные выше изделия относятся к серпам т.н. позднекубанской серии, определенных А.А. Иессеном как характерный элемент выделенного им прикубанского очага металлургии и металлообработки (6, с. 108–111). В настоящее время для исследователей в той или иной мере доступны данные о 350 целых и фрагментах серпов, которые можно отнести к северокавказской позднебронзовой серии (3, с. 35).

Первый из нижнеархызских серпов (рис. 1, 1) относится, по классификации В.С. Бочкарева и А.Л. Пелиха (3, с. 42), к серпам группы коленчатых, к типу Б-1б – «малые» коленчатые серпы с длинной рукояточной частью, к варианту 2 этого типа – с сильно загнутым клинком. Визуально наиболее похожи с этим предметом орудия из Кяфарского клада (4, рис. 2, 6; 3, 2, 4, 6; 4, 3, 5; 5, 6, 1, 2), Нарат-Эшикского клада (5, табл. 46, 600, 601 и др.), Ростовского клада (5, табл. 47, 610, 611). Кяфарский (4, с. 111) и Ростовский клад, на основании входящих в них иных, кроме серпов, предметов, определенно датируются бекешев-

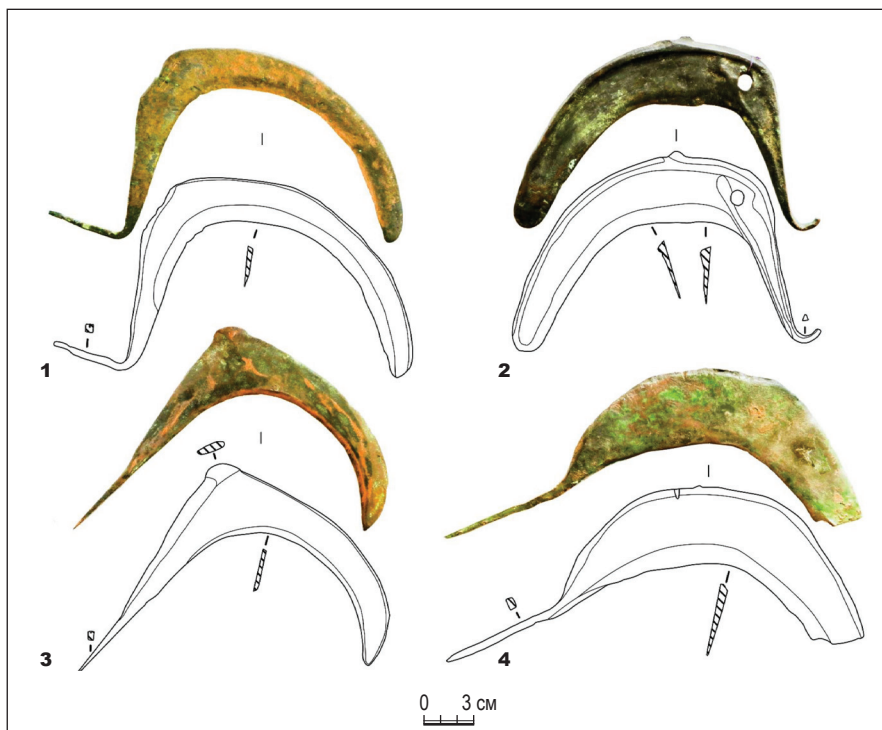

Рис. 1. Серпы из музея историко-культурного наследия CAO РАН и Нижнего Архыза, фото и рисунки.

ским этапом прикубанского очага металлопроизводства, примерно XII–X вв. до н. э.

Второй нижеархызский серп (рис. 1, 2) также относится к типу Б-Іб – «малые» коленчатые серпы с длинной рукояточной частью, к варианту 2 этого типа – с сильно загнутым клинком. Похожие как по форме, так и по наличию отверстия, прорезанного на переходе от лезвийной части к рукояточной, серпы есть из следующих памятников и пунктов: Боргустанский клад (8, рис. 7), погребение с Бык-горы (6, рис. 47, 4), Ростовская область (7, илл. 4). Боргустанский клад относится к бекешевскому хронологическому горизонту, XII–X вв. до н. э. (8, с. 126).

Третий серп (рис. 1, 3) относится к типу Б-Іб – «малые» коленчатые серпы с длинной рукояточной частью, к варианту 1 этого типа – со слабо загнутым клинком. Близкие по форме изделия есть в Кяфарском кладе (4, рис. 4, 1, 6), Нарат-Эшикском кладе (5, табл. 49, 644, 645; 50, 650), Ростовском кладе (5, табл. 50, 654; 51, 671–675 и др.), из а. Учкулан (6, рис. 47, 3). То есть, схожие предметы есть вкладах бекешевского этапа.

Четвертый нижеархызский серп (рис. 1, 4) относится, по классификации В.С. Бочкарева и А.Л. Пелиха (3, с. 39), к серпам группы А – дуговидные, к типу А-Ila – серпы с плавно асимметрично изогнутой спинкой и высокой дугой. Похожие на представ-

ленный предмет орудия есть в кладе Батарейка (9, рис. 1, 21), в кладе из Краснодарского музея (6, рис. 48, 2), в кладе Коблево (5, табл. 41, 543). Эти комплексы относятся к ранней, ахметовской, группе кладов прикубанского очага металлопроизводства (2, с. 179, табл.), датирующей в пределах XV–XIV вв. до н.э. (1, с. 64–65), с возможностью удревнения.

Все описанные нами орудия можно определить как серпы кубанских типов, которые были структурооб-

разующими артефактами прикубанского очага металлопроизводства позднего бронзового века (3, с. 49).

Единичные предметы из коллекции музея историко-культурного наследия САО РАН и Нижнего Архыза, исходя из их ближайших аналогий, четко вписываются в хронологическую дифференциацию серпов кубанских типов, предложенных одним из авторов этой статьи совместно с В.С. Бочкаревым (3, с. 44, табл. 2).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев В.С., Пелих А.Л. К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.): Тез. докл. Междунар. научн. конф. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. С. 64–66.
2. Бочкарев В.С., Пелих А.Л. Клады с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург. 18–22 ноября 2019 г. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева. СПб: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 179–183.
3. Бочкарев В.С., Пелих А.Л. Металлические серпы позднего бронзового века Северного Кавказа // Археологические вести. 2025. Вып. 46. С. 35–52.
4. Бочкарев В.С., Городовая В.В., Пелих А.Л. Кяфарский клад бронзовых орудий // Археология Восточно-Европейской степи. 2023. Вып. 19. С. 102–118.
5. Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
6. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.
7. Клочко В.И., Козыменко А.В. Древний металл Украины. Киев: б. и., 2017. 366 с.
8. Пелих А.Л., Савенко С.Н. Клад бронзовых изделий из станицы Боргустанской: история открытия, морфология и особенности культурно-хронологической интерпретации // Кавказ и Циркум-понтский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы. М.: ИА РАН, 2025. С. 111–128.
9. Сокольский Н.И. Таманский клад бронзовых орудий // Советская археология. 1980. № 2. С. 144–150.

Н.Н. ВЕЛИКАЯ

(Армавир, РФ)

О ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЧЕЧНИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. В статье представлены некоторые артефакты, свидетельствующие о проникновении христианства на территорию Чечни в основном в домонгольский период, выявляются особенности использования христианских символов горцами. Автор опирается на неопубликованные находки советского периода, находившиеся в Чечено-Ингушском республиканском краеведческом музее г. Грозного и школьном музее с. Майртуп. Также привлекаются свидетельства средневековых грузинских авторов.

Ключевые слова: Чечня, христианизация, металлические и каменные кресты, храмы, синкретизм.

Население горных районов Северного Кавказа в период средневековья не раз подвергалось христианизации со стороны Грузии. Многочисленные следы этого относятся к X–XI вв. (и в целом к домонгольскому периоду), когда в горах региона появились или были перестроены, расписаны христианские храмы Датун – в Дагестане, Зругский, Тлийский – в Осетии, Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Таргимский – в Ингушетии (все они в том или ином виде сохранились по сей день). На этом фоне «белым пятном» выглядит Чечня.

В обобщающих работах новейшего периода тема христианизации этого района Северного Кавказа едва затрагивается. В «Истории Чечни» ей посвящен один абзац, где бездоказательно утверждается, что Грузия уже с IV века приступила к насильственной христианизации («при помощи оружия») северокавказских горцев. Но за 500 лет «грузинские миссионеры смогли склонить к христианст-

ву небольшое количество нахов в верховьях реки Ассы», то есть в Ингушетии (7, с. 93). Чуть больше внимания этой теме уделено на страницах коллективной монографии «Чеченцы» (3 страницы). При этом авторы утверждают, что «целенаправленное изучение проблемы христианизации чеченцев пока не осуществлялось и представляет собой интересную научную задачу» (19, с. 423). Таким образом, к сожалению, все достижения советской историографии (2; 3; 4; 5; 10; 15; 16; 18; 20 и др.) оказались забыты, ссылки идут на работы Я.З. Ахмадова (не являющегося специалистом по христианизации горцев) и дореволюционных авторов.

Цель данной статьи – ввести в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы по теме. Некоторые из них хранились в музеях г. Грозного (Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Далее – ЧИРКМ) и с. Майртуп и в настоящий момент утрачены.

Рис. 1. Медный нательный крест из подземного склепа у с. Бичиг (Чечня).

Рис. 2. Бронзовый и железный нательные кресты из подземных склепов с. Кели (Ингушетия).

Рис. 3. Железный крест из с. Ведено (Чечня) (по В.И. Марковину).

Предания и топонимические данные, собранные еще в советский период, показывают, что христианские храмы также некогда были построены в Чечне и находились в Хильдехароевском, Зумсоевском, Нихалоевском, Шатоевском, Аллароевском, Нашхоевском и других обществах (13, с. 96, 147, 161, 164; 14, с. 89, 156, 242).

Появление храмов (и купели в Тхаба-Ерды) не оставляет сомнений в том, что, по крайней мере, часть вайнахов была крещена. О существовании обряда крещения свидетельствует медный нательный крест из подземного склепа у чеченского с. Бичиг (Рис. 1. Фонды ЧИРКМ. ОС–13020). Аналогичные бронзовые и медные кресты были найдены в подземном склепе ингушского с. Кели (Рис. 2. Фонды ЧИРКМ. ОС–1891) (1, с. 235).

Кресты из разных материалов в дореволюционный период были обнаружены в кургане недалеко от аула Чечен (крест с серебром или платиной), в одной из древних башен Аргунского ущелья (крест лепной работы) (см.: 7, с. 752). К числу средневековых христианских древностей относятся массивные железные кресты, аналогичные тем, что известны в соседних районах Северного Кавказа. Они происходят из с. Ведено (Рис. 3) (8, с. 132, 135–136), Майртуп (Рис. 4. Крест хранился в школьном музее с. Майртуп) (1, с. 233). Очевидно, они использовались при молебнах.

Подобно тому, как это было в Дагестане, Осетии, Хевсуретии, христианизация Чечни сопровождалась появлением каменных крестов. Сама форма ряда крестов не позволяет отнести их к антропоморфным стелам, хотя вполне возможно, что в дальнейшем они именно так и стали восприниматься местным населением. Но по свидетель-

ству В.Ф. Миллера, каменный крест у аула Чахкери имел даже углубления для иконы, крест у с. Цори также считался христианским символом (9, с. 7). О том, как некоторые из крестов оказались над мусульманскими захоронениями, можно судить по следующему замечанию И. Попова: «Сын видел, как отец его ставил крест или другой памятник на могиле умершего деда, и делал то же, не вдаваясь глубоко в смысл заведённого порядка» (Рис. 5) (12, с. 262).

Нельзя обойти вниманием и мощный слой топонимии из горных районов Чечни. Наиболее часто встречающиеся названия мест, связанные с христианством: церковь; храмовые пашни, хребты; священника ущелье, склон, поляна; крещение ущелье; поселение христиан и др. (13, с. 69, 92, 96, 136, 147, 151, 161, 221, 235).

Всё это вместе взятое позволяет утверждать, что Чечня, также как и соседние районы региона, была затронута христианизацией, основным проводником которой выступала средневековая Грузия (в основном, Кахети). Анонимный арабский источник IX века сообщал о деятельности кахетинского епископа в стране Дзурдзуков (горных вайнахов) (см.: 11, с. 36). А согласно грузинским летописям, Квирикэ III Великий (1010–1037) назначил эристава в Кветерский округ, куда входили и дзурдзуки (17, с. 135), что подтверждает наличие политических и духовных связей средневековых вайнахов с Восточной Грузией.

В XII–XIII вв. христианство, видимо, поддерживалось Давидом Строителем (1089–1125) и царицей Тамар (1184–1212). В одном из преданий сообщалось, что царица неоднократно посещала Малхисту (общество в горной Чечне). При ней дзурдзуки усмиряли пховцев (пшавов?), а в 1227–1228 гг. они

Рис. 4. Железный крест из с. Майртуп (Чечня).

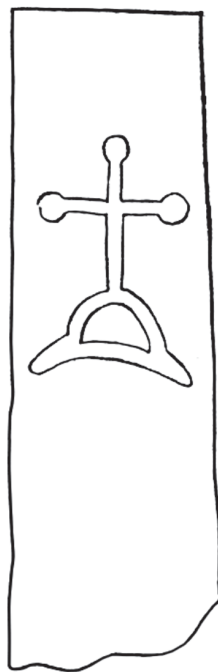

Рис. 5. Надмогильный чурт с крестом-голгофой из с. Эрсеной (Чечня) (рис. И. Попова).

Рис. 6. Оформление входа в мечеть в с. Никарой (Чечня) (фото автора).

были покорны царице Русудан (15, с. 150–151).

В связи с монгольским нашествием проповедь христианства, по видимому, сходит на нет. Последний всплеск этому процессу даёт правление Георгия V Блестательного (1318–1346). В его царствование монголы были изгнаны из Грузии, и все её земли объединились. Миссионеры-священнослужители отправляются на Северный Кавказ. Согласно грузинским хроникам, католикос Евфимий видел храмы у народов нахче (чеченцев). Он приказал курмухскому архиепископу Квириле Донаури послать по всем церквям по Евангелию, что и было сделано (6, с. 50). К XIV – XV вв.

относится и чеченское предание о строительстве храма в районе озера Галанчо́ж.

Сокрушительный удар по христианству в восточных районах Чечни, как и в горном Дагестане, нанесли походы Тимура (конец XIV в.), который, по свидетельству Шереф ад Дина Али Йезди, уничтожил здесь церкви и бутхана (капища идолов). Таким образом, во многом можно считать справедливыми слова грузинского царя Теймураза (XVII в.) о том, что «кистины, глигвы и дзурдуки первоначально были христианами. Леки (общее название горцев Дагестана. – *Авт.*) тоже были христианами и знали грузинский язык. Так было до Тамерлана» (17, с. 134).

Приведенные в статье и иные факты позволяют сделать вывод о распространении христианства в горной Чечне, прежде всего, граничащей с Восточной Грузией. Длительное отсутствие связей с ней в монгольский и послемонгольский периоды привело к утрате канонического направления христианства в верхах вайнахского общества и торжеству новой синкретической религиозной системы, в которой своеобразно переплелись и видоизменились черты разных конфессиональных систем (см.: Рис. 6. Оформление входа в мечеть в с. Никарой) (1, с. 254).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бараниченко (Великая) Н.Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Грозный, 1985. 259 с.
2. Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI-XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 116–139.
3. Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Советская этнография, 1989, № 3. С. 38–47.
4. Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. 111 с.
5. Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси: Мецниереба, 1977 (отдельный оттиск). 21 с.

6. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып.22. Тифлис, 1897. 206 с.
7. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.
8. Марковин В.И. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966. С. 113–136.
9. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып.1. М., 1888. 134 с.
10. Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 23–45.
11. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967. 315 с.
12. Попов Ив. Ичкеринцы // Сборник сведений о Терской области. Вып.1. Владикавказ: Издание Терского обл. стат. комитета, 1878. С. 261–266.
13. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч.1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1976. 239 с.
14. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч.2. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1978. 289 с.
15. Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений во 2 пол. XVIII века // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т. 5. Вып.1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1964. С. 149–155.
16. Умаров С.Ц. О некоторых особенностях этнизации отдельных христианских культов в Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 125–131.
17. Царевич Вахушти. География Грузии // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып.5. Тифлис, 1904. 237 с.
18. Чахкиев Д.Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«гологофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 52–57.
19. Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И. Ибрагимова РАН. М.: Наука, 2012. 622 с.
20. Шамилев А.И. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т.3. Вып.1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. С. 97–107.

Н.Н. ГАРУНОВА

(Махачкала, РФ)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ НАСЕЛЕНИЯ КИЗЛЯРА В 1945–1950 ГГ.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ (по материалам городского архива)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы социально-культурного развития городского населения Кизляра в первую послевоенную пятилетку. Проанализированы мероприятия властей по подготовке кадров высшей квалификации и правильной их расстановке на важных участках народного хозяйства. Акцентируется внимание на том факте, что важную роль в решении задачи повышения культуры и культурного уровня городского населения призваны были играть культурно-просветительные учреждения.

Ключевые слова: Кизляр, культура, музей, газета, кинотеатр, физкультура, школа.

С переходом страны к мирному строительству после Великой Отечественной войны, наряду с решением сложнейшей задачи быстрого восстановления экономики предстояло в короткий срок залечить раны, нанесенные войной культуре, общеобразовательной и специальной школе. Необходимо было, прежде всего, добиться охвата всех детей школьным образованием в соответствии с законом о всеобщем обязательном обучении, укрепить материально-техническую и учебную базу школ, поднять на новую, более высокую ступень подготовку педагогических кадров.

Благодаря документам, находящимся на хранении в государственных архивах, мы не только получаем характеристику экономического развития региона, но и непосредственно исследуем данные о развитии культуры и образования в первое послевоенное десятилетие.

Власти Дагестана проделали большую работу по подготовке кадров высшей квалификации и правильной их расстановке на важных участках народного хозяйства. Были сданы в эксплуатацию новые корпуса учебных заведений, расширилась площадь под общежития для студентов (1, с. 5).

Малочисленные выпуски общеобразовательных школ не удовлетворяли потребности педагогических, да и других специальных учебных заведений. Открывшиеся при специальных учебных заведениях подготовительные отделения, хотя и служили подспорьем, проблему решить не могли. Да и контингенты учащихся этих отделений были малы. Основными причинами неуспеваемости учащихся являлись: неудовлетворительная постановка обучения, не обеспечивающая прочных сознательных знаний учащихся, отсутствие надлежащего руководства и контроля за работой школ и учителей со стороны директоров и зав. школами Гороно.

Из архивных данных видно, что в первые послевоенные годы, а именно в 1947–48 гг., имелся большой недостаток парт в школах города. Не хватало 500 штук парт, в силу чего учащиеся школ размещались по 3 человека на двухместной парте, что являлось большим тормозом в нормальной работе школ (2, л. 44).

В жизни общеобразовательной школы значительной была роль комсомола. После IX съезда ВЛКСМ (март 1949 г.) роль эта еще более повысилась.

Неоднократно бывали случаи открытия дополнительных классов. Это мы можем проследить на примере семилетней школы №3, в которой вместо 42 человек в классе обучалось 57 учеников, что крайне негативно отражалось на качестве работы. Было принято решение открыть дополнительно первый и второй классы, доведя каждый класс до нормальной нагрузки.

В целях наилучшего проведения выпускных экзаменов и проведения испытаний в школах города, привлечения внимания общественности к созданию нормальных условий учащимся, для подготовки к ним и в соответствии с решением Облисполкома от 15.06.1947 г. №315 Исполком Горсовета депутатов трудящихся решает мобилизовать инспекторов Горono на оказание конкретной помощи школам в деле подготовки и проведения экзаменов и переводных испытаний, для чего: закрепить весь инспекторский состав Горono за школами, с полной ответственностью за подготовку и проведение экзаменов, обязать директоров школ учесть всех остро нуждающихся учащихся и оказать им материальную помощь на период проведения экзаменов и испытаний, провести собрания с учащимися 7-х и 10-х классов с повесткой дня «о выборе профессии» с привлечением специалистов различных отраслей народного хозяйства и многое другое.

Педагогический коллектив сильно обновился за счет притока молодых специалистов, только что окончивших различные курсы и специальные педагогические учебные заведения. Среди них было немало окончивших педвузы и педучилища в городах РСФСР (2, л. 31).

В рассматриваемые годы Министерство просвещения РСФСР, его научно-методические учреждения разработали ряд новых положений

об организации некоторых звеньев педагогического процесса. В частности, были утверждены новые положения о классном руководстве, об ученическом комитете в школе, о районном, городском педагогическом кабинете, о школьных библиотеках начальной, семилетней и средней школы.

Естественно, профессионально-техническая школа, как и общеобразовательная, сталкивалась с огромными трудностями. Она остро ощущала нехватку оборудования, инструментария, из-за ухода специалистов в армию не хватало мастеров производственного обучения, учащиеся испытывали большие материально-бытовые трудности.

В целях развертывания пропаганды естественнонаучных знаний среди населения города и пригородных колхозов была организована в январе 1947 г. при «культпросвет» отделе горисполкома лекторская группа. Тематика лекций была многогранна и разнообразна и касалась абсолютно всех сфер общественной жизни (2, л. 63).

В деле улучшения работы лекторской группы было решено утвердить 6 секций лекторской группы: общественно-политическую в количестве 4-х чел. (руководитель А.А. Лавров), естественнонаучную в количестве 5-ти чел. (руководитель М.Г. Сигидина), литературную в количестве 4-х чел. (руководитель Аржановский), медицинскую в количестве 5-ти чел. (руководитель С.С. Хазан), сельскохозяйственную в количестве 5-ти чел. (руководитель А.Н. Мочаловский) и виноградарскую секцию в количестве 5-ти чел. под руководством М.М. Привалова (2, л. 10).

Важную роль в решении задачи повышения культуры и культурного уровня городского населения были призваны играть культурно-просветительные учреждения. Клубы, до-

ма культуры, библиотеки и культурно-просветительные учреждения являлись наиболее массовыми и общедоступными видами обслуживания духовных запросов и потребностей населения. На основе материалов архивных фондов можно видеть, что в целях поднятия клубной работы города и прилегающих совхозов Исполнительный комитет Городского Совета депутатов трудящихся решает перестроить стиль работы клубов таким образом, чтобы они стали подлинными центрами культуры. Для этой цели при каждом клубе было решено организовать клубные советы, привлечь к работе клубов людей грамотных, умеющих организовывать массовую кружковую работу, работу кружка физкультуры и спорта, в составляемых ежемесячных планах работы клубов предусматривать чтение лекций, докладов, вечеров вопросов и ответов, изготовления стендов, рефератов, которые ясно отражали бы работу производства, борьбу за выполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, жизни нашей страны, для чего привлекать специалистов и др. (1, с. 15).

Большую роль в эстетическом воспитании играл театр – театральное искусство прочно вошло в духовную жизнь, прежде всего, городского населения. В 1946 г. театрально-зрелищные предприятия не выполняли производственно-финансовых планов, что отразилось на доходах и общем финансовом положении театров. Директора театров и филармонии вместо того, чтобы коренным образом улучшить организационно-оперативную и финансовую деятельность и добиваться выполнения утвержденных финансовых планов, систематически обращались в Государственные органы за дополнительными ассигнованиями, на покрытие убытков на

предприятия Отдела Искусств было получено дополнительно свыше миллиона рублей. Подготовка новых постановок зачастую организовывалась нечетко, назначенные сроки выпуска новых спектаклей нередко срывались. Как отмечалось в документах, директора и художественные руководители театров безответственно относились к работе над постановками современных пьес, сводя ограниченное время для подготовки этих спектаклей, выделяя совершенно незначительные средства на их сценическое оформление. Гастроли проводились не по графику. В целях улучшения качества работы театров и филармонии, улучшения их оперативной и хозяйственно-финансовой деятельности и сметно-бюджетной дисциплины было решено всем директорам театрально-зрелищных предприятий в самый короткий срок устранить отмеченные недостатки в работе, усилить контроль за их повседневной деятельностью и добиться 100% выполнения утвержденных производственно-финансовых планов на 1947 г. (2, л. 5).

Имели место и ошибки по руководству репертуарной работы театров республики. Подготавливая проекты приказов по утверждению репертуара, Отдел Театров часто ограничивался перепечаткой прилагаемых из областей репертуарных планов, не исправляя и не устраняя имеющихся в них ошибок и недостатков.

Исходя из постановления правительства о переходе театров на бюджетную работу, был проведен ряд мероприятий, способствующих выполнению театром финансового плана и улучшения качества выпускаемых спектаклей. Театр провел большую работу по обслуживанию районов области выездными спектаклями. Были сыграны такие спектакли, как «Свадьба Кречинско-

го», «Лес», «Сады цветут», «На далекой реке», «Сын». За три месяца работы театр сыграл 94 спектакля, из них 80 – на выезде. Очень низок был контингент зрителя как в самом городе, так и на площадках в районных клубах (2, л. 57).

В формировании культурного облика городского жителя немалое место отводилось книге. Были трудности и в работе библиотек в первую послевоенную пятилетку: отсутствие пригодных помещений, топлива и света. Горбиблиотека располагалась в помещении бывшего магазина. Было решено закрепить занимаемое ею помещение по улице Советской, 12 постоянно. Здесь проводилась пропаганда задач 4-й сталинской послевоенной пятилетки, систематически велись разъяснительные работы о том, что от усилия населения и самоотверженного труда на своем посту зависит успешное выполнение пятилетнего плана, дальнейшее укрепление могущества государства и повышение материального благосостояния советских людей. Привлекалась для работы в библиотеку городская интеллигенция для проведения бесед и лекций на естественно-научные, литературные, исторические темы (врачи, учителя, агрономы, инженеры). В городских библиотеках проводилось большое число читательских конференций. Позднее городская библиотека располагалась по ул. Советская, 10 в трех комнатах на втором этаже. Она насчитывала 14944 книги, в том числе 6534 – по естественно-научной и политической тематике, 1998 – сельскохозяйственной и 8709 томов художественной литературы. В 1950 г. было приобретено 1634 новых книг, стоимостью 11 тысяч рублей. Росло и число читателей. Если в 1949 г. их было 1482, то в 1950 г. – 2787, т.е. на 1305 читателей больше. Библиотека имела тесную связь с москов-

ской библиотекой им. В.И. Ленина и областной библиотекой им. Чехова. Из этих библиотек по требованию читателей через межбиблиотечный абонент было получено 117 книг (2, л. 23).

Работала и детская библиотека им. А.М. Горького. Кизлярская детская библиотека в 1950 г. занимала помещение из 2-х комнат, общей площадью 21 кв. м. В одной комнате находился книжный фонд библиотеки, размещенный в двух шкафах и на двух стеллажах. Во второй комнате имелись 2 стола для читателей, книжная витрина, ящик с каталожными карточками. Динамика роста количества читателей была такой: читателей в 1949 г. было 853 человека, а в 1950 г. – 1211 человек, т.е. на 358 чел. больше (2, л. 43).

С наступлением мирного времени в городе восстановилась база периодической печати, полиграфическая промышленность, издательства и книжная торговля. Следует упомянуть о газете «Кизлярская правда» – одним из основных источников информации повседневной жизни страны и края. В течение трех десятков лет ее бессменным главным редактором был талантливый журналист, патриот города и края В.И. Артюхов (2, л. 6).

В соответствии с постановлением бюро обкома ВКП(б) от 16 мая 1947 г. за № 159, Областной отдел культпросветработы сообщал, что с 1 сентября 1947 г. за счет колхозов будут открыты областные месячные курсы колхозных баянистов-гармонистов.

Неоднократно проводились смотры художественной самодеятельности среди городского и сельского населения, в которых участвовали художественные коллективы профсоюзных клубов (2, л. 3).

Огромное значение имел и кинотеатр, который уже в первом полугодии 1947 г. получил переходящее

Красное знамя Грозненского областного управления кинофикации. Но наряду с некоторыми успехами кинотеатра в его работе были отмечены существенные недостатки: дирекция кинотеатра не занимается подготовкой кадров, техминимум не проводится, киномеханик низкой квалификации (2, л. 97).

Заметный вклад в дело эстетического воспитания трудящихся, распространения научных знаний, пропаганды истории материальной и духовной культуры, достижений социалистического строительства вносили музеи. В 1951 г. была создана инициативная группа по организации музея, которую возглавил сначала А.И. Солоненко, затем А.Д. Давидов. Музей создавали всем городом (2, л. 86).

В Советской стране всегда уделялось большое внимание физкультуре и спорту. В целях усиления внешкольной работы по физическому воспитанию учащихся неоднократно проводились городские спартакиады (2, л. 67).

Исполком Кизлярского городского Совета депутатов трудящихся отмечал, что городской комитет физкультуры и спорта в течение 1947 г. проделал большую работу по сравнению с 1946 г. для улучшения физического воспитания молодежи (2, л. 39). За 1947 г. проведено 71 спортивно-массовое мероприятие, в которых приняло участие более 5000 физкультурников. К 30-й годовщи-

не Октября было подготовлено 384 значкиста ГТО (2, л. 11). Но и здесь имелись недостатки: большинство молодежи города регулярно физической культурой и спортом не занималось, не было массовости в проводимых мероприятиях, особенно в зимний период, в городе отсутствовал спортивный зал, где можно проводить мероприятия в зимнее время, и многое другое.

В 1946 г. была открыта детско-юношеская спортивная школа (2, л. 9). В те годы при школе работало 6 отделений: волейбольное, баскетбольное, легкой атлетики, футбола, вольной борьбы и бокса. Воспитанники ДЮСШ в послевоенное время много и успешно выступали, были и свои чемпионы: по велоспорту – М. Таранова, по спортивной гимнастике – Н. Воробьева и др. (2, л. 80).

Анализируя вышеизложенные архивные данные, следует отметить, что одним из важнейших аспектов социального развития всех слоев городского населения стало изменение самого его характера, обусловленное качественными сдвигами в образовательном, профессиональном, техническом, общекультурном уровне. Переход ко всеобщему среднему образованию привел в итоге к тому, что уровень образования городского населения стал выше. В свою очередь это обусловило рост духовных потребностей горожан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарунова Н.Н., Яковенко Е.М. Социально-экономическое и культурное развитие г. Кизляра в 1944–1956 гг. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2023. 162 с.
2. Архивный отдел администрации городского округа Кизляр. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78.

А.Т. ДЖУМАГУЛОВА

(Пятигорск, РФ)

НОГАЙСКАЯ КОЧЕВАЯ ЭЛИТА В СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации ногайской кочевой элиты в процессе интеграции в социальную и управленческую систему Российской империи в XIX – начале XX в. На основе архивных источников анализируются механизмы встраивания традиционной знати (султанов, мурз) в имперскую сословную иерархию, процесс деклассирования части аристократии и формирования новых элитных групп (военное дворянство, чиновничество, байство). Особое внимание уделено роли военной службы как канала социальной мобильности, позволявшего представителям ногайской элиты получать чины, награды и потомственное дворянство. Автор приходит к выводу о двойственном характере трансформации: имперская политика открывала возможности для вертикальной мобильности, однако разрушение традиционных институтов (ясирство, привилегии тарханов и сеидов) вело к маргинализации части знати и стимулировало социальную модернизацию, неприятие которой стало причиной эмиграции (мухаджирства). Дифференциация стратегий адаптации предопределила вариативность путей развития ногайского этноса в имперский период.

Ключевые слова: ногайцы, кочевая элита, социальная трансформация, Российская империя, социальная мобильность.

Интеграция ногайских обществ в административно-правовое и социальное пространство Российской империи в XIX – начале XX в. инициировала глубокие трансформационные процессы, затронувшие все страты кочевого социума. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов социальной модернизации и перемен общественного сознания в ногайском обществе в условиях имперской модернизации. Изучение данного процесса позволяет выявить как общие закономерности трансформации кочевых элит на южных окраинах России, так и специфические черты, присущие ногайскому социуму.

Целью настоящей статьи является изучение процесса встраивания ногайской кочевой элиты в новую систему управления, внедренную Российской империей в ногайских обществах в XIX – начале XX в., анализ социальной трансформации традиционного общества, измене-

ния статуса кочевой знати и формирования новых социальных групп.

Инкорпорация ногайских обществ в административную систему Российской империи повлекла за собой формализацию правового статуса традиционной знати. В рамках имперской сословной политики султаны были признаны высшим дворянским сословием ногайцев и приравнены в родовых правах к княжескому достоинству, а за мурзами был закреплен статус дворянства. Данная мера законодательно фиксировала сложившуюся социальную стратификацию, исторические корни которой уходили в золотоордынскую эпоху: еще в 1608 г. ногайские мурзы приняли правовой акт, устанавливавший властные prerogatives князей над мурзами, а последних – над улусным населением (1, с. 167).

Ногайские султаны мигрировали на Кавказ из Крыма и интегрировались в местные сообщества в качестве «почетных гостей», поль-

зуюсь особым статусом. А.П. Берже идентифицирует пять основных султанских родов: Келембетовский (Мансуровы), Карамурзинский, Кипчаковский (Мамакаевы, Абуловы), Наврузовский (Каплановы) и Мангитовский (3, с. 486–488). Несмотря на высокий формальный статус, численность султанов была незначительной, а их экономическое положение часто оказывалось неустойчивым ввиду отсутствия достаточной податной базы (8, ф. 414, оп. 1, д. 434, л. 107–108).

Имперская политика в отношении знати носила двойственный характер. С одной стороны, власти проводили системную работу по документированию и легитимации сложившихся социальных отношений: собирались сведения о повинностях и податях, которые рядовые ногайцы несли в пользу мурз, фиксировались привилегии знати, включая освобождение от системы общих повинностей. Мурзы пользовались правом экстерриториальности в судебной сфере – их дела не подлежали рассмотрению ни общественными, ни духовными судами; они были освобождены от телесных наказаний; вопросы их правовой ответственности решались исключительно на закрытых советах представителей мурзинских родов (4, ф. 249, оп. 3, д. 708, л. 24–25). С другой стороны, передача управленческих функций имперским административным институтам в лице российских приставов постепенно вытесняла традиционные институты власти, превращая ногайскую знать из управляющей элиты в социальную группу с преимущественно символическим статусом.

Ключевым фактором деклассирования традиционной знати стал системный кризис экстенсивного кочевого скотоводства. Сокращение пастбищных территорий, экстремальные природно-климатические

явления (бураны, засухи), эпизоотии и ограниченность водных ресурсов привели к масштабной потере основного богатства кочевников – скота. Утрата поголовья разрушала материальную основу социального превосходства знати, объективно уравнивая султанов и мурз с рядовыми скотоводами. Показательны данные из отчетов пристава за 1839 г.: в ауле Покоривший ногайский мурза владел лишь двумя лошадьми и десятью головами крупного рогатого скота, тогда как его подвластные имели от 70 до 300 голов скота различных видов (4, ф. 249, оп. 3, д. 708, л. 25). К середине XIX в. власть мурз и султанов становилась номинальной – лишь в силу традиции простые ногайцы продолжали предоставлять им символические выплаты в виде двух мерок проса, арбы сена и арбы дров (4, ф. 249, оп. 3, д. 967, л. 1).

Существенную роль в экономическом упадке знати сыграл и запрет института ясырства (рабство), являвшегося важным элементом кочевого общества. Ясырство было важной статьей доходов знати, маркером социального статуса, определявшегося, в том числе, количеством ясырей и элементом хозяйственной автономии. Политика Российской империи по искоренению работорговли, включавшая установление фиксированных сроков службы ясырей, государственную регистрацию сделок и в конечном итоге полный запрет рабства, воспринималась значительной частью элиты как посягательство на основы традиционного уклада и ментально-культурные устои номадов (6, с. 28).

На фоне прогрессирующего обнищания представители знати стали демонстрировать отклонение от традиционных эндогамных брачных практик: в середине и второй половине XIX в. фиксируются случаи заключения браков между мурзами и

представителями непривилегированных слоев – с узденями (служилые сословие), азатами (свободные общинники) и даже кулами (зависимые/ бывшие рабы), что в дальнейшем снижало их авторитет (9, с. 42–43). Процесс деклассирования сопровождался и прямыми административными мерами: упразднением отдельных сословных групп (тарханов, сеидов) и унификацией налоговой системы.

Одним из важнейших механизмов встраивания ногайской элиты в имперскую систему управления выступала военная служба. В рассматриваемый период царское правительство для утверждения своей власти на Северном Кавказе широко использовало местные народы в военных формированиях, рассматривая привлечение знати в военные структуры как инструмент укрепления лояльности и интеграции окраин.

Ключевым институтом интеграции горской и ногайской аристократии в имперскую военную элиту стала лейб-гвардия Кавказского горского эскадрона, созданная по инициативе генерала Г.А. Эмануэля. Представители ногайской знати каждые два года избирались для прохождения службы в этом престижном подразделении, дислоцированном в Санкт-Петербурге. Порядок отбора был строго регламентирован: согласно предписанию начальнику Кавказской области от 18 февраля 1830 г., кандидаты должны были происходить из «лучшей фамилии», отличаться «хорошей стройностью, храбростью и приятной наружностью», иметь исправное вооружение и лучшую строевую лошадь (4, ф. 407, оп. 1, д. 222, л. 5). Архивные материалы сохранили сведения о наборе из Калаус-Джембойлукского представительства: из мурз карерюмского рода был выбран Саин Акмурзин (35

лет), из меситова – Мурзабек Джарашанов (24 года), из канглинского – Самурат-Гирей Арсланов (20 лет). Все были неграмотны, что отражает реалии образовательного уровня степной знати в первой трети XIX в. Хотя предписание предполагало направление двух человек от каждого народа, администрация избрала троих мурз, чтобы не ущемить ни одну из трех родовых ветвей джембойлуковцев, – это свидетельствует о стремлении властей учитывать внутриэлитный баланс (4, ф. 407, оп. 1, д. 222, л. 1–7 об.).

Параллельно предпринимались попытки интеграции ногайцев в казачьи войска. В 1837 г. бештау-кумские и калаусо-саблинские ногайцы были присоединены к Кавказскому линейному войску, однако вскоре решение отменили: упразднение арбовой повинности с переходом кочевников в военное ведомство создавало неразрешимые логистические трудности. В 1840 г. при формировании Кавказского конно-горского дивизиона в его состав включили пятнадцать ногайских всадников, содержание каждого обходилось населению в 623 рубля.

С передачей ногайцев в ведение Министерства государственных имуществ (1841 г.) они были освобождены от военной службы, что облегчило податное бремя, но сузило возможности социальной мобильности для знати. Несмотря на непродолжительность и ограниченный масштаб привлечения ногайцев к регулярной военной службе, этот институт сыграл важную роль в формировании новой имперской элиты из числа традиционной знати. Представители ногайской феодальной аристократии, избравшие военную карьеру, добивались значительных успехов, получая высокие чины и потомственное дворянство. В их числе – генерал-майор Султан Менгли-Гирей, его дети майор Тохтамыш-

Гирей и штаб-ротмистр Джанибек-Гирей, капитаны Расул и майор Эдиге Тагановы, генерал-майор Султан Казы-Гирей, полковник Адиль-Гирей Капланов-Нечев, прапорщик Ягуш Карамурзин. Эти персоналии олицетворяли формирующуюся военно-служилую элиту ногойского общества, чей статус основывался не только на происхождении, но и на личных заслугах перед империей (5, с. 141–142). Как представляется, военная служба выступала для ногойской знати двойственным институтом. С одной стороны, она открывала канал вертикальной мобильности, позволяя интегрироваться в имперскую элиту на основе личной выслуги. С другой – она требовала разрыва с традиционным кочевым укладом и принятия новых культурных норм и поведенческих моделей, что способствовало межпоколенческому разрыву и формированию новой идентичности у военно-служилого слоя.

Параллельно с деклассированием традиционной знати и интеграцией ее части в военно-служилую элиту происходило формирование новой социальной иерархии, основанной на имущественном принципе. В условиях усиления имущественной дифференциации среди ногойцев сформировалась группа крупных скотовладельцев – байство, не принадлежавших к традиционной аристократии, но концентрировавших в своих руках значительные экономические ресурсы. Концентрируя табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, они приобретали влияние даже на мурз, которым ранее подчинялись. Статистические данные по кочевым хозяйствам ногойцев свидетельствуют о глубокой имущественной поляризации. Согласно материалам 1879 г., в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве 8,87 % хозяйств представляли богатую про-

слойку (байство) с поголовьем от 50 до 1000 голов скота. В то же время 34,46 % хозяйств находились в состоянии абсолютной бедности (байгуши и владельцы одной головы скота). Схожая структура фиксировалась и в Караногайском приставстве, где доля беднейших групп достигала 26,97 % (2, с. 34–35).

Важным каналом формирования новой элиты стала имперская административная система. После интеграции в состав Российской империи часть мурз сохранила элитный статус, заняв ключевые административные должности: старшин, табунных голов, а впоследствии и более высокие посты в системе инородческого управления. Система приставских управлений, внедренная на Северном Кавказе в последней трети XVIII – первой половине XIX в., создавала новые возможности для кооптации представителей местных элит в имперскую вертикаль власти. Однако эта же система постепенно вытесняла традиционные институты управления, превращая бывших суверенных правителей в чиновников, зависимых от губернской администрации (7, с. 775–779). Трансформация традиционных институтов, запрет ясырства и экономический кризис поставили ногойскую элиту перед стратегическим выбором: адаптироваться к новым имперским реалиям или эмигрировать. Наиболее последовательно этот выбор проявился в поддержке частью знати массового исхода (мухаджирства) в Османскую империю в 1850–1860-е гг. (5, с. 152–159). Под знаменем мухаджирства значительная часть ногойских обществ отстаивала свою систему ценностей, центральное место в которой занимали владельческие права на ясырей, традиционная иерархия и автономия от имперской администрации. Меры, принятые российскими властями, воспринимались как прямое посяга-

тельство на их культурные нормы и основу материального благосостояния. Исход в Османскую империю, где подобные институты сохраняли легитимность, стал формой протеста против имперской модернизации.

Примечательным представляется тот факт, что реакция различных групп ногайского этноса на модернизационные вызовы была неоднородной. Ногайцы Ачикулакского и Караногай-Едишкульского приставств не приняли участия в мухаджирстве. В отличие от своих соплеменников, избравших исход, они не усматривали в модернизации социальных отношений столь серьезной угрозы своей культурной идентичности. Их адаптационная стратегия, вероятно, была основана на более гибком восприятии имперских преобразований и готовности к трансформации традиционного уклада в обмен на получение определенных гарантий со стороны государства. Данное обстоятельство указывает на внутреннюю неоднородность ногайского общества и наличие в его среде различных моделей реагирования на вызовы модернизации. В то время как одни группы видели в сохранении традиционных институтов фундаментальную основу своего существования, другие оказались способны интегрироваться в новые социально-экономические реалии без тотального

разрушения культурного кода (6, с. 29–30).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что трансформация ногайской кочевой элиты в XIX – начале XX в. представляла собой сложный и многомерный процесс. Интеграция в административную систему империи, экономический кризис кочевого скотоводства, запрет ясырства и политика унификации социального пространства привели к фундаментальной перестройке социальной стратификации ногайского общества. Традиционная знать, утрачивая экономические и властные позиции, частично деклассировалась, частично трансформировалась в новую служилую элиту – военную (генералы и офицеры из султанских и мурзинских родов) и гражданскую (чиновники инородческих управлений). Параллельно формировалась экономическая элита (байство), чье влияние основывалось не на происхождении, а на имущественном положении. Дифференциация стратегий адаптации – от мухаджирства до интеграции в имперскую систему через военную и гражданскую службу – отразила внутреннюю неоднородность ногайского общества и предопределила вариативность путей развития различных групп этноса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и редактировал А.М. Гневушев. М., 1918. Вып. 2. 421 с.
2. Бентковский И.В. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32. С. 34–35.
3. Берже А.П. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 87.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).
5. Джумагулова А.Т. Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX в. Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. 248 с.
6. Джумагулова А.Т. Институт ясырства у ногайцев: трансформация кочевого общества в имперский период // *Nomadic civilization: historical research*. 2025. Т. 5. № 4. С. 20–33.
7. Лиджиева И.В., Джумагулова А.Т., Шургучиева Ю.С., Эрднеева Б.А. Социально-экономическое развитие территории кочевых народов Ставропольской губернии в XIX – начале XX в. // *Былые годы*. 2024. № 19(2). С. 771–782.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
9. Сословное право горцев Кубанской области 1872–1903 гг. // *Генеалогия Северного Кавказа*. 2007. № 19. С. 3–122.

Н.М. ЕРЁМИН

(Белгород, РФ)

НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА НА ТЕРЕКЕ

Аннотация. В статье, носящей мемуарный характер, приводятся факты о событиях начала 90-х годов XX века, связанные с возрождением казачества на Тереке. Ценность и важность данного материала состоит в том, что указаны конкретные личности, взявшие на себя весьма непростую задачу по возрождению традиций и обычаев, культуры казачества, которое веками стояло на охране границ и защите Отечества от внешних супостатов.

Ключевые слова: возрождение казачества, потомки казаков, казацкие круги, становление казацких общин.

10 марта 1990 года в терской станице Шелковской была создана общественная организация «Терский казачий союз», где в соответствии с казацкими традициями избраны атаман Юрий Михайлович Мащенко и казацкая старшина, которые отвечали за возрождение традиций старшего поколения служению Отечеству и воспитание подрастающей смены (1 с. 29).

В мае того же года эта организация на правах отдела вошла в состав возрождённого Терского казачьего войска. Решение о вхождении в состав Терского казачьего войска было принято в присутствии благочинного отца Петра Нецветаева, атамана ТКВ, Героя Советского союза В.Д. Коняхина.

В начале июня в станице Гребенской на Атаманском правлении, которое проводил потомственный казак Михаил Михайлович Кальченко, произошла встреча с уроженцем станицы, живущим тогда в Москве, Владимиром Ивановичем Овчаровым. Он поведал, что является представителем инициативной группы, созданной писателем Гарием Немченко (потомственный кубанский казак) для организации и проведения Большого круга всех казачьих потомков в Москве. Предложил избрать делегатов от Терско-Гребенского отдела и направить их

в столицу. В число делегатов вошли Михаил Михайлович Кальченко, Николай Михайлович Ерёмин, Виктор Капитонович Малаев, Иван Петрович Филиппенков, Юрий Михайлович Мащенко, Владимир Васильевич Коваленко.

В Москву из Грозного прилетели авиарейсом. Поселили нас в общежитии, где в тот же день началось обсуждение повестки дня предстоящего круга и постановлений. Наши казаки из станицы Червлённой принарядились в казацкие черкески, на поясах красовались дедовские кинжалы, глянец блестели сапоги, лихо заломлены высокие папахи. Не отставали от них представители кубанских казаков видом своих алых башлыков и чекменей... Оживляли картину жёлтые лампасы забайкальцев, синие околыши фуражек оренбуржцев, малиновые погоны семибурцев. Отмечаем, что присутствовали только мужчины.

Интересными были речи ставропольского представителя Федосова, который активно ратовал за создание нового ставропольского казачьего войска. Вызвала подозрение позиция писателя Кокунько, который выступал за «старорежимные» позиции казачества... Дискутируем и мотаем на ус...

На следующий день в Доме культуры завода «Серп и молот» донской казак, писатель Борис Алмазов, избранный есаульцем, объявляет об открытии первого Большого круга делегатов от всех казачьих земель страны. Круг освящает священник отец Михаил.

Атаман Московского казачьего Землячества Г. Немченко докладывает о проделанной организационной работе и предлагает повестку дня и документы, подготовлен-

ными решил не участвовать в данном мероприятии.

Оглашаются приветствия от различных общественных организаций, сообщается, что Борис Ельцин на приглашение не ответил...

Писарь Кокунько пытается внести смуту в работу Круга, заявляя, что подобное мероприятие следует проводить только на казачьей земле, например, в Новочеркасске, его попытались поддержать донцы, но есаулец Алмазов наводит поря-

12 мая 1990 г. Станица Червлённая. Слева направо: отец Пётр Нецветаев, Стороженко А.Д., Атаман Терского казачьего войска Коняхин В.Д., Атаман Терско-Гребенского отдела Машенко Ю.М.

ные оргкомитетом. Сообщается, что, по предварительным данным, на Круг приглашалось более трёхсот делегатов, однако зарегистрировано 263 человека. Принимается решение о начале работы Круга. Рядом с нашей делегацией в колоритных нарядах сидят казаки-некрасовцы, которые в 60-х годах XX века вернулись из Турции и были поселены на Ставрополье. К нам присоединился земляк атаман сунженских казаков Александр Ильич Подколзин. От него узнаём, что руководство Терского войска во главе с Атаманом Ко-

док. Началось обсуждение целей и задач для возрождения и становления современного казачества. Предстояло обсудить Устав и программные документы. Надо было избрать руководящие органы: Атамана, Правление, Совет стариков и Суд чести. Как было и в старину, на казачьих кругах дискутировали, сыпались реплики и замечания, но есаулец и приставы быстро наводили порядок.

В перерыве заседания в большом зале были развёрнуты торговые ряды, с литературой того времени «демократических» преоб-

разований, были представители различных общественных движений, наше внимание привлекли монархисты, у которых мы приобрели фотопортреты последнего русского Императора...

По соседству с ними работали живописцы, и их внимание привлёк наш Иван Петрович Филипчёнок, наверное, прежде всего своими роскошными завитыми вверх кончиками усов. К тому же он был в полной казачьей справе (одежде) казака. Художник уговорил его попозировать ему полчаса и когда прозвучал звонок, приглашая на продолжение работы Круга, мы увидели прекрасный, написанный акварелью образ нашего земляка, кстати, из старинного рода гребенцов станицы Червлённой.

Острую дискуссию вызвал вопрос местопребывания казачьих руководящих органов и Атамана. Ввиду тогдашней политической обстановки и тревоги казачества за судьбу страны решено было руководство сосредоточить в Москве. И эта точка зрения стала главной. Атаманом был избран родовой донской казак станицы Гниловской Александр Гаврилович Мартынов.

30 июня в фойе Дома культуры был сделан групповой снимок делегатов этого исторического Круга, который был опубликован в первом номере газеты «Казачьи ведомости».

Это было время возрождения казачества и продолжение его истории...

Послесловие

С того дня минуло тридцать пять лет. Терские казаки, разделённые ещё при советской власти между кавказскими автономными республиками, испытали горечь предательства новыми «демократическими» правителями страны. Их обращения в центр оставались без

ответа. 22 октября в Атаманском правлении низовых терских станиц за подписью атамана Машенко и казачьей старшины был составлен следующий документ:

«Учитывая сложившуюся в Чечено-Ингушской Республике ситуацию и возможность оказать за пределами своей исконной Родины-России, полномочные представители станичных общин решают провести в Шелковском районе референдум о вхождении, вернее возвращении незаконно отторгнутых в 1944 году земель в состав Ставропольского края.

Для проведения референдума избрать районные, станичные и поселковые комиссии. Результаты опроса направить в адрес Временного Высшего Совета ЧИР и Ставропольского облисполкома.

Разделяя стремление чеченского народа к обретению полной независимости и поддерживая их желание создать своё государство, призываем все возникающие вопросы решать на законной основе без угроз применения силы с какой бы ни было стороны.

Мы видим залог восстановления стабильности в регионе в восстановлении границ 1944 года» (документ из личного архива автора).

Что происходило с казаками в последующее время, подробно освещено в СМИ и даже в научной литературе. Добавлю, что все делегаты исторического Круга испытали не лучшую судьбу. Ветеран Великой Отечественной войны Виктор Капитонович Малаев был убит на пороге собственного дома ещё до начала «первой чеченской», вынуждены были покинуть родные станицы ос-

тальные герои этого очерка, и это был не худший вариант их дальнейших судеб...

На наш взгляд, самой успешной стороной возрождения казачества было довольно внушительное количество научных изданий по истории казачества (2), проведение научных конференций с последующим изданием научных сборников (3), вхождение казачьих организаций в государственные структуры. При этом весьма важно сохранить все источники истории возрождения казачества.

На днях «Терское общество любителей казачьей старины» в канале Telegram поделилось уникальным видео: съёмки Первого Большого учредительного круга Союза казаков России, город Москва 28–30 июня 1990 года (4).

Это видео из личного архива кубанского казака Сергея Гурьевича Немченко. Смотреть эти уникальные кадры надо, не отрываясь от экрана, и вновь прожить вместе с оператором то незабываемое время...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерёмин Н.М. По указу Петра. Археолого-этнографические и историко-культурные очерки / под редакцией проф., д.и.н. В.Б. Виноградова. Шелковская, 1990. 32 с.
2. Ерёмин Н.М. Гребенской участок Кавказской линии в конце XVIII–XIX в. Белгород: Издательство «Константа», 2014. 176 с.
3. Ерёмин Н.М., Шевченко О.Н. Двадцатилетие казачьего круга терских низовых станиц // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы 7-й Международной Кубано-Терской научно-практической конференции. Армавир, 2010. С. 72–73.
4. https://vkvideo.ru/video-91054702_456239105 (дата обращения 1.06.2026).

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ

(Пятигорск, РФ)

СИТУАЦИЯ НА ЮЖНОМ ФРОНТИРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ ВЕНСКОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА 1726 г. ДО ОСМАНО-РОССИЙСКОЙ ВОЙНЫ 1735/36 – 1739 гг.

Аннотация. В статье раскрываются особенности ситуации на южном пограничье Российской империи во второй половине 20-х – первой половине 30-х гг. XVIII в. Показано влияние внешних и специфика внутренних факторов, воздействующих на произошедшие здесь процессы. Раскрываются положительные последствия сближения с Австрией и те политические издержки, которые за этим последовали. Обозначена роль Крымского ханства в эскалации напряженности между Россией и Турцией. Показано, что ни одна из сторон не могла в полной мере контролировать и сдерживать своих вассалов, обладавших значительной автономией как во внутреннем самоуправлении, так и во внешнеполитических шагах. Выясняются причины отказа Петербурга от наследия Петра I в виде прикаспийских территорий. Анализируется позиция автохтонного населения Кавказа в выборе покровителя, что нередко приводило к обострению противостояния между государствами, претендующими на доминирование в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Персия, Крымское ханство, горцы, кочевники, война.

В 1726 г. был заключен договор между Россией и империей Габсбургов, надежность которого определялась наличием общего противника в лице Оттоманской Порты (9, с. 32–33). Этот союз самим фактом своего существования должен был заставить ястребов в османском правительстве задуматься над реалистичностью победной экспансии на Юге Европы. Следовало проявлять осторожность и на кавказском направлении, где своевольный вассал Константинополя – Крымское ханство – вполне мог спровоцировать очередную конфронтацию с Петербургом. В лице Австрии российское правительство получило союзника, мощь которого позволяла оттянуть на себя значительные силы османов. Ради этого стоило свернуть проект объединения с сербами и валахами, политическая зрелость и договороспособность которых вызывали скепсис в российских верхах (2, с. 39–40).

Издержки от сближения с Веной также оказались велики. В качестве соперника новоявленных союз-

ников выступила Франция, настойчиво принявшаяся возводить «восточный барьер», направленный на сдерживание возникшей коалиции. В нем одним из краеугольных камней становилась Османская империя, военные возможности которой должны были быть использованы против России и Австрии. Воплощавший этот проект в жизнь кардинал Андре-Эркуль де Флери готов был вложиться в модернизацию ветшавшей державы султана, чтобы она оказалась в состоянии бороться с преуспевшими в своем развитии европейскими странами. Формировались и другие болевые точки, для чего французская дипломатия активизировалась в Швеции и Польше (3, с. 2).

Тем временем ситуация в Крыму оказалась серьезнейшим образом дестабилизирована действиями местных феодалов, которые в своем стремлении завоевать авторитет у соплеменников проводили набеговую экспансию, выбрав в качестве одной из целей своих притязаний

Северный Кавказ. В немалой степени это было следствием османского покровительства и даже неафишируемого поощрения. Но и сводить все исключительно к «коварству» султана было бы неверно. Реалии пограничья показали, что на ситуацию здесь нередко влияли не Петербург или Константинополь, а местные владельцы, надежно контролировавшие которых не было никакой возможности. Достаточно вспомнить Сурхай-хана Казикумухского, который формально считался турецкой креатурой, но фактически был самостоятелен в своих действиях, в том числе враждуя с русскими (6, с. 143–145). В сложившейся ситуации рассчитывать сохранять *status quo* в российско-османских отношениях не приходилось. Накапливался груз обоюдных претензий, усиливалось недоверие, чреватое новым всплеском военной конфронтации между государствами (2, с. 40–41). Это, впрочем, не означало, что стороны хотели такого исхода. Те же османы пытались образумить своего крымского вассала, требуя от него не провоцировать русских. Противоборство с Персией, на которой было сосредоточено главное внимание Османской Порты, заставляло Диван проявлять осторожность и сдержанность. Но насколько хотели этого в Бахчисарае, оставалось большим и неприятным вопросом для султана (12, с. 54).

В свою очередь, Петербург не мог гарантировать безопасность рубежей своего турецкого соседа. Нельзя преувеличивать уровень влияния российской администрации на калмыков, которые стремились вернуть свою власть над Едисанской и Джембойлукской ордами, скрывшимися от них на Кубани в надежде на крымскую, а значит, и османскую защиту.

Немало волнений и забот доставляли персидские дела. Отсюда звучали угрозы сплотиться с турками,

если Россия не вернет полученные ею после петровских завоеваний территории. Прикаспийские земли сделались предметом шантажа. Прибывший в начале 1730 г. в Россию персидский посол Мирза Ибрагим от имени шаха предлагал помочь в освобождении Ирана от османов, в противном случае ставя вопрос о возвращении их в состав своего государства. Коллегия иностранных дел, в свою очередь, была не прочь возратить это проблемное наследие первого императора бывшему владельцу, но рассчитывала сделать это «не потеряв лица». Существовало серьезное опасение, что персы не удержат эти территории, и они достанутся Константинополю. Столь серьезный успех Порты мог существенно поколебать баланс сил на юге. Российским дипломатам приходилось прилагать немало трудов, чтобы убедить правителя Ирана не проявлять поспешность, вынуждая Петербург немедленно выводить свои войска из этих мест (7, с. 325, 330, 336).

Итогом компромисса стал Рештский мирный договор от 21 января 1732 г., в результате которого Персии возвращалась часть ее бывших прикаспийских провинций, а российские войска отходили за Куру. Оставшиеся под российским контролем персидские земли обещали вернуть, как только исчезнет угроза их перехода под турецкую руку. Чтобы не травмировать шахский двор, было принято решение даже переименовать полки Низового корпуса, лишив их персидских названий. Россия получала гарантии, что ее купцы будут беспрепятственно торговать в Иране и смогут вывозить свои товары в Индию (15, с. 199–206).

Ситуация до предела накалилась, и российское правительство всё отчетливее склонялось к идее разрубить «гордиев узел» противоречий с Портой. Выразителем антиосман-

ского курса в рассматриваемый период можно считать Андрея Ивановича (Генриха Иоганна Фридриха) Остермана, вдохновителя сближения с Австрией (8, с. 43–44). Вместе с тем его нельзя относить к числу политических ястребов, и настойчивое стремление Петербурга не провоцировать своего южного соседа было заслугой этого сподвижника Петра Великого. Участник Прутского похода, вице-канцлер, на основании собственного опыта он понимал все риски столкновения с таким непростым противником. Средств для новой войны России катастрофически не хватало, что, возможно, и предопределяло ее последовательные усилия по сохранению мира. Любопытен вывод некоего безымянного, но весьма осведомленного автора, который, анализируя ситуацию в стране с 1717 по 1731 годы, заявлял, что один-два военных похода могут разорить государство, ввергнув его в хаос (4, с. 110–113). Но и молчаливо наблюдать за воинственными демаршами Константинополя и его Крымского вассала было бы непростительной ошибкой. Сдержанность могла быть расценена как слабость. Союз с Веной давал надежду на то, что в Европе удастся избежать ненужной войны (9, с. 20). В этом случае Россия, направляя вектор внешнеполитических усилий на юг, возвращалась к осуществлению замыслов Петра Великого, но уже в новых, более благоприятных для себя условиях.

В самой Турции у власти оказались сторонники решительных действий во внешней политике. В результате свержения султана Ахмеда III престол занял Махмуд I, чей расчет на помощь со стороны Франции подталкивал Константинополь к выбору силового варианта разрешения разногласий как с Веной, так и с Петербургом. В Крыму в очередной раз стал правителем Каплан-Гирей I, чье отношение к Россий-

ской империи отличалось враждебностью и готовностью вооруженной рукой расширять свое влияние в Северо-Восточном Причерноморье.

Существенным раздражителем в отношениях российской власти и номадов явилась борьба за ханский титул среди калмыков. Ставка Петербурга на Церен-Дондука, оказавшегося откровенно слабым правителем, толкнула его соперника Дондука-Омбо на сближение с Бахчисараем. Летом 1732 г. он собрал подвластные себе улусы и откочевал с ними на Кубань. Теперь крымский хан мог привлекать под свои знамена и калмыков, и ногайцев. Имея под рукой столь существенный мобилизационный ресурс, Каплан-Гирей I приступил к активной военной экспансии, вторгаясь на земли Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Неудивительно, что когда кубанский сераскер Фетх-Гирей получил приказ направиться воевать с персами, в составе его войска оказалось десять тысяч калмыков. Это была не только «плата кровью» за право проживать на землях крымского хана, но и возможность получить средства для существования, захватив трофеи. В качестве объекта грабежа выступали в данном случае либо подданные шаха, либо черкесы или дагестанцы, через земли которых должно было продвигаться войско. Начавшийся летом 1733 г. поход должен был обеспечить поддержку османским войскам, которые в это время сражались в Закавказье. Для этого следовало пройти по территории Северного Кавказа по землям, входящим в сферу российских интересов и влияния. Ничем иным, кроме как *casus belli* (повод к войне), такой недружественный шаг признать было невозможно.

Коллегия иностранных дел 11 мая 1733 г. издала указ на имя генерал-поручика Василия Яковлевича Левашова, в котором сообщала, что гото-

вится поход «татар крымских в Персию чрез Кавказские горы, то есть на Кабарду и Дагестаны, где суть прямые принадлежащие к нашему империи земли». В этой связи, генералу «для постраху крымцов и кубанцев разгласили нарядить в Кабарду немалую команду и при крепости Святого Креста полками чините экспедиции и протчая, и сей ваш поступок приемлется за благо» (5, с. 78, 79).

Российские войска вместе с горскими союзниками постарались воспрепятствовать вторжению. Отряд генерал-лейтенанта принца Людвиг Вильгельма Гессен-Гомбургского встретил неприятеля на Сунже и в ходе боя, произошедшего 11 июня 1733 г., сумел нанести ему значительный урон. Но, несмотря на достигнутые успехи, командующий русскими силами предпочел отойти в крепость Святого Креста. В дальнейшем он не проявлял активность, фактически отдав инициативу неприятелю (11, с. 46–47). Возможно, здесь сыграл свою роль тот факт, что российское командование само желало результата, при котором турки и их союзники как можно сильнее завязали бы в Персии. В этом случае они получали время на подготовку к войне с Портой, в неминемости которой в Петербурге не сомневались. Остерман писал Неплюеву: «...на Порту не налегать, чтобы не подать ей причины с персиянами скорого мира искать, яко сходство интересов требует, чтобы Порта надолго была обязана персидской войной» (цит. по: 1, с. 157). Информация о произошедших на Северном Кавказе событиях была преподнесена в Константинополе как однозначная победа над русскими, что в целом укладывалось в замысел, лелеемый правительством Анны Иоанновны (1, с. 157–158).

Пассивность генерала Гессен-Гомбургского дорого обошлась гребенам, чьи городки принялись ра-

зорять воспрянувшие духом татары и калмыки. Но и казаки не давали спуска противнику. Они совместно с брагунскими владельцами нападали на татар, «много их порубили и в полон взяли» (цит. по: 14, с. 346). Впрочем, немалая часть дагестанских владетелей встретила татар достаточно дружески. Для некоторых из них это был шанс не только расправиться с властью русских, но и получить добычу в манящем своим богатством Дербенте, к которому устремился крымский предводитель (7, с. 263–264). Однако здесь они встретили решительный отпор. Отряд под командованием полковника Ломана после 8-часового боя обратил их в бегство (13, с. 47).

Между тем на Сулак во главе полуторатысячного отряда донских казаков двигался атаман Иван Матвеевич Краснощеков. Его людям пришлось столкнуться на р. Куме с возвращавшимися в Крым кочевниками. Оказавшись в окружении, донцы отбивались двое суток, а затем им на выручку подоспел кабардинский князь Бамат (Магомет) Кургокин. Это был шурин Дондука-Омбо, участвовавшего в это время со своими всадниками в сражении с русскими. Для родственников сложившаяся ситуация не стала поводом отказаться от личной встречи. Князю удалось убедить калмыцкого предводителя воспользоваться этим случаем и примириться с российской властью, пропустив казаков (14, с. 348). В Петербурге по достоинству оценили стремление Дондука-Омбо пойти на сближение с российской администрацией и, отстранив слабовольного Церен-Дондука, сделали его ханом калмыков (10, с. 490–491).

По мере накопления взаимных претензий отношения между Россией и Оттоманской Портой продолжали ухудшаться. И здесь сказывались не только пограничные конфликты, то и дело вспыхивавшие на кавказ-

ском порубежье. На ситуацию влияли и разногласия вокруг Польши, где болезненно схлестнулись интересы самых разных стран, стремящихся видеть на местном престоле лояльного себе правителя.

Между тем и без того испортившиеся после похода крымского войска на Северный Кавказ отношения усугубили взятые на себя Россией обязательства заключенного в марте 1735 г. Гянджинского трактата с Персией. Россия соглашалась вернуть территории на Каспии, полученные в результате завоеваний Петра I. Мотивировалось это тем, что Иранское государство преодолело свой затяжной кризис и теперь сумеет удержать их собственными силами (15, с. 209).

Но в итоге образовавшийся «политический вакуум» вполне мог заполниться не только персами, но и османами, симпатии к которым среди части дагестанских владетелей возросли. В Константинополе поползли слухи, что к султану должен прибыть муфтий Курбан-эфенди и от имени народов Дагестана просить его о помощи. Турецкие власти надеялись, что теперь крымские

войска беспрепятственно пройдут через Дагестан и смогут участвовать в боевых действиях, развернувшихся в Закавказье.

Очередной набег крымского войска на Северный Кавказ летом 1735 г. стал последней каплей, которая переполнила чашу российско-крымско-османской неприязни. На этот раз орду возглавил сам хан Каплан-Гирей, который должен был закрепиться в Дагестане и убедить местных владетелей в том, что русские уступили ему эти земли. Изначально предполагалось поддерживать силы Порты в Закавказье, где их теснили персы, но Каплан-Гирей предпочел не торопиться и планировал зимовать под Дербентом. При этом татары оставили беззащитными собственные территории, чем воспользовалось российское командование, направив осенью в Крым корпус генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Леонтьева. Формально война еще не была объявлена, но боевые действия уже начались (1, с. 182). Каждая из сторон рассчитывала добиться решительного успеха над соперником и стать доминирующей силой на Кавказе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны. СПб., 1906. XLIX, 556, 192 с.
2. Виноградов Б.В., Дударев С.Л., Приймак Ю.В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII в. – 1783 г. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2019. 210 с.
3. Дворниченко Е.В. «Восточный барьер» во внешней политике Франции 1763–1774 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 24 с.
4. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1877. Том. XX. 584 с.
5. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. 900 с.
6. Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в. / под общей редакцией Ш.А. Магарамова. Махачкала: издательство «Лотос», 2022. 304 с.
7. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 375 с.
8. Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 323 с.
9. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 408 с.
10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. IX. 1733 – 1736. 1024 с.
11. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т.1. 672 с.
12. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. 252 с.
13. Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. 1695–1800 гг. СПб., 1908. Т. I. 267 с.
14. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. I. История края. Екатеринодар, 1910. 736 с.
15. Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. 292 с.

С.Н. КТИТОВ

(Армавир, РФ)

ЭКСКУРСИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРМАВИР» В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Аннотация. В публикации представлен план городской пешеходной тематической экскурсии «Литературный Армавир». Он помогает раскрыть связь Армавира с судьбами видных поэтов и писателей, продемонстрировать местные мотивы в творчестве российских и зарубежных литераторов, вписать сюжеты прошлого аула, села и города в процессы развития отечественной культуры. Данная экскурсия не только дополняет знания о литературе и истории на основе знакомства с историей малой Родины, но также способствует воспитанию у участников экскурсии патриотизма, гражданственности и бережного отношения к памятникам прошлого.

Ключевые слова: Армавир, тематические экскурсии, объекты культурного наследия, литература, топонимика.

Экскурсионная деятельность представляет собой замечательную возможность прикоснуться к образам и событиям прошедших эпох, ощутить присущую каждому уголку атмосфере, понять свое место в вечном беге времен. Она способна пробудить у ее участников, что особенно важно для молодежи, живые эмоции, чувства уважения к деяниям предков, любви к родной земле и осознание ответственности на судьбу Отечества. Таким образом, экскурсионная деятельность выступает в качестве важного инструмента в процессе воспитания патриотизма и гражданственности, лежащих в основе стабильного и гармоничного развития социума. Именно в ходе экскурсий перед человеком открываются факты личной причастности к судьбам как малой Родины, так и всего Отечества. При проведении экскурсии для местных жителей важно показать, что они живут на той же земле и под тем же небом, что и их выдающиеся предки, связь с которыми осознается и устанавливается через постижение истории места. Экскурсия позволяет подчеркнуть присущую каждому населенному пункту, вне зависимости от его размера или возраста, идентичность.

Города и станицы Кубани, в том числе историческое и природное

наследие города Армавира, представляют собой перспективное поле для осуществления экскурсионной деятельности. Памятники прошлого, связанные с судьбами проживавших здесь различных народов, являются прекрасным свидетельством поликультурной истории нашей малой Родины как неотъемлемой части многонационального Отечества. В условиях Краснодарского края любая экскурсия неизбежно будет являться иллюстрацией того вклада, который внесли в развитие региона и всей страны представители различных этнических сообществ. Знакомство с исторической средой городов Кубани не только расширяет общий кругозор, но также будет способствовать повышению интереса к иным культурам и традициям, осознанию их непреходящей ценности и того уникального места, которое каждый народ занимает в жизни государства.

Одной из самых актуальных в свете решения вышеуказанных задач является экскурсия «Литературный Армавир». С нашим городом связан целый ряд замечательных отечественных деятелей культуры, среди которых особое место занимают литераторы. В Армавире сохранилось немало мест и объек-

тов, помнящих имена таких видных поэтов, писателей, публицистов и драматургов, как Савва Дангулов, Александр Кусиков, Владимир Маяковский, Лиля Брик, Евгений Шварц, Игорь Северянин, Максим Горький, Василий Каменский, Александр Куприн, Валерий Брюсов и многие другие. В располагающейся в ближайших окрестностях города крепости Прочный Окоп бывали Александр Сергеевич Грибоедов и Александр Сергеевич Пушкин, Михаил Юрьевич Лермонтов и Александр Иванович Полежаев. Здесь служили многие декабристы, оставившие значительное литературное наследие (3, с. 95–105, 187–196; 4, с. 32–35, 56–57).

Знакомство с произведениями, в которых отразились армавирские мотивы, позволяет взглянуть на историю своей малой Родины в контексте процессов развития общероссийской и мировой культуры. Творчество поэтов и писателей, воспевающих родную землю, прославляющих великих предков, призывающих беречь и защищать свое Отечество, является бесценным ресурсом в деле укрепления патриотизма и гражданственности. Поэтому так важно при организации экскурсии осуществить подбор фрагментов из художественных произведений и процитировать их в ходе рассказа об объектах и местах, связанными с именами литераторов.

Экскурсии всегда занимали видное место в многообразной деятельности Кавказоведческой Школы. Ее основатель – доктор исторических наук, профессор Виталий Борисович Виноградов – во время прогулок со студентами всегда с упоением рассказывал о богатейшем историческом наследии родной земли, наглядно демонстрировал сохранившиеся памятники археологии, учил видеть следы жизнедеятельности наших древних

предков. Для многих из нас эти рассказы открыли увлекательную дорогу к профессиональному становлению в качестве историка.

Ниже представлен развернутый план экскурсии «Литературный Армавир», являющийся частью документации, составляемой при подготовке подобных мероприятий. Для написания авторского текста экскурсии с более подробной информацией об объектах показа рекомендуется обратиться к уже опубликованным тематическим изданиям (1, 2). В составлении карточек с цитатами из литературных произведений, входящих в состав комплекта материалов «портфеля экскурсовода», может помочь сборник стихов и песен об Армавире и его жителях (5).

По содержанию экскурсия «Литературный Армавир» является городской, тематической; по типу передвижения – пешеходной; по цели – познавательной; по составу участников – для учащихся старших классов, студентов и взрослых. Продолжительность – 2,5 часа (150 мин.), протяженность маршрута – 1,65 км.

Маршрут экскурсии: площадь Армянской Успенской церкви (угол улиц Кирова и Осипенко) – ул. Кирова до угла ул. Р. Люксембург – ул. Р. Люксембург до угла ул. К. Либкнехта – аллея Парка Победы к Братской могиле партизан Великой Отечественной войны и к Свято-Никольскому собору до ул. Комсомольской – ул. Комсомольская до угла ул. К. Либкнехта – аллея Центрального сквера к знаку 45-я параллель и фонтану «Победа» – от фонтана «Победа» к ул. Комсомольской – ул. Комсомольская до угла ул. Кирова – ул. Кирова до центра площади им. В.И. Ленина.

При движении рекомендуется познакомить участников экскурсии с топонимикой местности и показать, как в названиях внутригород-

ских объектов отражались исторические события и судьбы людей.

Перечень основных экскурсионных объектов показа и рассказа:

- ул. Кирова, 7. Старейшая в Армавире армянская Успенская церковь (1844–1861 гг.);

- ул. Кирова, 9; угол ул. Осипенко, 136. Первое в Армавире армянское женское начальное училище. Открыто в 1869 г. Здание построено в 1895–1903 гг.;

- ул. Кирова, 18; угол ул. Осипенко, 134. Здание Волостного (сельского) правления (1889 г.);

- ул. Кирова, 22–24 (здание справа). Дом черкесо-гая (черкеского армянина) С.С. Аладжева с фамильными тамгами на фасаде (1912 г.);

- ул. Кирова, 22–24 (здание слева). Дом жилой общественного деятеля врача черкесо-гая С.И. Сеферова (1888 г.);

- ул. Кирова, 26. Дом и электропарфюмерная химическая фабрика Г.К. Давыдова. Особняк возведен в 1889 г. Прочитывать оригинальную стихотворную рекламу предприятия, написанную его владельцем;

- ул. Кирова, 28. Первое в Армавире женское профессиональное училище (с 1915 г. – женская гимназия) грузинки С.С. Чимакадзе (здание построено в 1913 г. в стиле рационального модерна);

- ул. Кирова, 30–32; угол ул. Лермонтова, 134. Дом купцов черкесо-гаев Сеферовых (1911 г.);

- ул. Кирова, 23. Старейшая в Армавире баня грузинского вино-торговца Н.И. Кикнадзе (1910 г.);

- ул. Кирова, 34–34а. Старейшая в Армавире аптека немецкого провизора В.К. Вильде, открытая в 1894 г. В 1899–1903 гг. здесь действовала контора и редакция первой в селе газеты «Армавирский листок объявлений». В октябре 1905 г. во время черносотенных погромов аптека и дом В.К. Вильде были разграблены и со-

жжены, а в 1906 г. восстановлены (на аптеке достроен 2-й этаж);

- ул. Кирова, 36–38. Дом провизора В.К. Вильде (1902 г.);

- ул. Кирова, 29. Дом купцов черкесо-гаев Алавердовых (1911–1913 гг.). Памятник архитектуры рационального модерна. В 1913 г. здесь открылась контора Товарищества Армавирских трамваев;

- ул. Кирова, 40. Дом жилой И.А. Айвазова (прим. 1910 г.). С 1910 года здесь снимали квартиру и вели прием пациентов известные в Армавире врачи, видные представители еврейской общины супруги Данциг. Зубной врач и музыкант Ида Юльевна Данциг приходилась сестрой матери любимой женщины и поэтической музы Владимира Маяковского Лили Брик, которая поддерживала со своей тетушкой близкие и доверительные отношения и в начале XX в. гостила у Данцигов в Армавире;

- ул. Кирова, 35; угол ул. Люксембург, 161. Дом жилой с торговыми помещениями купца Д. Шумова (1863 г.). Старейшее 2-этажное здание в Армавире, возведенное еще в аульский период;

- памятник Сергею Мироновичу Кирову (1954 г.);

- старейший в Армавире бульвар по ул. Р. Люксембург, заложенный в 1890-х гг.;

- ул. Кирова, 44; угол ул. Люксембург, 159. Здание Александровского двухклассного начального училища (1899 г.). Привести цитаты из литературных произведений с упоминанием учебного заведения;

- памятник Первой учительнице на аллее бульвара. Прочитать стихотворение о первой учительнице;

- угол улиц Либкнехта, 55 и Люксембург, 153. На этом месте стоял особняк армавирского волостного старшины купца черкесо-гая Бориса Кусикова. Здесь в 1896 родился его сын – поэт-имажинист, автор романсов, близкий друг Сергея Есе-

нина Александр Борисович Кусиков (1896–1977);

– угол улиц Либкнехта, 46 и Люксембург, 151. Дом подрядчика по строительству шоссе и мостовых Федора Кандидатова (конец 1900-х гг.). Характерный для Армавира памятник архитектуры эклектики, украшенный декоративным куполом-луковкой;

– угол улиц Р. Люксембург, 134 и К. Либкнехта, 57. Дом черкесо-гая сельского старшины П.А. Муратова (1909 г.). Образец архитектуры рационального модерна. Здесь уместно процитировать фрагменты сатирических произведений начала XX в. о сельском старшине;

– ул. К. Либкнехта, 59. Ватная фабрика братьев Тарасовых. Открыта в 1875 г., корпуса возведены в 1890-х гг. Это часть усадьбы самых известных купцов Армавира черкесо-гаев братьев Тарасовых. Их потомками являются известный в качестве мецената и члена дирекции Московского художественного театра, основателя театра-кабаре «Летучая мышь» Николай Лазаревич Тарасов (1882–1910), выдающийся французский писатель XX в. Анри Труайя (урожденный Лев Асланович Тарасов (1911–2007)), американская балерина и хореограф Ольга Аслановна Тарасова (1902–1982);

– центр Парка Победы. Братская могила партизан и советских воинов, погибших в боях с фашистскими захватчиками в 1942–1943 гг. В 1945 г. над захоронением был сооружен обелиск, сохранившийся до наших дней;

– ул. Комсомольская, 121а. Православный Свято-Никольский собор (1996–2012 гг.). В 1892 г. рядом, в центре Парка Победы, была освящена первая в Армавире православная Николаевская церковь, разрушенная в 1939 г. Этот храм был упомянут в произведении лауреата Нобелевской премии по литературе А.И. Солжени-

цына «Красное колесо». Рассказать о знакомстве священника Леонида Дмитриевского с русским живописцем Михаилом Нестеровым;

– Аллея с бюстами армавирцев – Героев Советского Союза.

– знак «45-я параллель» на аллее Центрального сквера. Эта линия находится в равной удаленности от Экватора и Северного полюса. Армавир является единственным городом в мире, в котором 45-я параллель протекает через самый центр населенного пункта;

– Центральный сквер на территории полностью уничтоженного в годы Великой Отечественной войны квартала. Здесь уместно привести цитату о масштабе разрушений в Армавири из дневника писателя Эфпенди Капиева;

– фонтан «Победа», где прежде стоял памятник И.В. Сталину;

– ул. Ленина, 84. Старейший на Кубани Армавирский театр драмы и комедии, открытый (по другому адресу) в 1908 г. В этом здании до 1910 г. снимали квартиру супруги врачи Акиба и Ида Данциг, к которым в гости приезжала Лиля Брик;

– ул. Ленина, 103. Доходный дом ставропольских купцов братьев Меснянкиных (1911–1913 гг.), ставших прототипами главных героев известной пьесы писателя и драматурга Ильи Сургучева «Торговый дом»;

– ул. Комсомольская, 129. Кинотеатр «Марс-Сити», открытый 7 ноября 1913 года. Здесь проходили выступления поэтов и писателей, таких как Александр Куприн, Игорь Северянин, Василий Каменский и др. 30 ноября 1927 г. со сцены «Марса» читал свои произведения Владимир Маяковский;

– сквер на пересечении улиц Кирова и Комсомольской. В 1930-е гг. здесь был установлен памятник И.В. Сталину. Теперь на этом месте возвышается платан, который в 1969 г. посадил космонавт Виктор

Горбатко. В 2018 г. здесь же был открыт бронзовый бюст В.В. Горбатко, автором которого стал краснодарский скульптор Мигран Арутюнян;

– угол улиц Кирова, 43 и Комсомольской, 133. Доходный дом купцов Богарсуковых. Здание сооружалось с 1913 г. под театр (по образцу одного из берлинских театров), гостиницу и магазины;

– угол улиц Комсомольская, 120 и Кирова, 45. Дом купца черкесо-гая Сергея Баронова (1888 г.);

– ул. Кирова, 47. Дом купца Егора Баронова (1890-е гг.). Памятник архитектуры неоренессанса, аллюзия на здание парижского муниципалитета. Рассказать о трагической гибели купца и рождении легенды «Зеркало и смерть». Весной 1918 г. местным революционным комитетом на территории этой усадьбы был оборудован монетный двор, и Армавир в это время стал единственным местом в России, где осуществлялся выпуск собственных монет. Они чеканились из меди достоинством в 1, 3 и 5 рублей. На аверсе был изображен двуглавый орел без монархических регалий и помещена надпись: «Армавирское отделение Государственного банка», на реверсе стоял номинал и дата;

– сквер на ул. Кирова, на территории которого располагаются: Братская могила-obelisk и вечный огонь в память о красноармейцах, погибших за власть Советов в годы Гражданской войны; Памятник морякам-кубанцам, расстрелянным в Армавире гитлеровскими оккупантами; Ангел скорби – памятник во-

инам-армавирцам, погибшим в локальных конфликтах;

– угол улиц Кирова, 51 и Ленина, 105. Дом купцов Рудневых (1880-е гг.). Здесь 27 сентября 1909 г. в типографии «Союз» был начат выпуск газеты «Отклики Кавказа». Этому изданию суждено было стать главным ежедневным печатным органом дореволюционного Армавира. Контора и редакция газеты также первоначально располагалась в доме Рудневых. Свои произведения в газету присылали А. Куприн, М. Горький, А. Бунин, А. Толстой, Е. Чириков, А. Луначарский, В. Дорошевич и другие писатели и общественные деятели. В 1910 г. в газете публиковал свои первые научные работы знаменитый в будущем ученый-социолог Питирим Сорокин;

– Площадь имени В.И. Ленина;

– Памятник В.И. Ленину (автор – ленинградский скульптор В.В. Козлов; открыт в 1926 г.).

Конечно, в содержание одной экскурсии невозможно включить все интересные объекты. За пределами прогулки остались адреса, связанные с именами С.А. Дангулова, И.С. Рахилло, Б.М. Каспарова, М. Горького, В.Я. Брюсова, В.Г. Богораз-Тана и других писателей и поэтов. У экскурсоводов есть возможность прокладывать свои маршруты по литературным местам, открывать новые имена деятелей культуры. Можно и нужно дополнять материал, ведь экскурсии – это творческий процесс, приносящий энтузиастам новые открытия и достижения на благородном пути образования и воспитания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ктиторов С.Н. Городские экскурсии в образовательном и воспитательном процессах в условиях Армавира: Учебно-методическое пособие. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2022. 184 с.
2. Ктиторов С.Н. Объекты культурного наследия народов Кубани в исторической среде города Армавира. Армавир: Армавирский собеседник, 2016. 380 с.
3. Ктиторов С.Н., Пелих А.Л. Армавирское кольцо: туристический маршрут (путеводитель). Армавир: Дизайн-студия Б, 2024. 68 с.
4. Пелих А.Л., Ктиторов С.Н., Грицких И.В., Коваленко Н.С., Басов И.И. Историко-культурные и природные объекты в восточной зоне Кубани с центром в г. Армавира: пункты экскурсионного маршрута. Сборник очерков. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2023. 231 с.
5. Стихи и песни об Армавира и армавирцах: сб. Армавир, 2007. 294 с.

В.А. МАТВЕЕВ

(Ростов-на-Дону, РФ)

«...В ВИДАХ ДОСТИЖЕНИЯ ЛУЧШЕГО УПРАВЛЕНИЯ ИНГУШСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ»: ОПТИМИЗАЦИЯ СОВМЕЩЕНИЯ С СУНЖЕНСКИМ КАЗАЧЕСТВОМ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье с использованием архивных источников на примере удовлетворения ходатайства уполномоченных ингушского народа о создании отдельно от сунженского казачества управления реконструируется поиск соответствующих решений. Намечавшееся преобразование проходило через обсуждения в различных государственных инстанциях. Во внимание при этом принималось, прежде всего, отраженное в обращении пожелание аульных сходов. Принятое же решение в полной мере его учитывало.

Ключевые слова: административный центр, горские округа, единое отечество, казачьи отделы, система управления, субъектный статус, территориальное деление.

При организации управления на территории Северного Кавказа учитывались и интересы иноэтнических сообществ. Это прослеживается, в частности, на примере удовлетворения ходатайств ингушей о размежевании с казаками (4, л. 5). К такому решению областную и краевую администрацию подвели участвовавшие в 1905 г. «случаи убийств, разбоев и грабежей» в Сунженском отделе Терской области, предпринимавшиеся по отношению к казачеству. В разъяснениях от ингушских обществ утверждалось, что рост такого рода преступности является следствием «нерационального устройства управления». Это же суждение было подтверждено и в отзыве правления Терской области о происходившем (3, л. 1 об.).

После восстановления в 1905 г. наместничества на Кавказе возглавивший его генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков поручил своему помощнику по военной части генерал-лейтенанту Я.Д. Маламе «выяснить на месте причины, вызвавшие... беспорядки, и принять надлежащие меры к их прекращению». По итогам знакомства с ситуацией наместнику были пред-

ставлены «соображения о необходимости выделения ингушей из управления Сунженского отдела». Для них предлагалось создать округ под названием «Назрановский», со своим особым штатом управления и административными границами (3, л. 1 об. – 2).

Оправданность разделения Терской области на «округа и отделы», то есть по «этнографическому» (этническому) признаку, была признана еще в ходе административных преобразований после окончания Кавказской войны. Такой подход, являвшийся в соответствии с проектированием общим для Кубанской и Терской областей, был закреплён в 1888 г. Наместник его императорского величества И.И. Воронцов-Дашков, ознакомившись со служебным отчетом генерал-лейтенанта Я.Д. Маламы, поддержал его предложение о создании «особого округа» для «водворения порядка среди ингушей и развития их культурно-экономического положения». Преследовалась вместе с тем и цель «ограждения казачьего населения» от усилившихся «грабежей, разбоев и столкновений... доходивших иногда до употребления оружия» (3, л. 2–2 об., 3).

Выделение ингушей в 1905 г. в особый Назрановский округ, таким образом, явилось откликом представителей русской власти на исходившие с мест пожелания. До этого приходилось сталкиваться с неоднократными протестами ингушей против административного объединения с казаками, при котором органы управления были совмещены в войсковом правлении и находились в станице Сунженской (1, с. 17). При проектировании преобразования было учтено мнение уполномоченных ингушских обществ. В их обращениях в правительственные инстанции местного уровня и поступавших в Санкт-Петербург утверждалось, что администрация «проявляла свою деятельность... подчас весьма суровыми мерами; в области же просвещения ингушского племени и забот о его благосостоянии... ничего не было сделано» (5, л. 13).

Обеспокоенность высказывалась и в отношении полицейских мер, применявшихся против «грабежей и разбоев», но не всегда соответствовавших складывавшейся обстановке (5, л. 13). Сунженский отдел, включавший в свои границы не только казачьи поселения, но и ингушские аулы, был образован на основании положения 1888 г. «Об управлении Кубанской и Терской областями». С учетом проявлявшегося недовольства главноначальствующий войсками Кавказского военного округа в 1905 г. отдал распоряжение, предполагавшее формирование «особого ингушского округа» под названием «Назрановский» (5, л. 13). Представление об этом было оформлено в Главном управлении казачьих войск и 8 ноября направлено в Военный совет. Рассмотрение его состоялось 17 ноября (2, л. 14).

При знакомстве с представлением члены Военного совета обрати-

ли внимание на то, что «Назрановский округ существовал уже прежде и был затем упразднен с целью прекращения постоянной розни между казачьим населением и ингушами» (2, л. 14). Выступавшие отметили назревшую потребность восстановления данного округа для «водворения порядка среди ингушей». С учетом этого рекомендовано было с «особой осторожностью отнестись к проектируемой мере... ввести ее сначала временно, с тем, чтобы впоследствии, если только на практике она приведет к благоприятным результатам, установить ее как меру постоянную» (2, л. 14–14 об.). Инициатива, исходившая от краевой власти, получила высочайшее утверждение, после чего стала проводиться через законодательные органы Российской империи (5, л. 11).

Комиссия по направлению законодательных предположений, внимательно рассмотрев поступившие обоснования, пришла к выводу, что ходатайства от ингушского населения Сунженского отдела действительно являются следствием «нерационального устройства управления этим народом», а администрация не справляется с возложенными на нее служебными обязанностями. Состоявшая преимущественно из казаков, она так или иначе «больше заботилась и вникала в нужды станиц». При разбирательстве той же комиссией было подтверждено «вполне объективное отношение к инородческому населению» (5, л. 11). В этом убедились при знакомстве с делом и иные управленческие инстанции, от которых зависело принятие решения (5, л. 11).

Однако невнимательность к «экономическим и культурным нуждам» ингушских обществ со стороны администрации Сунженского отдела была также установлена и ква-

лифицирована как проступок, способствовавший росту преступности. Для противодействия ей требовалось принятие «надлежащих репрессивных мер». Обоснования для административно-территориального разделения представлялись на ознакомление военному министру генерал-адъютанту В.А. Сухомлинову и председателю Государственной думы М.В. Родзянко. Они также разделили обеспокоенность, что сложившееся положение в Сунженском отделе «подрывает авторитет правительственной власти в глазах ингушей» (5, л. 11–11об.).

Рассмотрение дела привело к признанию, что «упразднение существовавшего до 1888 г. отдельного управления ингушами и включение их в состав Сунженского отдела, совершившееся без всякого соображения с мировоззрением и условиями жизни этого племени, было крупной ошибкой» (5, л. 11–11 об.). В связи с этим распоряжением главноначальствующего войсками Кавказского военного округа в 1905 г. был образован из части Сунженского отдела Терской области «особый Назрановский округ». Сделано это было, как пояснялось в тексте, «в видах достижения лучшего управления ингушским населением». Решение прошло через предварительную стадию изучения в Главном штабе Военного министерства и подверглось экспертным оценкам специалистов этого ведомства (5, л. 13).

Согласившись с ним, комиссия стала изыскивать средства «на содержание Назрановского округа». Вопрос об источнике финансирования оказался непростым, так как «наличное состояние аробных сумм», собираемых с ингушского населения, не позволяло «содержать управление округа далее одного года». Поэтому 80 % предполагавшихся расходов были возло-

жены на государственную казну, а 20 % – «на средства общего войскового капитала Терского казачьего войска». Высочайшее утверждение предусматривало существование Назрановского округа в Терской области «в виде опыта на 3 года» (5, л. 13). В реформировании соблюдалась осторожность, а окончательная реализация ставилась в зависимости от естественного эволюционного отбора.

Дальнейшие наблюдения показали, что учреждение отдельного Назрановского округа «возымело на ингушей весьма благотворное влияние», способствовало утверждению у них чувства гражданственности (5, л. 13). За все время его существования, как отмечалось в служебной переписке, на них «не было наложено ни одного штрафа... число преступлений уменьшилось, несмотря на общее беспокойное состояние всего государства» (5, л. 13). В связи с этим высказывалось соображение о необходимости сохранить Назрановский округ, так как при обратном административно-территориальном присоединении к Сунженскому отделу может «затормозиться культурно-экономическое развитие» этого народа, что «не в интересах правительства» (5, л. 13).

В 1907 г. позитивные изменения получили признание областного правления и наместничества, после чего главнокомандующий войсками Кавказского военного округа подтвердил распоряжение «об образовании особого ингушского округа под названием Назрановский» (3, л. 16). Существование Назрановского округа в Терской области в 1907 г. «высочайше утвержденным положением Военного Совета» было продлено до 1911 г. (5, л. 13, 18). Однако уже в 1909 г., раньше намеченного срока, после одобрения законопроекта Государственной думой, финансовой комиссией, под-

держки Государственного совета и высочайшего утверждения, из ингушских аулов, выделенных из Сунженского отдела, был образован в составе Терской области Назрановский округ (5, л. 13).

В связи с этим встал вопрос о месте, где бы размещалось его управление. Законом 10 июня 1909 г. предусматривалось сосредоточить администрацию округа в селении Назрань. Однако там не оказалось необходимых «свободных казенных и частных построек». Поэтому 20 декабря 1913 г. последовало решение на временное размещение правления Назрановского округа Терской области в ее административном центре г. Владикавказе, «впредь до обеспечения... помещением в местечке Назрань, но не более 1 января 1917 г.» (5, л. 2). Впоследствии из-за повышения цен с 1914 г. строительство административного здания было отложено «до окончания военных действий» (5, л. 2). В 1916 г. Военное министерство внесло 10 июня в Государственную думу предложение «о продлении срока исполнения на два года после высочайшего повеления о приведении армии на мирное положение» (5, л. 2).

Все остальные субъектные разграничения в казачьих областях Северного Кавказа имели определившиеся административные центры. Осуществлены же они были, с одной стороны, путем трансформации исторически сложившихся реалий, а с другой – с учетом этнодемографических особенностей местностей. Даже те, кто придерживался версии о колониальном статусе российской иноэтнической периферии, отмечали то, что система «административного управления и... деления», созданная после окончания Кавказской войны, была «гибкой и мобильной» (6, с. 315).

В большинстве случаев при ее формировании, отметим в заключение, выдержано важнейшее для этнического развития наличие сплошной территории. Краевые власти и правительственные инстанции учитывали местную специфику и потребности не только казачества, но и иноэтнического населения. Собылось при этом условие равноправия всех подданных. Выдерживалось оно, как видно из проведенного исследования, также при оптимизации управления ингушским населением и сунженским казачеством Терской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. I. Владикавказ: Сердало, 1928. С. 7–154.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства). Оп. 1. Д. 62800.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства). Оп. 1. Д. 68800.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 103.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 21. Д. 624.
6. Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. Доклады Всеросс. научно-практ. конф. «Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия» (Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2000. С. 145–167.

С.В. НАЗАРОВ

(Армавир, РФ)

ПРОЦЕСС ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ Г. АРМАВИРА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье исследуется сложный и противоречивый процесс политизации общественной и культурной жизни города Армавира в период революционных потрясений и Гражданской войны. Автор анализирует трансформацию местных общественных структур под воздействием революционных событий и хода Гражданской войны, показывая, как политические дискуссии проникали в повседневность и культурные практики.

Особое внимание уделяется роли местных органов власти, общественных организаций в формировании новой идеологической повестки. Рассматриваются механизмы мобилизации населения, особенности агитационной работы различных политических сил и реакция общества на радикальные изменения в государственном устройстве.

Автором статьи делается вывод о том, что политизация общественной и культурной жизни Армавира в указанный период носила интенсивный и всеобъемлющий характер. Революция и Гражданская война выступили катализатором глубоких изменений, затронувших все стороны жизни города. Процессы политизации не только сформировали новые формы общественно-политического участия, но и оказали долгосрочное воздействие на культурный облик и социокультурные практики Армавира, предопределив дальнейшие пути его развития.

Ключевые слова: революция, г. Армавир, политизация общества, Гражданская война, советская агитация.

Процесс политизации общественной жизни г. Армавира в годы революции и Гражданской войны является ярким примером того, как общественные потрясения трансформируют все сферы жизни. Русская революция 1917 г. и последующая Гражданская война не только перекроили политическую карту, но и разрушили привычные устои, заставив широкие массы населения искать новые формы самовыражения и осмысления происходящего.

Вечером 1 марта 1917 г. армавирские телеграфисты получили первое сообщение о свержении царя. На предприятиях возникли митинги, и большевики распространили по городу листовки с сообщением о февральской революции и о создании Совета рабочих депутатов в Петрограде.

Уже 2 марта на предприятиях г. Армавира были проведены выборы в Совет. Вечером этого же дня Совет в количестве 45 человек собрался на своё первое общее собрание, на котором разъяснялись смысл и значение Апрельских тезисов В.И. Ленина. Был создан Армавирский комитет РСДРП (б) (4, с. 42–43).

Уже с первых дней революции в городе проявились следующие основные тенденции в культурно-массовых мероприятиях. Во-первых, это политизация, во-вторых, идеологизация, и, в-третьих, революционизация сознания людей и общества.

В целом большинство инициативных групп г. Армавира поддержало революцию в стране. В пользу этого свидетельствует тот факт, что уже в марте Городская Дума постановила: «Переименовать Никола-

евский проспект в улицу Свободы. На углу Бульварной улицы и улицы Свободы поставить Статую Свободы на средства добровольных пожертвований и на ассигнованные городом 2000 рублей» (10, с. 2).

2 ноября в помещении мужской гимназии созывалось заседание Городского Совета с участием представителей партии большевиков, левых эсеров, меньшевиков и др. политических сил. Характерно, что в декабре 1917 г. на курсах просвещения работали докладчики «от кадетов до большевиков» (11, с. 2). Представители каждой политической силы проводили свои агитационные массовые мероприятия, печатали литературу и листовки, издавались своим печатным органом, например, «Известия», «Земля и воля» и т.д. Любая политическая сила нуждалась в поддержке горожан и сельских жителей округа г. Армавира.

Тем не менее, уже к сентябрю между большевиками и меньшевиками разгорелась в городе борьба за власть. В декабре 1917 г. большевики г. Армавира провозгласили себя единственно правомочной властью в городе и создали Ревком во главе с Михаилом Смирновым (6, с. 46).

В этот же период в город приезжают политкаторжане, люди чаще всего образованные, имеющие собственную точку зрения на многие вопросы. С этого момента началась политическая борьба.

Нарастание радикальных политических настроений обеспечивалось не столько активностью определённых партий. В ситуации, когда политические взгляды населения отличались крайней расплывчатостью, а системные убеждения, по сути, отсутствовали, левые партии стали лишь своего рода запалом, взорвавшим ситуацию в г. Армави́ре. Но партийная агитация принес-

ла свои плоды только на фоне обострения насущных вопросов текущего дня, прежде всего, вопросов о мире и земле, начавших решаться после Октября 1917 г. Причём если стремление к миру было доминирующим, то породивший острые разногласия вопрос о земле дал крайним левым возможность развязать в регионе гражданскую войну. При этом ситуацию дополнительно обострили оставившие рабочих «без куска хлеба» скрытые локауты на местных предприятиях (7, с. 72). Именно такая обстановка в г. Армави́ре позволила подорвать позиции атамана Лабинского отдела и комитета общественной безопасности военно-коммунистическими акциями, митингами, массовой пропагандой и установлением власти революционного комитета. 31 декабря в помещении цирка состоялся митинг Армави́рского гарнизона, признавшим Советское правительство в лице СНК во главе с В.И. Лениным (6, с. 46).

В ночь с 6 на 7 января 1918 г. рабочие и революционные солдаты под руководством большевиков захватили почту, банки, казначейство, телеграф, телефонную и железнодорожную станции, правительственные учреждения.

19 января был создан Военно-революционный комитет, в который вошли Э. Балод, Н.С. Азнарашвили, А.И. Побегушев, А. Добрынин (12, с. 117).

23 января 1918 г. в кинотеатре «Марс» было проведено общегородское собрание рабочих, на котором впервые был провозглашён лозунг «Вся власть Советам!». Из состава собрания был избран 21 комиссар для работы в Ревкоме (1, л. 256).

Городская Дума и городское самоуправление были распущены. При Ревкоме были созданы комиссии: квартирная, земельная, ме-

дицинская, контрольно-ревизионная, образовательная и др. Новая власть опиралась на рабочих, беднейшее крестьянство.

С этого момента началось активное вооружение противоборствующих сил. Ревком учредил на железной дороге комендатуру, которая отбирала оружие у солдат и казаков, едущих с турецкого фронта, и вооружала им отряды Красной Армии.

В свою очередь противники новой власти стали активизировать деятельность среди казаков. 24 января 1918 г. собрание казачьих частей попыталось свергнуть Ревком. Попытки свержения власти Советов повторялись неоднократно в г. Армавире.

Даже после установления власти большевиков в городе их позиции не обладали полной легитимностью. В городе по-прежнему вели политическую агитацию представители различных партий. 1 февраля в кинотеатре «Марс» открылся Первый съезд Кубанской области. Среди 350 делегатов были представители разных партий и поэтому неудивительно, что вопросы организации власти и курса развития долго дебатировались. Но на тот момент реальная власть находилась в руках большевиков, которые, в конечном счёте, победили при голосовании на съезде. Данный съезд сделал советскую власть законной, при этом видимость демократии была сохранена (6, с. 48).

13 марта собрался Второй съезд Советов Лабинского отдела. На съезде избрали исполком, который разместился в здании гостиницы «Северная». Его первым председателем стал Г.К. Поповский – член ВКП (б). Исполком проделал большую работу по организации и укреплению власти Советов в станицах. Комиссар внутренних дел, он же председатель – Поповский, полностью следил за пропагандой в г.

Армавире и сельских округах. Инициировал развитие советской печати, организовывал политические митинги, на которых разъяснялись жителям города задачи в построении нового общества. Под его контроль попали учебные заведения и церковь. Все культурно-массовые мероприятия должны были способствовать становлению новой идеологии и власти (8, с. 2). Особую роль сыграл в этом процессе комиссар народного образования – Л.Л. Розенберг, который проводил в жизнь армавирцев принципы партии, повышал их образовательный уровень (2, л. 13).

В период Гражданской войны происходившие в духовной сфере процессы были сложны и неоднозначны. В любом обществе мы можем наблюдать взаимосвязь между властью и культурой. Любое государство, и Советское было не исключением, стремится создать соответствующее ему культурное пространство, через которое оно формирует нужный тип человека и общественное сознание (5, с. 16).

Первоочередной задачей перед советской властью стало изменение сознания людей, формирование лояльного отношения к власти. Так как до революции во многом идеологию и менталитет определяла церковь, то необходимо было выработать тактику существования традиционного религиозного сознания с новыми принципами построения советского человека. В связи с этим первоочередной задачей советской власти в области культуры явилось «освобождение» общества от церкви посредством её отделения от государства и пропаганда атеизма, что позволило большевикам подорвать фундаментальную основу «старого общества» и создать условия для построения нового общества – «светлого будущего». Важную роль в последнем долж-

но было сыграть воспитание «нового свободного человека», выполнению этой второй культурной задачи советской власти должны были способствовать не только система образования, но и литература, искусство, наука (9, с. 16). В резолюции X съезда РКП(б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» от 8–16 марта 1921 г. отмечалось: «Центр тяжести работы Главполитпросвета и его органов должен лежать в агитационно-пропагандистской работе среди внепартийных масс и их культурно-просвещении» (14, с. 31).

На Кубани белое движение нашло поддержку среди определённой части населения. Даже установление на местах Ревкомов не означало окончательную победу большевиков. Культурное пространство сочетало в себе как старые, так и элементы нового, советского уклада, но о курсе полной советизации и революционизации говорить нельзя.

Тем не менее, в письме инструктора народного комиссариата Внутренних дел РСФСР Берна от 20 марта 1918 г. мы находим следующее интересное заявление: «Товарищи! Сообщением из г. Армавира, хочу довести до вашего сведения: вся власть здесь принадлежит Советам. Настроение в массах большевистское. Если здесь открытого контрреволюционера арестуют, который не признаёт Советской власти, того расстреливают» (13, с. 192). Как мы видим из письма, новая идеология устанавливалась не только пропагандистскими методами, но, прежде всего, опиралась на силовое давление на несогласных с новой властью и с новыми порядками.

Первый раз власть в городе перешла к белогвардейцам 27 июля 1918 г., но уже вечером 30 июля Красная Армия заняла г. Армавир.

Второй раз смена власти произошла 18 сентября того же года, а 19 сентября южная часть г. Армавира перешла в руки Красной Армии. Бои в городе и в округе шли почти месяца. Противоборствующие стороны огромное внимание уделяли пропаганде своих взглядов и правоты среди местного населения. Стоит отметить, что данная Гражданская война расколола население г. Армавира и его окраин на два враждующих лагеря.

В середине октября в городе постепенно установилась власть белогвардейцев, которые смогли удержать свои позиции вплоть до 16 марта 1920 г. В этот период в г. Армавири восстанавливались позиции монархически настроенных кругов. В свою очередь, расстреливались и сажались в тюрьмы сторонники Советской власти. По официальным данным, было убито до 850 человек (2, л. 13).

В городе вводилась цензура, запрещались митинги и любые акции рабочих. Печатались промонархические издания. Свои позиции смогла усилить и церковь. Стоит сказать, что религия всегда играла в г. Армавири важную и особую роль.

Нельзя не отметить, что Советская власть аналогично поступала со своими противниками. Можно привести данные «Акта расследования по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского отдела и в гор. Армавири». Данные преступления были зафиксированы в период с февраля по октябрь 1918 г. «В городе г. Армавири первым был убит большевиками командир 18-го Кубанского пластунского батальона. Изрубленный труп убитого лежал шесть дней на улице, собаки рвали его на части; казнь эта совершилась в начале февраля 1918 года. Спустя два месяца были казнены 12 офицеров без суда и следствия толпой солдат, аресто-

ванные большевистской властью за контрреволюционность. В июле 1918 года Армавир был взят дивизией генерала Покровского, войска были встречены армянским населением хлебом с солью; похороны офицеров, убитых под городом Армавиrom, армяне приняли на свой счёт. Когда в город возвратились большевики, начались массовые казни. Прежде всего изрублено было более 400 армян-беженцев из Персии и Турции... Затем казни перенесли в город. Заколо-то штыками, изрублено шашками и расстреляно из ружей и пулемётов более 500 мирных армавирских жителей без суда... Убивали отцов на глазах дочерей, мужей перед жёнами, детей перед матерями...». Далее в документе приводились конкретные примеры. В частности: «Армянин Давыдов был убит у себя в квартире, его жену красноармейцы заставили тут же готовить им обед и подать закуску. 72-летний старик Алавердов был заколот штыками, присутствующую дочь принудили играть убийцам на гармонике... Всего в гор. Армавире было казнено 1342 человека» (3).

16 марта 1920 г. 2-й Таманский полк 7-й Таманской дивизии под командованием Чурсина вошёл в город. В г. Армавире установилась Советская власть (4, с. 47). Именно с этого этапа можно вести речь о становлении и победе советской культуры и идеологии, г. Армавир стал жить во многих отношениях новой жизнью, вызванной социальными потрясениями и сменой идеологии. Это была серьёзная политика, направленная на создание новой действительности горожан.

Таким образом, политизация общественной жизни Армавира в годы революции и Гражданской войны стала многогранным процессом, затронувшим все сферы общества. Плакатные и песенные формы искусства приобрели огромное значение. Лозунги, карикатуры, революционные песни – всё это активно использовалось для воздействия на массы, для формирования боевого духа и противостояния антибольшевистской пропаганде. Этот период оставил глубокий след в истории города, демонстрируя то, как общественные потрясения могут кардинально менять ландшафт культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел Администрации города Армавир (далее АОАА). Ф. Р-145. Оп. 2. Д. 4. Л. 256.
2. АОАА. Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 155. Л. 13.
3. Акт расследования по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского отдела и в гор. Армавире URL: <https://dk1868.ru/history/delo43-44.htm> (дата обращения: 13.05.2026).
4. Армавир /А.Н. Гончарова, В.И. Гончаров и др. Краснодар, 1983. 142 с.
5. Добрынина М.Р. История культуры России. М., 1993. 223 с.
6. Иванов Е.М. Армавир – мой город родной (аул – селение – город). Армавир, 1996. 250 с.
7. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. 318 с.
8. Куценков И.Б. Революция и культура: Очерк истории борьбы партийной организации в Армавире за реализацию культурной революции в 1918–1920-х гг. // Советский Армавир 1969. 11 июля. С. 2.
9. Ленин В.И. О пролетарской культуре. М., 1983.
10. О переименовании Николаевского проспекта в улицу Свободы // Отклики Кавказа. 1917. 22 марта. С. 2.
11. О работе курсов политического просвещения // Вольная Кубань. 1918. 3 января.
12. Очерки истории Краснодарской организации КПСС / И.И. Алексеев, И.Б. Алещенко, В.А. Артюшин и др. Краснодар: Кн. изд-во, 1976. 656 с.
13. Письмо инструктора Народного Комиссариата Внутренних дел РСФСР Берна из редакции газеты «Кубанская правда» Комиссару того же Комиссариата о настроении трудящихся масс города Армавира и полном признании ими советской власти (26 марта 1918 г.) // Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Краснодар, 1957. С. 192.
14. Резолюции X съезда РКП(б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» от 8–16 марта 1921 // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927. М.: Советская Россия, 1984. Т. I. С. 31.

В.В. НАЗАРОВА

(Армавир, РФ)

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ В Г. АРМАВИРЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления советской системы просвещения в городе Армавире на начальном этапе 1920-х годов. Акцентируется внимание на многогранности задач, стоявших перед советско-партийными органами города Армавира. Это не только ликвидация неграмотности среди взрослого населения, но и создание новой школы, призванной воспитывать «нового человека» – сознательного строителя социализма. Автор затрагивает вопросы идеологического наполнения образовательного процесса. Делается вывод, что советская система просвещения изучаемого периода была не просто местом получения знаний, но и мощным инструментом насаждения новой идеологии, формирования классового сознания, ставшие фундаментом для последующего культурного строительства.

Ключевые слова: культурная революция, ликвидация неграмотности, народное образование, «вредные книги», советский человек.

По статистике в апреле 1920 г. в Армавире было 71,7% неграмотного населения, из них 52,8% – детей школьного возраста (16, с. 2). Как правило – это дети периода революции и Гражданской войны, когда образовательные учреждения находились в плачевном состоянии.

Поэтому первоочередной задачей советской власти в городе было восстановление сферы народного образования. В апреле 1920 г. издаётся приказ отдела Народного образования г. Армавира: «В целях поднятия культурного уровня и предоставления населению возможности сознательного участия в политической жизни, Отдел Народного Образования открывает широкую сеть школ. Все граждане в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющие читать и писать, обязаны обучаться грамоте» (2, л.16).

Все старые школы были реорганизованы и взяты на государственное обеспечение. На их базе созданы начальные училища. На 13 июля 1920 года в г. Армавире насчитывалось 19 начальных училищ. В городе действовало 3 высших начальных училища, 1 мужская и 1 женская гимназии, 1 смешанная гимназия, гимназия Чимакадзе и Армянская гимназия. В го-

роде вели работу: школа бывшего кредитного общества, Армянская Божинская школа и Торговая школа (2, л. 18). 28 июля 1920 г. был организован Союз работников просвещения (Союз Рабпрос) (7, с. 50).

Таким образом, первоначально в г. Армавире сохранялись как частные, так и религиозные (с национальным окрасом) образовательные учреждения, но в изучаемый период наметился курс дальнейших преобразований в городе: полное подчинение школ всех уровней (начальной, средней, высшей) политике государства, их унификация. Основная цель образования сводилась к формированию нового советского человека, полезного государству. В школах работало 250 учителей, улучшалось обеспечение школьных учреждений, но при этом полностью выполнить постановления о бесплатном обучении в г. Армавиру в рассматриваемый период не удалось (14, с. 2).

Появляются в Армавире и специальные политические учебные заведения. 21 января 1921 г. в здании бывшего Александровского училища открывается партийная школа. 20 января 1922 г. начались занятия. Во главе Армавирского отдела РКП

(б) стал Р.П. Ефремов, делегат XI съезда РКП (б) (15, с. 2).

Для детей дошкольного возраста открылись первые детские сады, а для сирот – детские дома и приюты.

Анализ политики властей г. Армавира в сфере образования и просвещения позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, политика городских властей полностью соответствовала постановлениям центра и отвечала запросам партии;

Во-вторых, изучаемый период можно считать переходным, от старой модели образования к новой. Сохранялись дореволюционные образовательные учреждения, но менялись их названия, некоторые закрывались. В образовательной сфере работали не только новые кадры, советская власть была вынуждена опираться на старые педагогические кадры.

В-третьих, политика властей способствовала сокращению числа неграмотных армавирцев, а также появлению первого поколения советской интеллигенции, политически и идеологически лояльной к советской власти и партии.

В-четвёртых, образование было политизировано.

Важную роль в повышении грамотности населения, в расширении его образовательного кругозора играли библиотеки. Руководство библиотеками в 1918 г. было возложено на библиотечную группу (с февраля 1918 г. – отдел) Наркомата просвещения. 21 июня 1918 г. Совнарком издал декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ», в соответствии с которым в собственность государства поступали библиотеки частных лиц и ликвидированных учреждений. По декрету СНК «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще», принятому в ноябре 1918 г., к началу 1920 г. в основном была завершена рабо-

та по реквизиции и национализации библиотек. Все изъятые книги передавались в государственные научные и массовые библиотеки.

В рамках этой политики советского правительства в г. Армавире 4 сентября 1919 г. открылась библиотека имени В.Г. Короленко, в которой насчитывалось 8200 книг для взрослых и 4000 – для детей (5, с. 18).

Если в 1920 г. в г. Армавире было только 2 библиотеки с общим количеством книг 6 881 экземпляр и числом читателей 1 252 чел., то уже в 1926 г. – 9 библиотек с количеством книг 37 745 экземпляров и числом читателей 7 946 чел. (5, с. 19).

Н.К. Крупская, ведавшая делами народного образования, требовала от учителя «погружаться» в работу пионерской и комсомольской организаций по формированию у молодежи коммунистического мировоззрения, преданности делу партии, делу Ленина и Сталина. Надежда Константиновна по этому поводу написала не одну книгу (13). Подписывала она и не одно решение по своему ведомству. Например, об изъятии и уничтожении библиотечных собраний в учебных заведениях книг и периодических изданий буржуазных философов и энциклопедистов, романистов и беллетристов.

Так, в г. Армавире стали в учебных заведениях и библиотеках отправлять на свалки собрания Канта и Гегеля, Эмиля Золя и Джеймса Купера, а заодно и всех российских «лжемыслителей», начиная с Достоевского и «иже с ним». Список книг, подлежащих уничтожению, насчитывал 63 книги для взрослых и 61 для детей (5, с. 21). В дальнейшем Наркомпрос посчитал, что список книг, обречённых на изъятие, недостаточно полон. В новом списке значилось уже более двухсот произведений художественной литературы. «Изымается литература следующих типов, – говорилось в инструкции Наркомпроса:

1. Патриотическая, черносотенная, враждебная передовым идеям.
2. Историческая беллетристика, идеализирующая прошлое, приукрашивающая самодержавный строй.
3. Религиозно-нравственная.
4. Проповедующая мещанскую мораль, чрезмерно сентиментальная.
5. Бледная, не художественная, пустая.
6. Порнография.
7. Литература надрыва и упадочного настроения, мистическая, теософская и оккультная.
8. Пошлая юмористика.
9. Романы приключений, грубые, бессмысленные по содержанию, уголовщина.
10. Воспевающая буржуазный быт, враждебная советскому строительству, утратившая интерес в настоящее время» (6, с. 247).

Чтобы на местах, в том числе в г. Армавире, более чётко определили круг «вредных книг», Наркомпрос шлёт «разъяснения», что в первую очередь нужно предать огню работы некогда широко известных писателей России (17, с. 132).

В инструкциях сверху оказались несколько листов-списков под названием «Литература, подлежащая распространению»: «Всемирный Октябрь», труды Ленина, которые должны были быть положены в основу формирования новой советской интеллигенции. Не зря же говорилось:

*«Любите, изучайте Ильича,
Нашего учителя, нашего вождя...».*

На фоне этих мероприятий в г. Армавире появились плакаты следующего содержания: «Без просвещения нет коммунизма», «Грамота – путь к коммунизму», «Береги книгу». В общественных учреждениях особой популярностью стали пользоваться портреты Ленина, Маркса, Зиновьева, Троцкого, Свердлова (15, с. 2).

С развитием новой системы советского образования советские органы стремились подорвать культурный фундамент прошлого, в связи с чем жёсткая политика проводилась по отношению к церкви. На Кубани, где советская власть до 1920 г. существовала непродолжительное время, некоторые революционные декреты по религиозным вопросам либо не были выполнены, либо выполнялись позже. Однако данное обстоятельство ни в коей мере не снижало степени решительности власти в проведении антирелигиозной политики (10, с. 226).

В 1920–1921 гг. в г. Армавире действовали следующие религиозные учреждения:

1. Православные церкви: Николаевская, Троицкая, Монастырская – Малая Покровская, Кладбищенская – Успенская.
2. Армяно-Григорианские церкви: Успенская, Сурб Аствацацин, Георгиевская, Кладбищенская, Сурб Петрос – Погос.
3. Евангелическо-лютеранская.
4. Римско-католическая.
5. Синагога.
6. Мечеть.
7. Молитвенный дом евангелических христиан (1, л. 256).

Армавирские церкви во многом разделили участь российских религиозных учреждений в соответствии с новой политикой и законодательством, но в более поздний период. Например, 1 апреля 1923 г. был закрыт Армавирский Александро-Невский монастырь (12, с.2). Повод мы находим в документе «К закрытию монастыря». «На днях, за обнаружение в Армавирском Александро-Невском монастыре большого количества спрятанной богатой мебели, за разврат монахов с имевшимися при монастыре женщинами и за пьянство и хранение араки, постановлено монастырь закрыть. При посеще-

нии монастыря милицией, несколько пьяных монахов было арестовано для просыпки при милиции...» (11).

В период Гражданской войны был расстрелян большевиками Александр Терентьевич Уколов – первый настоятель Свято-Троицкого собора г. Армавира. В начале революции он писал в рапорте Духовной Консистории, что «во вновь освящённой церкви г. Армавира во имя Святой и Живоначальной Троицы в настоящее время совершаются все богослужения и удовлетворяются все религиозные нужды прихожан» (цит. по: 8, с. 41–42).

Ничего не известно и о судьбе в период Гражданской войны православного священника Николаевской церкви Армавира Георгия Васильевича Чмута. Вплоть до Октябрьской революции он исполнял обязанности законоучителя Армавирской женской гимназии (3, с. 13).

Классовая ненависть обрушилась и на нотные-музыкальные собрания, когда в огонь были брошены нотные произведения нашего выдающегося композитора Василия Дмитриевича Беневого, автора «Варяга» («Плещут холодные воды»), «Гимна великой России» («Верным сынам Добровольческой армии»), «С нами Бог и царь державный».

В период революции обрываются сведения и о Рутине Александре Михайловиче – популярном пианисте, создателе первой музыкальной школы в г. Армавире. Ни одно значительное событие музыкальной жизни г. Армавира не проходило без его участия. В апреле 1917 г. горожане широко отпраздновали 35-летие творческой деятельности пианиста. После этого сведений о его дальнейшей судьбе нет (8, с. 38).

Под запрет попали и произведения композитора духовной музыки Якова Алексеевича Шевцова, которые были написаны в г. Армави-

ре: «Честнейшая херувим», «Крест Христов», «Херувимская», стихиры на Вербное Воскресенье, два «Великих славословия» и др. Благодаря его усилиям до революции в г. Армавире был создан высокопрофессиональный хор. Свою деятельность в г. Армавире и руководство хором Яков Алексеевич продолжал вплоть до 1939 г. (8, с. 45).

Советские деятели от культуры уделяли много внимания репертуарам театральных учреждений: «...большевистская сцена была отдана для беззастенчивой и наглой пропаганды коммунизма. Даже в тех случаях, когда ставили пьесы русских и иностранных классиков, о чём во всё горло кричали большевики, пытаясь этим укрепить основы своей шаткой культуры, даже и тогда в тексты великих писателей вносились поправки, которые затем обезображивали и полностью обесцвечивали их содержание» (17, с. 184).

В г. Армавире до революции действовал драматический театр (открытие было в 1908 г.) и несколько летних театров. В период Гражданской войны их деятельность была нестабильной. Часто менялся репертуар, в зависимости от политического заказа «белых» или «красных». После окончательного становления Советской власти, начинается новая театральная жизнь города. Как и всё на Кубани, Армавирский театр становится советским. «После революции, как только в городе была установлена советская власть, объединёнными актёрскими силами был сыгран спектакль по пьесе А.М. Горького «На дне», обозначивший новый этап армавирского «Народного театра». А 22 мая 1922 года театру было присвоено имя первого наркома просвещения А.В. Луначарского» (9).

С приходом советской власти театр становится общественной трибуной. Наряду со спектаклями

здесь проводятся благотворительные вечера и лекции.

В 1919 г. в г. Армавир приехал художник Михаил Васильевич Нестеров, чтобы забрать семью в Москву, но ему это не удалось, так как город оказался в самом центре событий Гражданской войны. В г. Армави́ре Нестеров работал мало. Здесь он создал несколько портретных этюдов дочери Натальи и сына Алексея, этюды к работам «Пророк» и «Страстная седмица», несколько пейзажных этюдов с изображением моря. Три из них – «Вид на корабль» 1919 г., «Море» 1919 г., «Вид на особняк» 1919–1920 гг. – хранятся в Армавирском городском краеведческом музее. К работам, написанным в Армави́ре, относятся также картины «Оди́нокая» 1919–1920 гг. и «Благовест» 1919–1920 гг. (4, с. 18).

В 1920 г., после восстановления власти Советов, по инициативе Василия Николаевича Дурново в г. Армави́ре открывается художественная школа-студия. В изучаемый период художник был заведующим художественно-агитационным сектором политотдела 10-й армии. С целью сохранения художественных ценностей в городе и его округе была организована комиссия, в которую вошёл В.Н. Дурново. Было собрано 150 картин, акварелей, литографий и около двухсот предметов старины, раритетов, изделий из фарфора, фа-

янса, бронзы, хрусталя. Это собрание легло в основу организованного вместе с художественной школой музея. Художественная школа-студия была торжественно открыта 27 июля 1920 г., в ней обучались и взрослые, и дети. В.Н. Дурново в течение нескольких лет фактически возглавлял студию и одновременно преподавал в ней. Ученики не только учились искусству, но и участвовали в агитационно-пропагандистской работе, писали плакаты, изготавливали из папье-маше наглядные пособия и игрушки, работали театральными и клубными декораторами. В дальнейшем В.Н. Дурново был одним из инициаторов создания театра юного зрителя и кукольного театра. Из стен школы под руководством В.Н. Дурново вышли сотни учеников, приобщившихся к живописи, ваянию и театральному искусству (8, с. 93).

Таким образом, советская политика просвещения в Армави́ре в начале 1920-х гг. была направлена на максимальный охват населения грамотностью и формирование нового человека. Несмотря на значительные трудности, связанные с последствиями войны и разрухи, местные органы власти и общественные организации приложили немалые усилия для реализации поставленных задач, заложив основу для дальнейшего развития системы образования в городе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел Администрации г. Армавир (далее АООА). Ф. Р-145. Оп. 2. Д. 4. Л. 256. 2. АООА. Ф. Р. – 475. Оп. 2. Д. 23. Л. 16–18. 3. АООА. Ф. Р-1271. Оп. 1, Д. 155. Л. 13. 4. Бокова Н.А. Неизвестные этюды художника М.В. Нестерова //Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 1. М. Армавир, 1995. С. 6–19. 5. Быкова В.В. История развития общественных библиотек Армави́ра (конец XIX – середина XX вв.). Армавир, 2006. 92 с. 6. Георгиева Т.С. История русской культуры. М., 1998. 576 с. 7. Иванов Е.М. Армавир – мой город родной (аул – селение – город). Армавир, 1996. 250 с. 8. Именитые граждане Армави́ра. Историко-биографический словарь / Автор идеи, сост., науч. ред. Стецуря Ю. А. Армавир, 2000. 226 с. 9. История Армавирского драмтеатра. URL: <http://theatre.my1.ru/history/2.html>. (дата обращения: 13.05.2026). 10. История Кубани с древнейших времен до конца XX века ([Баранов А.В., Болдырев Ю.А., Жинкин А.В. и др.]) Краснодар: Перспективы образования, 2004. 322 с. 11. К закрытию монастыря // Трудовой путь. 1923. 1 апреля. № 38. С. 1. 12. Ковальчук А.Д. Отношение населения Армави́ра к религии в 1920-х гг. // Советский Армавир. 1975. 5 июня. С. 2. 13. Крупская Н.К. Об искусстве и литературе. М.-Л., 1963. 282 с. 14. Манаенко А., Королёва В. Ранние шаги просвещения // Кубань. 1987 № 2. С. 83–86. 15. Митяева А.О. Страницы политического развития Армави́ра в 1920-х гг. //Советский Армавир. 1978. 8 января. С. 2. 16. Население Кубани в 1920-х гг. в зеркале статистики / сост. Е.Д. Крыловская //Вольная Кубань. 2000. 25 октября. С. 2. 17. Плагенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма //Пер. с нем. И. Карташёвой. СПб., 2008. 414 с.

А.А. ПАНАРИН, С.П. ЕСАУЛКО

(Армавир, РФ)

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1941 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается проблема промышленного развития на Северном Кавказе в 1930-е гг. Анализируется состояние и особенности промышленного производства на Северном Кавказе в годы первых пятилеток, раскрываются основные направления и ход индустриального строительства, приводятся сведения о деятельности заводов и фабрик в различных районах региона. Дается оценка результатам и последствиям промышленного развития на Северном Кавказе к началу 1940-х гг., отмечаются успехи, а также издержки осуществления индустриализации, связанные с усилением диспропорций в развитии отраслей экономики и существенным снижением материального уровня жизни населения.

Ключевые слова: индустриализация, промышленное развитие, экономика, предприятия, стахановское движение, Северный Кавказ.

С конца 1920-х гг. проводившаяся в СССР индустриализация приобрела форсированный и масштабный характер. На XVI конференции ВКП(б), состоявшейся в апреле 1929 г., было решено повысить на 20% прежде принятые плановые задания. Выпуск всей промышленной продукции должен был повыситься в 2,8 раза, при этом тяжелой промышленности – в 3,3 раза. Соответственно, эти показатели обеспечивались за счет снижения выпуска продукции легкой промышленности (8, с. 449–455).

Индустриализация в это время охватила все регионы страны, в том числе и такой важный в экономическом отношении регион, как Северный Кавказ. В отличие от предшествующего периода развитию промышленности здесь способствовало существенное расширение энергетической базы. Так, в 1930 г. была построена электростанция в Новороссийске мощностью 20 тыс. кВт, в 1931 г. – в Краснодаре мощностью 10 тыс. кВт (4, с. 208–209). В 1932 г. все промышленные предприятия в этих городах стали работать с использованием электри-

ческой энергии. На Дону в 1930 г. была введена в эксплуатацию электростанция имени Артема, а также Власовская ГРЭС Шахтинского района. Если в 1928 г. мощность электростанций во всех донских округах составляла 37,3 тыс. кВт, то в уже в 1932 г. этот показатель достиг 114,4 тыс. кВт (3, с. 283).

Укрепление энергетической базы, увеличение финансирования и поставок сырья, и оборудования способствовали развитию крупных промышленных предприятий. Следует отметить, что с началом сплошной коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе повысилась роль сельскохозяйственного машиностроения, поэтому его развитию уделялось первостепенное внимание. Так, в начале 1930-х гг. была проведена реконструкция Ростсельмаша с учетом растущих потребностей механизированных колхозов и совхозов. В 1932 г. на заводе был введен в эксплуатацию комбайновый цех. В это же время проходила реконструкция завода «Красный Аксай» и других предприятий (3, с. 285–291).

Аграрная специфика Северного Кавказа также оказала влияние на широкое развитие предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности. Так, в 1930 г. приступил к выпуску продукции Краснодарский мясокомбинат, оборудованный на основе широкой электрификации и механизации (1, с. 537). Эти принципы организации производства были также свойственны построенному в 1932 г. краснодарскому маргариновому заводу, который уже через полгода сумел выпустить 1132 тонны маргаринового масла высокого качества (5, с. 118). В это же время на Ставрополье в г. Ворошиловграде вступили в строй биофабрика и завод по переработке пищевых продуктов. Уровень производства на этих предприятиях животного и сливочного масла был самым высоким в городе (13, с. 39).

В годы первой пятилетки стало происходить активное промышленное строительство в национальных районах Северного Кавказа. Предусматривалось создание 60 крупных промышленных предприятий, в том числе в Адыгее – 4, в Черкесии – 2, в Карачае – 6, в Кабардино-Балкарии – 16, в Северной Осетии – 7, в Чечне – 8, в Ингушетии – 17 (2, с. 262). В Кабардино-Балкарии в 1929–1930 гг. были построены Лескенский фанерный и Балкарский клепальный заводы, Нальчикский и Кудажуртский лесопильные заводы. Вступили в строй цементный завод в Нальчике, пемзопепловый рудник в селение Кенже, известковые заводы в селениях Белая Речка и Баксан, кирпично-черепичный завод в Майском, Белореченский цементный и алебастровый заводы и другие предприятия (11, с. 58).

Наряду с крупными успехами в реализации первого пятилетнего плана на Северном Кавказе, проявились и серьезные недостатки.

Беспрецедентные темпы промышленного развития и строительства новых предприятий не могли быть обеспечены необходимым количеством квалифицированных рабочих, что зачастую приводило к снижению качества продукции. Перекосы в планировании привели к неравномерному, непропорциональному развитию промышленности и сельского хозяйства.

Дальнейшее проведение индустриализации в СССР было связано с решениями XVII съезда ВКП(б), на котором были приняты показатели второго пятилетнего плана. Наряду с определенным смягчением проводимой политики, съезд поставил задачи существенного увеличения объемов промышленного производства. По этому поводу в резолюции съезда отмечалось: «Установить объем продукции по всей промышленности в 1937 г., т.е. в конце второй пятилетки, в 92,7 млрд руб. (в ценах 1926/27 г.) против 43 млрд руб. в конце первой пятилетки – в 1932 г., т.е. среднегодовой прирост в 16,5%, и увеличение размеров промышленной продукции в 2,1 раза, а в сравнении с довоенным уровнем примерно в восемь раз» (9, с. 106).

В годы второй пятилетки стали более активно внедрять на предприятиях элементы хозрасчета, что стимулировало их деятельность. Это позволило добиться высоких темпов ежегодного прироста продукции, которые в 1934–1936 гг. достигли 20%. Данная тенденция была свойственна и развитию промышленности на Северном Кавказе. Некоторые предприятия региона к началу второй пятилетки не только осваивали зарубежное оборудование и апробировали свое, отечественное, но и производили продукцию на экспорт.

Наиболее высокий уровень развития промышленности был по-прежнему на Дону. Самые крупные

предприятия были сосредоточены не только в Ростове-на-Дону, но и в ряде других городов также были созданы заводы и фабрики, выпускавшие важную промышленную продукцию. Например, завод «Красный Котельщик» в Таганроге к началу 1934 г. поставлял котельное оборудование для автогигантов Горького и Ярославля, тракторных заводов Харькова, Сталинграда, Челябинска, для домен Тулы, Липецка и Кривого Рога (3, с. 58).

На Ставрополье и Кубани продолжалось преимущественное развитие предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности: мукомольной, масложировой, кожевенной, рыбной, консервной, мясной, сахарной и других отраслей. Так, на Ставрополье именно пищевая промышленность произвела в 1940 г. почти половину валовой продукции всей промышленности Орджоникидзевского края – более 128 млн руб.

Вместе с тем и в этих аграрных районах осуществлялась деятельность многих предприятий тяжелой промышленности, которые во второй половине 1930-х гг. постоянно наращивали выпуск различных средств производства. Например, в 1936 г. новороссийский завод «Пролетарий» произвел цемента на 35 тыс. тонн больше годового плана, достигнув рекордного годового объема производства в 590 тыс. тонн (6, с. 124). Большое значение для экономики региона и всей страны имела деятельность Краснодарского и Туапсинского нефтеперерабатывающих заводов и других предприятий.

Достигнутые в 1930-е гг. значительные успехи в развитии промышленности на Северном Кавказе стали возможны не только благодаря усилению директивных методов руководства, но и сознательному труду большинства рабочих, стремив-

шихся к выполнению напряженных производственных планов. Развернувшееся во второй половине 1930-х гг. стахановское движение охватило многие предприятия региона. Среди них были донские «Красный Аксай», «Ростсельмаш», металлургические заводы имени Андреева, «Красный Котельщик», угольные шахты, кубанские предприятия по добыче и переработке нефти, цементные заводы, завод имени Седина, «Краснолит», маслоэкстракционный завод; ставропольские завод «Красный металлист», кожевенный завод имени Трунова и другие предприятия (14, с. 500–501).

В это же время дальнейшие положительные перемены происходили в промышленном развитии национальных районов Северного Кавказа. Одной из них являлось увеличение численности рабочего класса. Так, за период с 1927 по 1937 гг. число рабочих в Чечено-Ингушетии увеличилось примерно в 2 раза, в Северной Осетии – в 5 раз, в Кабардино-Балкарии – в 10 раз, в Карачае – более чем в 25 раз. При этом в общем составе рабочих в национальных районах повысилась доля представителей коренных народов (7, с. 55).

В национальных районах было продолжено строительство новых промышленных предприятий. Так, к 1937 г. в Нальчике были построены Нальчикский мясокомбинат, кондитерская фабрика, лубочные фабрики в Герменчике, Тереке и Акбаше, вагоностроительный завод, шорная, обувная, трикотажная, швейная и ряд других фабрик. Всего за годы второй пятилетки в Кабардино-Балкарии были построены и стали выпускать продукцию 18 заводов и фабрик. Численность производственных рабочих возросла до 6850 человек. Из них 26 % составили рабочие местных национальностей. Значительно пополнился и состав

инженерно-технических работников (11, с. 60).

В 1940 г. в республике насчитывалось 1547 различных промышленных предприятий, в том числе 164 крупных. В годы третьей пятилетки наиболее быстрыми темпами развивались горнодобывающая промышленность, электротехническая промышленность и промышленность строительных материалов. С 1913 по 1940 г. объем промышленного производства в Кабардино-Балкарии увеличился в 152 раза (11, с. 61). Такие же позитивные изменения происходили и в других национальных районах Северного Кавказа.

Конец 1930-х гг. прошел под знаком обострения международной обстановки и нарастанием угрозы новой мировой войны, исходящей от фашистской Германии. В такой ситуации руководство страны приняло меры по мобилизации трудовых ресурсов для ускорения темпов индустриализации. Воплощением этих мер стало принятое в конце 1938 г. постановление Совнаркома, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» (10, с. 40–48). Оно способствовало укреплению трудовой дисциплины и повышению эффективности производства.

Проявление трудовой инициативы и энтузиазма, а также готовность выполнять чрезвычайно сложные производственные задачи стали важным фактором в освоении, соблюдении и даже превышении новых технических стандартов. Одновременно решались задачи экономии сырья, а также снижения себестоимости продукции. В это же время происходило дальнейшее строительство новых предприятий. Например, в 1939 г. в Армавире был

построен крупный кирпичный завод сухого прессования, и руководство Краснодарского края ставило вопросы о строительстве новых подобных заводов (12, с. 104).

К началу 1940-х гг. большинство наиболее значимых промышленных предприятий были расположены в нескольких городах Северного Кавказа: Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ворошиловске, Пятигорске, Новороссийске, Таганроге, Новочеркасске, Нальчике, Туапсе и других. Северный Кавказ характеризовался неравномерным распределением промышленных предприятий, кроме того, большинство районов, и особенно национальных, не имели собственной промышленности.

Вместе с тем наличие в регионе большого количества небольших предприятий позволяло несколько увеличить выпуск товаров народного потребления в условиях их крайнего дефицита. Полностью преодолеть его, а также выполнить план по производству промышленных товаров, не удалось, поскольку основной упор был сделан на переработку сельскохозяйственной продукции и добычу энергоресурсов, которые были необходимы союзной экономике.

В целом, цена осуществленной в стране и в отдельных ее регионах индустриализации была очень высока. В том числе потребности индустриализации вызвали значительное увеличение объемов хлебозаготовок, что привело к истощению деревни и массовому голоду, особенно в сельской местности. Эти тяжелые последствия испытывали на себе большинство районов Северного Кавказа, которые относились к основным зернодобывающим районам страны.

Таким образом, в ходе проведения индустриализации был создан фундамент советской экономики, основой которого являлась тяжелая

промышленность, в то время как отрасли хозяйства, которые обеспечивали потребительский спрос населения, развивались медленно. В связи с этим, на долгие годы в социально-экономическом развитии страны, в том числе на Северном Кавказе, проявился заметный перекос между производством средств производства и товаров массового потребления, что отразилось на низ-

ком прожиточном уровне населения. В то же время осуществление индустриализации позволило значительно укрепить промышленный потенциал СССР, достичь экономической независимости, модернизировать оборонную промышленность, что способствовало Победе советского народа в Великой Отечественной войне и укреплению позиций страны на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы к Летописи. Краснодар: Книжное издательство, 1993. 798 с.
2. Ерохин А.М., Воробьев С.М. Советская модернизация Северного Кавказа: социокультурный аспект // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы IX Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию образования СССР / отв. редактор Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2022. С. 258–266.
3. История индустриализации Северного Кавказа (1933–1941 гг.): документы и материалы / сост. М.П. Севостьянов, Е.И. Кобзева. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. 621 с.
4. История Кубани / под общ. ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. 336 с.
5. Корреспонденция из газеты «Красное Знамя» об успехах промышленных предприятий г. Краснодара от 7 ноября 1932 г. // Хрестоматия по истории Кубани (1917–1967 гг.) Документы и материалы. Ч. 2. Краснодар: Книжное издательство, 1982. С. 118–120.
6. Корреспонденция из газеты «Молот» «Цемзавод «Пролетарий» выполнил вторую пятилетку в четыре года» // Хрестоматия по истории Кубани (1917–1967 гг.). Документы и материалы. Часть 2. Краснодар: Книжное издательство, 1982. 124 с.
7. Лоов И.Р. Из истории формирования и развития рабочего класса Северного Кавказа в 1920–1928 гг. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. 277 с.
8. О пятилетнем плане развития народного хозяйства: резолюция XVI конференции ВКП(б) (23–29 апреля 1929 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. М.: Политиздат, 1984. С. 449–455.
9. О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.): резолюция XVII съезда ВКП(б) (26 января – 10 февраля 1934 г.) // КПСС в резолюциях... Т. 6. М.: Политиздат, 1985. С. 106–123.
10. О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле: постановление Совнаркома, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М.: Политиздат, 1985. С. 40–48.
11. Сабанчиев Х.М.А. Индустриализация и ее особенности в Кабардино-Балкарии // Научная мысль Кавказа. 2023. №2. С. 56–63.
12. Салфетников Д.А. Проблемы и задачи производственной жизни в промышленном секторе Кубани и Ставрополя в конце 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. №1–2. Т. 8. С. 102–108.
13. Салфетников Д.А. Пищевая промышленность Северного Кавказа в годы первых пятилеток (по материалам Кубани и Ставрополя) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 4. С. 36–44.
14. Салфетников Д.А. Производственная деятельность стахановцев и ее значение на промышленных предприятиях Дона, Кубани и Ставрополя во второй половине 1930-х гг. // Историко-экономические исследования. 2025. Т. 26, № 3. С. 495–522.

А.П. СКОРИК

(Новочеркасск, РФ)

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОСТИ В ДЕЛАХ МОЛОДЁЖИ ВАННОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА АЗОВО- ЧЕРНОМОРСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается исторический эпизод из общественно-политической жизни кубанского села Ванновское, когда инициатива местных комсомольцев под руководством энергичного заведующего сельским клубом по проведению занимательного и весёлого бала-маскарада превратилась в громкое политическое дело в середине 1930-х гг. Попытка представить выдающиеся достижения страны в виде четырёх макетов-костюмов, сделать актуальные общественно-политические события запоминающимися, организовать благое дело для расширения кругозора молодёжи, для агитации за советскую власть, для поддержки правящей партии большевиков в развернувшейся острой борьбе с её политическими оппонентами закончилась региональным организационно-партийным разбирательством с выводами административно-должностного порядка. Элементы жёсткой политической сатиры в отношении оппортунистов и «врагов» (Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого и др.) в сочетании с прославлением главного вождя большевистской партии И.В. Сталина оказались не понятыми партийными чиновниками Азово-Черноморского края. Поэтому в итоге сформировался политический миф о контрреволюционности партийно-комсомольского актива Ванновского национального района, прежде всего, из числа этнических немцев, ранее активно и целенаправленно выдвигаемых на управленческие должности в рамках политики коренизации местной власти.

Ключевые слова: бал-маскарад, большевики, комсомольцы, макет-костюм, мифологизация, немцы, политическая сатира, сельский клуб.

28 сентября 1936 г. в кубанском селе Ванновское, в административном центре Ванновского национального (немецкого) района Азово-Черноморского края, в местном клубе имени Эрнста Тельмана тамошняя молодёжь провела по инициативе идеологически продвинутого руководства клуба бал-маскарад политико-пропагандистской направленности. Публичное массовое мероприятие получило одобрение Ванновского райкома комсомола, но вышестоящим тогда управленческим инстанциям молодёжный праздник абсолютно не понравился, поэтому они устроили по подвернувшему для них поводу довольно громкое административно-политическое разбирательство в рамках господствовавшего в те вре-

мена мифологического нарратива контрреволюционности.

Идея достаточно успешно прошедшего молодёжного бала-маскарада политико-идеологической направленности оказалась совершенно проста, когда комсомольцы для публичной демонстрации очередных достижений советского социалистического строительства подготовили четыре действующих макета в виде нарядных женских костюмов, которые показали собравшейся аудитории в местном клубе имени Эрнста Тельмана. Костюмы-макеты сделали буквально из подручных материалов, но выполнили их очень убедительными для публики изобразительными средствами, чтобы собравшиеся в клубе зрители могли довольно легко понять, к чему при-

зывают местные комсомольцы, что именно они пропагандируют путём проведения своей политической акции.

Первый макет ориентировал собравшихся в клубе молодых людей на безоговорочное одобрение сталинского проекта Конституции СССР, который был опубликован 12 июня 1936 г. Обсуждение «Сталинской конституции» тогда проходило на всех уровнях общественной консолидации: от собраний трудящихся на предприятиях до республиканских съездов Советов, поэтому Ванновский райком комсомола активно включился в эту идейно-политическую кампанию и поддержал инициативу руководства клуба имени Эрнста Тельмана, чтобы подчеркнуть важнейшие социальные права для советских граждан, в том числе немецкой молодёжи, гарантированные новой Конституцией. В итоге на простое женское платье (цвет в архивных документах не указан) инициативные комсомольцы прикрепили три бумажные полосы с характерными надписями: «право на труд», «право на отдых», «право на образование». Как видим, ничего предосудительного в создании такого пропагандистского макета (костюма) не проглядывается, и подобный костюм с указанными надписями мог вызвать по тем временам только идейно-политическое одобрение.

Второй макет демонстрировал гордость советской молодёжи за научно-инженерные и авиационно-технические достижения страны, связанные, прежде всего, с именем советского лётчика, совершившего несколько очень дальних перелётов в 1930-х гг., участника операции по спасению экспедиции парохода «Челюскин» в 1934 г., одного из семёрки отважных первых Героев Советского Союза Сигизмунда Александровича Леваневского (1902–1937).

В августе–сентябре 1936 г. на поплавковом варианте пассажирского одномоторного самолёта «Валти» V-1A американского авиаконструктора Джерарда Валти С.А. Леваневский вместе со штурманом Виктором Ивановичем Левченко (1906–1937) совершил уникальный перелёт по маршруту Лос-Анджелес (вылет 5 августа) – Сан-Франциско – Сиэтл – Фэрбанк – Ном – Уэлен – бухта Амбарчик – бухта Тикси – Жиганск – Якутск – Красноярск – Омск – Свердловск – Москва (посадка 13 сентября). Протяжённость совершённого авиационного перелёта составила свыше 19 тыс. километров. За этот перелёт С.А. Леваневский был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а В.И. Левченко наградили орденом Ленина. На подготовленном макете-костюме в клубе имени Эрнста Тельмана кубанского села Ванновское тамошняя молодёжь изобразила по пунктам весь путь трансконтинентального перелёта под командованием советского лётчика С.А. Леваневского, придала пропагандистскому костюму вид самолёта, а на руках у демонстратора изготовленного социально значимого макета закрепили ещё и парашют. В общем, у ванновских комсомольцев получился довольно убедительный и узнаваемый макет о совершённом подвиге советских лётчиков, которым тогда гордилась буквально вся страна.

Третий макет отражал партийно-политическую борьбу правящей партии большевиков с «троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группой» и призывал местную молодёжь к проявлению социальной «бдительности». Чтобы придать враждебному образу «троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группы» наиболее понятный и злобный вид, его представили в виде огромной извивающейся змеи, вы-

пустившей вперёд из гнусной пасти своё отравленное жало, которое направлялось в сторону членов политбюро и вождей партии большевиков, прежде всего, «вождя народов тов. Сталина». В головной части макета закрепили портрет Сергея Мироновича Кирова (1886–1934), погибшего при довольно странных обстоятельствах известного русского революционера (фамилия при рождении – Костриков), видного деятеля партии большевиков и Советского государства, одного из ближайших соратников И.В. Сталина, оставившего заметный след в политической и культурно-театральной жизни Владикавказа, покоровшего сразу обе вершины Кавказа – Казбек и Эльбрус. Траурный фон для портрета С.М. Кирова создавали два флажка в чёрных каёмках. В грудной части макета-костюма красовался портрет И.В. Сталина. Тем самым, фактом создания макета-костюма подчёркивалось, что именно «в результате ослабления бдительности, контрреволюционной группе удалось вырвать из наших рядов соратника тов. СТАЛИНА, лучшего большевика нашей партии» (2, л. 1). Портрет главного вождя большевистской партии И.В. Сталина плотно со всех сторон окружали изображения многочисленных человеческих голов («народные массы»), и это, по замыслу ванновских комсомольцев во главе с заведующим клубом, наглядно и однозначно символизировало как «весь рабочий класс и колхозное крестьянство под руководством комм[унистической] партии победоносно строит бесклассовое социалистическое общество». От изображения человеческой массы в сторону злобной змеи (помещённой ниже по макету и пускающей своё жало в сторону И.В. Сталина) направлялся рисунок поражающей её ядовитое жало извилистой громовой стрелы,

сильно заострённой книзу, под которой самодеятельные художники тогда, несомненно, подразумевали «требования рабочего класса и колхозного крестьянства применения высшей меры социальной защиты к участникам троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группы» (2, л. 1). Вот такой получился у местных комсомольцев весьма схематичный макет-костюм на злободневную политическую тематику с чёткими требованиями смертельного наказания для противников правящей партии. Причём, вот этот самодельный макет-костюм с очень актуальным для середины 1930-х гг. партийно-политическим подтекстом «бдительность» демонстрировала работница Ванновского районного отделения НКВД, очевидно не подозревавшая, какие потом будут последствия.

Четвёртый макет по своей задумке напоминал третий костюм, но здесь, как говорится, состав действующих лиц несколько изменился. В грудной части макета располагался портрет И.В. Сталина, внизу же размещался портрет его заклятого противника Льва Давидовича Троцкого (1879–1940), известного российского революционера (настоящее имя – Лейба Давидович Бронштейн), активного участника мирового социалистического и коммунистического движения, советского государственного, партийного и военно-политического деятеля, соратника В.И. Ленина, основателя и идеолога троцкизма, в конце концов, убитого по личному указанию И.В. Сталина агентом НКВД Рамоном Меркадером в Койоакане (Мексика). Вокруг портрета И.В. Сталина находились человеческие головы, обозначающие народные массы, от которых направлялась громовая стрела, поражающая Л.Д. Троцкого. Весь комплекс портретов и фигур самодеятельные художники изоб-

разили на бумаге, а потом пришили нитками к женскому платью. Причём, этот самодельный макет-костюм демонстрировала пионервожатая Ванновского райкома ВЛКСМ, также не подозревавшая, какие потом будут последствия.

Первым всполошился инструктор Азово-Черноморского крайкома партии Григорий Яковлевич Гринштейн (1895–1937), направивший информационную краткую справку, датированную 1 ноября 1936 г., заведующему отделом руководящих партийных органов (ОРПО) Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Александру Иосифовичу Берёзину (1896–1937). Расследованием дела занялась по заданию А.И. Берёзина инструктор ОРПО Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) С. Мишукина, чьими усилиями первоначально сформировали дело о «контрреволюционных» выступлениях в Ванновском районе, сразу резко определившая его содержание: «Нельзя придумать большей пошлятины и политического безобразия, чем эти «художества» (2, л. 3).

Что же так возмутило большевичку, направленную в срочном порядке в Ванновский район для выяснения ситуации исключительно на месте, причём с участием районных партийных и комсомольских работников?! Наш анализ архивных документов, их контекстуальное прочтение позволяют указать на ряд объясняющих обстоятельств. Во-первых, все агитационные макеты-костюмы комсомольцы под руководством заведующего клубом создавали на основе женского платья, что не могло не обратить на себя пристальное внимание женщины-инструктора Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). Во-вторых, некоторые ключевые изображения изготовленных макетов-костюмов по высоте своего расположения приходились на причинное место жен-

ского междужья, стыдливо обозначенного красноречивым словом «внизу», и, с точки зрения женщины-инструктора большевистского крайкома партии, они были явной пошлятиной, весьма оскорбительной также с политической стороны дела. В-третьих, очень снисходительное отношение к проведению сомнительного бала-маскарада местных партийных и комсомольских работников в клубе имени видного деятеля коммунистической партии Германии Эрнста Тельмана (!), в административном центре Ванновского национального (немецкого) района. В-четвёртых, под видом прямого идейно-политического осуждения «троцкистско-зиновьевской контрреволюционной банды» допущено изображение портрета самого Л.Д. Троцкого. В-пятых, налицо очевидное притупление «политической бдительности» местными управленцами, за что их обязательно следует наказать в партийном и административном порядке с вынесением простых и строгих выговоров и даже увольнением с работы.

Продуцирование мифологического нарратива контрреволюционности партийной чиновницей началось по типичной советской схеме избличения противников: с личности заведующего клубом имени Эрнста Тельмана села Ванновское. Им оказался местный уроженец, немец по национальности Густав Густавович (?!) Шёллер, по социальному происхождению сын бывшего купца села Ванновское, умершего в 1924 г. Однако он сумел получить важный статус бывшего красноармейца, поскольку в 1929 г. как «активист села» поступил на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию, причём, прослужил в ней досрочно, и был в воинской части библиотекарем. Вступил в профсоюз в 1926 г., когда работал в г. Грозный, а профсоюзная организация отпра-

вила его на курсы заведующих клубов. В Ванновский районный отдел НКВД на Шёллера никаких компрометирующих материалов не поступало. Тем самым, по логике инструктора ОРПО Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) С. Мишухиной, речь идёт о типичном советском приспособленце, который целенаправленно подправил себе биографию и сделал её просоветской. Как дружно заверяли первый секретарь Ванновского райкома ВЛКСМ Эйферт и второй секретарь Ванновского райкома ВКП(б) А. Хорват (в архивных документах оба указаны без полных инициалов. – А.С.), до прихода Шёллера клуб в селе Ванновское «хирел, никакой работы не было, а сейчас он оживил работу клуба. Им никто не руководит, и он даёт волю своему «творчеству», как хочет. Так, например, он смонтировал макет к съезду Совета по вопросу обсуждения Конституции таким образом: большой портрет товарища СТАЛИНА, где он нарисован с поднятой рукой, дорисовал в руку Конституцию, кругом всякие «художественные» зарисовки, а портрет товарища СТАЛИНА и конституцию окаймил чёрною каймою, чтобы «выделилось лучше» (2, л. 4). Такое незатейливое объяснение заведующего клубом Шёллера партийную чиновницу вовсе не устроило, и она определила допущенные действия как профанацию и предложила «партчасти райисполкома» уволить инициативного заведующего клубом с должности, поскольку «имеют место грубые политические извращения зав. клубом» (2, л. 5). В общем, практически на пустом месте командированный инструктор ОРПО Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) С. Мишукина просто взяла и сочинила контрреволюционный заговор, а, проще говоря, вовремя выслужилась перед своим партийным начальством в духе гос-

подствовавших советских традиций середины 1930-х гг. С другой стороны, по свидетельству ростовского историка А.В. Аверьянова, в числе установленных основных причин привлечения к партийной ответственности коммунистов-немцев Ванновского района в первой половине 1930-х гг. выступали обвинения в приверженности к «правому уклому и левым загибам», и по этим основаниям привлекли 16 человек, а также выдвигались обвинения в бесхозяйственности, пьянстве и нарушении партийной дисциплины, и в общей сложности наказали 16 человек (1, с. 387).

Любопытно, что бал-маскарад в клубе имени Эрнста Тельмана реально оказался районным политико-пропагандистским мероприятием, поскольку о нём «знали все ответственные работники района». Более того, жена второго секретаря райкома ВКП(б) А. Хорвата, она же уполномоченный Крайсовпрофа по Ванновскому району Хорват вместе с заместителем секретаря Ванновского райкома ВЛКСМ Марашек являлись «главными вдохновителями этого вечера», а партийный лидер района А. Хорват лично дал разрешение на проведение бала-маскарада (2, л. 3). На самом вечере присутствовали следующие члены партии (в документе частично без фамилий):

- 1) секретарь райкома ВЛКСМ Эйферт (он же был членом бюро райкома ВКП(б);
- 2) уполномоченная Крайсовпрофа по Ванновскому району Хорват;
- 3) уполномоченный Крайплита (разрешительной цензурной инстанции) Лай;
- 4) заведующий райотделом народного образования;
- 5) редактор районной газеты «Коллективфане»;
- 6) заместитель начальника районного отдела НКВД;

- 7) заведующий фельдсвязью НКВД;
- 8) заместитель секретаря райкома ВЛКСМ Марашек;
- 9) жена председателя Ванновского райисполкома Колхир;
- 10) жена директора Ванновской МТС Белоушенко.

И на полное удивление инструктора ОРПО Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) С. Мишухиной «никто из них ничего предсудительного не предусмотрел во всём этом, а уполномоченный Крайлита тов. ЛАИ до конца утверждал, что костюмы «вполне политически выдержанные», «я со всей ответственностью заявляю». Даже был спор у жюри, что эти костюмы заслуживают приз, не получили же они приза лишь только потому, что они были расшифрованы» (2, л. 4), то есть оказались распознаны собравшейся публикой.

В итоге проведённого разбирательства последовали довольно жёсткие оргвыводы: «за притупление бдительности и допущения на вечере-маскараде политического хулиганства» второму секретарю райкома ВКП(б) А. Хорват проверяющая предложила объявить выговор. К партийной ответственности планировалось обязательно привлечь уполномоченного Крайсовпрофа Хорват, «как организатора этого вечера», но снять с работы и объявить строгий выговор заместителю секретаря райкома ВЛКСМ Марашек «как главному организатору этого вечера». Однако больше всего грозило неприятностей административно-партийного порядка

уполномоченному Крайлита по Ванновскому району Лаю, ведь его даже намеревались «снять с работы и объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку за политическую слепоту и разрешение этого вечера» (2, л. 5). Вот так сработал с лёту созданный мифологический нарратив контрреволюционности в отношении большей части партийно-комсомольского актива Ванновского национального района из числа этнических немцев.

Сегодня село Ванновское (названное в начале 1890-х гг. в честь военного министра Российской империи Петра Семёновича Ванновского (1822–1904) с оригинальной исторической оценкой его должностных деяний «слуга царю, отец солдатам») является небольшим по численности жителей (порядка полутора тысяч) поселением Тбилисского района Краснодарского края, где успешно действует муниципальное бюджетное учреждение культуры (МБУК) «Ванновский культурно-досуговый центр», здание которого построено 60 лет назад, в 1967 году, благодаря усилиям почётного жителя А.Т. Дмитриенко. Тем не менее, в 2019 году оно вошло в перечень лучших учреждений культуры по итогам краевого конкурса Краснодарского края. О прежнем клубе и политических битвах местного значения вокруг него напоминают лишь архивные материалы, обобщение и интерпретация которых позволили нам изложить занимательную историю 90-летней давности с нарративом мнимой контрреволюционности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов А.В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920 – 1930-е гг. Дисс... докт. ист. наук. Ростов н/Д., 2021. 701 с.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 335-в.

Н.С. СТЕПАНЕНКО

(Краснодар, РФ)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТРУДОВ ПО ТЕМЕ ЛОКАЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 1830–1860-е гг.

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные идеи дореволюционных, советских и современных авторов, касающиеся темы локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в период активизации вооружённого конфликта, вошедшего в историю под названием «Кавказская война».

Ключевые слова: локальные переселения, «Кавказская война», Северо-Западный Кавказ, Российская империя, горцы.

История российско-горского взаимодействия второй трети XIX в. достаточно противоречива. Она содержит большое количество примеров, как военного противостояния, так и созидательной деятельности. Поэтому важно продемонстрировать все особенности взаимоотношений народов региона в период «Кавказской войны» во всём их сложном многообразии. Одной из таких граней являлся добровольный переход российских подданных к горцам Северо-Западного Кавказа и наоборот – перемещение горцев под покровительство России.

Над темой перебежчиков в той или иной степени работали представители дореволюционной исторической науки. Весомый вклад в исследование проблемы беглецов на Северо-Западном Кавказе внёс Ф.А. Щербина. Во втором томе «Истории Кубанского казачьего войска» он выделил главу для освещения деятельности российских перебежчиков (35, с. 957). С другой стороны, исследователь уделил внимание переходам на контролируемые Россией территории горцев Закубанья (35, с. 719). Историк Тенгинского полка Д.А. Ракович достаточно подробно охарактеризовал мотивацию российских солдат к побегам в За-

кубанье (30, с. 35). А исследователь В.А. Потто показал яркий образ неизвестного перебежчика, сражавшегося на стороне закубанцев (28, с. 439–440).

Историк императорского конвоя генерал-майор С.И. Петин описал службу представителей коренных народов Кавказа в этом элитном подразделении (25, с. 5). Для многих горцев, перешедших на российскую сторону, армия была социальным лифтом, с помощью которого они улучшали своё социальное и материальное положение.

В советский период тема российских перебежчиков среди горцев Северного Кавказа не была популярна. Зачастую отдельные эпизоды пребывания дезертиров в горах объяснялись «безграничным чувством классовой ненависти, а также, ещё более безгранично высоким чувством классовой солидарности» (18). Тем не менее, некоторые советские исследователи в той или иной степени изучали проблему перебежчиков. Историк и этнограф М.О. Косвен обратил внимание на дело беглого сотника С. Атарщикова, которое назвал «примечательным эпизодом из истории русско-горских отношений далёкого прошлого» (19, с. 254–256). К 80-м гг. XX в. жёсткие идеологические ус-

тановки значительно ослабили. В обобщающем труде по истории народов Северного Кавказа достаточно взвешенно описывался пример нахождения беглых солдат российской армии в имамате Шамиля (12, с. 154).

Советская историческая наука уделяла значительное внимание социально-экономическим процессам в горских обществах Северо-Западного Кавказа, обращалось внимание на рост имущественного и социального расслоения, недовольство горских низов своим положением и др. Часто эти факторы побуждали горцев бежать в российские пределы (15, с. 224; 27, с. 183).

Для постсоветской (современной) историографии по тематике локальных переселений характерно многообразие трактовок. Ряд историков характеризует горцев, служивших в российской армии, как предателей (34, с. 154). С другой стороны, Е.В. Брацун утверждает, что в годы «Кавказской войны» представители горских народностей Северо-Западного Кавказа воевали на стороне России. По его мнению, это доказывает, что не все адыги в рассматриваемый период видели в лице России своего врага (2, с. 19). Военная служба и связанные с нею преимущества привлекали горцев к переходу под российское покровительство (32). Многочисленный список генералов и офицеров из числа адыгов опубликовал А.В. Казаков (14). А.Д. Вершигора уделил внимание службе представителя адыгской аристократии, этнографа Султан Хан-Гирея (7).

В современной исторической науке существуют неоднозначные оценки, касающиеся причин бегства российских солдат к горцам Северного Кавказа. Коллектив авторов одной из обширных монографий о «Кавказской войне» полагает, что

русские солдаты и поляки добровольно переходили к Шамилю из-за отрицательного отношения к завоевательной политике царского правительства и хотели влиться в ряды действительно свободных горцев (13, с. 432).

С другой стороны, исследователи стали обращать внимание на иные мотивы побегов нижних чинов. Они были более прозаичными, мало связанными с политикой и высокодуховными идеалами. Например, Ю.Ю. Клычников осветил переход в горы криминального элемента из казачьей среды (16). Т.Г. Письменная подняла проблему бегства в горы староверов (26). С.Л. Дударев описал бытовые причины локальных переселений (10). Д.С. Дударев высказал идею о том, что российские перебежчики объективно выполняли роль коммуникаторов, через которых шёл процесс установления связей между горцами и Россией (11, с. 153).

Современные исследователи и публицисты в своих работах поднимают тему бегства российских солдат и других подданных в Персию (20), Турцию и в имамат Шамиля в первой половине XIX в. (8, с. 286). Сравнение примеров дезертирства в разных приграничных районах империи помогает полнее понять особенности локальных переселений в указанных нами выше территориальных рамках.

Историки всё чаще стали писать об армии (1) и российских перебежчиках на Северном Кавказе. Достаточно глубоко эту тему в своей монографии раскрыл В.В. Лапин (21, с. 254). Также историк описал особенности службы представителей народов Северного Кавказа в российской армии. Пристальное внимание исследователей вызывают случаи дезертирства польских военнослужащих, масштабы которого нередко преувеличиваются (22,

с. 216; 17, с. 23). В.В. Лапин высказал интересную точку зрения по поводу проблемы оценки численности перебежчиков на Северном Кавказе: «Общее число перебежчиков определить невозможно, поскольку многие из них оказывались в числе таковых не по своей воле, а по вине обстоятельств. Принимая во внимание то, что дезертирство ложилось пятном на всю часть и на её командира, многие по документам проходили как пропавшие без вести, пленные, убитые и умершие от болезней» (21, с. 248). Мы согласны с этим мнением. Численность перебежчиков невозможно определить ещё и потому, что среди горцев Северо-Западного Кавказа не существовало государственного бюрократического аппарата. Тем не менее, в работах дореволюционных авторов приведены данные, которые могут помочь составить примерное представление о масштабах этого явления (30, с. 35; 31, с. 479; 35, с. 533–534).

О.С. Пылков в своей монографии наглядно показал непростое положение гарнизонов российских крепостей на Северо-Западном Кавказе (29, с. 30–31). Тяжёлые условия службы вынуждали солдат бежать к горцам.

Следует отметить, что проблема российских перебежчиков разрабатывается применительно к народам Северо-Восточного Кавказа. В работах Н.Н. Великой и Е.М. Белецкой выявлены 4 группы казаков-перебежчиков (4). Предполагается, что имели место семь основных причин нахождения россиян (армейцев и казаков) в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (5). Предложенная классификация вполне может быть применена и к Северо-Западному Кавказу.

Тема перебежчиков на Северном Кавказе в первой половине XIX

в. вызывает интерес у зарубежных исследователей. Учёный из США М. Ходарковский показал перипетии судьбы Семёна Атарщикова. По мнению исследователя, жизнь этого казака – частный пример пути одного из посредников, которые разными способами пытались «преодолеть пропасть между своими родными землями и имперской Россией» (33, с. 203). Анализируя данную монографию, С.Л. Дударев заметил, что в ней прослеживается демонизация действий России на Северном Кавказе. Он призвал учитывать и уважать те титанические усилия, не только военные, но, прежде всего, мирные, которые были затрачены на обустройство данного региона и приобщение его народов к прогрессу в тех рамках, которые исторически возможны с учетом особенностей российской цивилизации (11, с. 30). По нашему мнению, работа М. Ходарковского интересна тем, что автор пытается проследить историю вхождения Северного Кавказа через судьбу отдельного человека. Однако его книга носит научно-популярный характер. Многие тезисы автора не подкреплены источниками.

По мнению С.К. Бондыревой и Д.В. Колесова, миграция – это пространственная активность (перемещение) индивида, связанная с переменой места жительства (3, с. 39). Главным мотивом человека, решившегося поменять дом, является поиск благополучной жизни. Исследователи О.В. Матвеев, В.Н. Ракачев, Д.Н. Ракачев считают, что миграционные перемещения имеют двойной эффект: вносят изменения в жизнедеятельность принимающего и отпускающего общества. В итоге миграции приводят к изменению численности населения и его возрастной структуры, что может вызвать смену режима воспроизводства населения, изме-

нения в составе населения по образовательному уровню, социальному статусу, сферам деятельности и т.д., так как качественные характеристики мигрантов отличаются от характеристик постоянного населения в местах выхода и вселения (23, с. 13–14).

Таким образом, в настоящее время накоплен значительный пласт литературы, в той или иной степени касающейся темы перебежчиков

на Северо-Западном Кавказе. Тем не менее, тема перехода на службу России горцев и проблема пребывания российских подданных на неконтролируемых империей территориях Северо-Западного Кавказа нуждается в дальнейшем изучении с использованием ранее неизвестных архивных материалов. По своей значимости она заслуживает отдельной монографической разработки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абазов А.Х. Кавказская армия в конце 1850-х гг.: особенности управления в контексте унификации административных институтов // *Bylye Gody*. Vol. 58. Is. 4. P. 2546–2553.
2. Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дис. ... на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2014. 261 с.
3. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство «МОДЭК», 2004. 296 с.
4. Великая Н.Н., Белецкая Е.М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир, 2014. С. 75–90
5. Великая Н.Н. О казаках, добровольно ушедших к горцам в первой половине XIX века // *Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: сб. науч. тр. I Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 10–14 окт. 2014 г.)*. Славянск-на-Кубани, 2014. С. 16–20.
6. Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // *Кавказский сборник*. М., 2015. Т. 9. С. 90–101.
7. Вершигора А.Д. Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик, 2003. 151 с.
8. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. 374 с.
9. Дударев Д.С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2016. 243 с.
10. Дударев С.Л. Похождения крестьянки Анны Солоповой (любовная интрижка, завершившаяся пленом у горцев) // *Кант*. 2016. № 4(21). С. 14–18.
11. Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников. II Известия научнопедагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Ставрополь, 2016. Вып. 5. 32 с.
12. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. 660 с.
13. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. / рук. А.И. Османов. Махачкала, 2006. 520 с.
14. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.). Нальчик, 2006. 405 с.
15. Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х годов XIX века // *Культура и быт адыгов (этнографические исследования)*. Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 227–244.
16. Клычников Ю.Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты // *Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы девятой междунар. Кубанско-Терской научн.-практ. конф.* Армавир, 2014. С. 73–76.
17. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019. 90 с.
18. Кокеев Г. Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940 // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Steder/pred2.htm> (дата обращения: 12.05.2026).
19. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961. 260 с.
20. Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.). URL: <http://static.bsu.az/w8/Tarix%20ve%20onun%20problem/2013%20%20201/seh.45-58.pdf> (дата обращения: 09.05.2026).

21. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. 400 с.
22. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. 270 с.
23. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 200 с.
24. Перетятко А.Ю., Трапш Н.А., Шафранова О.И. Аварская лингвистика в Новочеркасской гимназии 1850–1860-х гг.: опыт инкорпорации кавказских горцев в имперское культурное пространство // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021 Т. 12 № 10 (108).
25. Петин С.И. Собственный его императорского величества конвой: Ист. очерк: [С прил.] / сост. С. Петин. СПб., 1899. 436 с.
26. Письменная Т.Г. О бегстве староверов на территории северокавказских горцев в первой половине XIX в. // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2010. Вып. 16. С. 49–51.
27. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. 319 с.
28. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. 688 с.
29. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Армавир, 2011. 248 с.
30. Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. 493 с.
31. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. 507 с.
32. Урушадзе А.Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // Журнал фронтирных исследований. Астрахань, 2020 Т. 5 № 4 (20). С. 127–151.
33. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. 224 с.
34. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджен Б.Е. Земля адыгов. Майкоп, 2004. 1004 с.
35. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Т. II. Краснодар, 2007. 1000 с.

С.А. СУРАЙ

(Ставрополь, РФ)

НАСЕЛЕНИЕ ЭРИВАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОМ ОБОЗРЕНИИ П.К. УСЛАРА*

Аннотация. В статье анализируется «Военно-статистическое обозрение Эриванской губернии» П.К. Услара как источник по истории и этнографии народов Южного Кавказа. Рассматривается структура обозрения, методы сбора и интерпретации данных, а также его место в жанре военно-статистических описаний Российской империи. Особое внимание уделено этнографической части обозрения, в которой даётся развёрнутая характеристика армян, мусульман (шиитов и суннитов), курдов, езидов и русских. В статье показано, как П.К. Услару удалось преодолеть стереотипы в описании армянского населения, но сохранить при этом оценочные суждения о кочевых народах. В заключении делается вывод о том, что «Военно-статистическое обозрение Эриванской губернии» вышло за рамки прикладного документа, став ценным этнографическим нарративом, влиявшим на развитие отечественного кавказоведения.

Ключевые слова: П.К. Услар, Эриванская губерния, кавказоведение, этнография, военно-статистическое обозрение

В XIX веке Кавказ постепенно включался в состав Российской империи и важную роль в этом процессе играли российские военные. Они выполняли не только свои служебные обязанности, но также собирали ценные сведения о регионе, его народах, языках и истории. Одним из значимых деятелей этого периода был Петр Карлович Услар – генерал-майор, член-корреспондент Петербургской академии наук и основоположник научного изучения кавказских языков, чья деятельность на Кавказе (1837–1875 гг.) совпала с ключевыми этапами вхождения региона в состав империи.

Изучение служебной и научной деятельности П.К. Услара позволяет глубже понять используемые Россией интеграционные механизмы и показать, как исследовательские практики отдельных исторических личностей влияли на сближение империи с населением ее новых территорий.

Биография П.К. Услара неоднократно оказывалась в поле зрения историков-исследователей.

В дореволюционный период к анализу его деятельности обращался Л.П. Загурский (3). В своем объемном исследовании он подчеркивал важную роль генерала в изучении кавказских языков, введении письменности у горцев и педагогической деятельности, справедливо отмечая, что его заслуги при жизни были недооценены. Также Загурский акцентировал внимание на практическом значении трудов Услара для организации школ среди горцев и для точной географической номенклатуры Кавказа.

В современной историографии исследователи продолжают изучать деятельность Услара на Кавказе, но, как отмечает А.И. Алиева, основное внимание уделяют его лингвистическим трудам и вкладу в разработку иберийско-кавказских языков (1). Рассмотрев принципы фикса-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 25–28–00152, <https://rscf.ru/project/25–28–00152/>

ции и перевода фольклорных текстов, Алиева приходит к выводу, что Услар по праву считается не только лингвистом, но и основоположником кавказской фольклористики.

В работе Т.А. Колосовской «К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России (вторая половина XIX в.)» в фокусе рассмотрения оказывается творческая деятельность Петра Карловича в составе Кавказского отдела императорского Русского географического общества, ставится акцент не только на научную, но и просветительскую сторону деятельности генерала – распространение грамотности среди горцев (4). Это показывает, как научная работа офицера вписывалась в более широкий контекст имперской интеграционной политики. Работы Услара, как указывает Т.А. Колосовская, стали эмпирической базой для последующих исследователей. Так, генерал А.В. Комаров при составлении своей знаменитой этнографической карты Дагестанской области напрямую опирался на лингвистические труды Услара.

Несмотря на наличие значительного объема исследований о жизни и деятельности П.К. Услара, его участие в подготовке кавказских нарративов изучено недостаточно. Целью данной статьи является анализ подготовленного им «Военно-статистического обозрения Эриванской губернии». Рассмотрим, каким образом в рамках военно-прикладного труда Услару удалось включиться в формирование представлений о полиэтничной и многоконфессиональной картине новой окраины Российской империи.

Пётр Карлович Услар родился в военной семье, а в 1837 году начал службу на Кавказе. За редкими исключениями вся его дальнейшая жизнь была тесно связана с этим краем. В 1850-е гг. офицер снова

оказался на Кавказе по долгу службы и посвятил себя изучению кавказских народов.

Тифлис в те годы превращался в крупный культурный и научный центр Кавказа. В 1851 г. усилиями наместника князя М.С. Воронцова здесь открылся Кавказский отдел Русского географического общества, и Услар вошёл в число 16 его учредителей. Он совмещал военную службу с научной работой: в 1851–1853 гг. на Западном Кавказе изучал абхазский, сванский, черкесский и убыхский языки, записывал сванские предания, а с 1858 г., выполняя поручение руководства, занялся подготовкой исторического сочинения по истории Кавказа, но увлёкшись древней историей, посвятил себя этнографии и лингвистике.

Выполняя официальное поручение, Услар изучил архивы в Кизляре, Моздоке и Георгиевске, однако в центре его внимания оказалась не история утверждения русской власти, а этническое прошлое народов Северного Кавказа (5, с. 280). Обратившись к историческим сюжетам, он пришёл к выводу, что подлинное постижение народа невозможно без понимания взаимосвязи его языка, истории и географии. «Цель истории, – писал он в письме к А.П. Берже, – объяснить, почему народ сформировался так, а не иначе... Ни языка, ни местности подделать нельзя. Это правдивые и неисчерпаемые летописцы, таковыми летописями обладают все кавказские народы, как и все народы Земли» (6, с. 6–7).

В 1850-е гг. П.К. Услар составил «Военно-статистическое обозрение Эриванской губернии» – монументальный труд, призванный дать всестороннее представление о регионе, недавно вошедшем в состав империи. Географические, статистические и этнографические сведения в этом прикладном сочинении были подчинены оценке стра-

тегического значения территории. В работе подчеркивалась исключительная важность геополитического положения Эриванской губернии, которая, «прилегая значительной частью к Турции и Персии, естественным образом должна иметь первенствующую роль в военном сообщении, в случае неприязненных действий со стороны этих двух держав» (2, с. 2).

Особую ценность представляет этнографическая часть труда, где П.К. Услар давал развёрнутую историю армянского народа – введение к описанию этнического состава края. Армения как самостоятельное государство существовала долгое время, хотя, как отмечает Петр Карлович, эта «самостоятельность была только наружной» (2, с. 137), так как страна находилась под влиянием соседних держав. Вследствие своего географического расположения Армения всегда была многонациональной: «допустив для целой Армении характер края порубежного, между Западом и Востоком, не трудно угадать, что здесь население всегда было разноплеменное» (2, с. 137).

Как пишет Услар, после Туркманчайского мира 1828 г. для Армении началась «новая эра, беспрецедентная еще в печальной летописи ее переворотов» (2, с. 146). Полученные территории, по мнению офицера, являлись «классическим краем древней Армении» и «настоящим средоточием, которое было прикрыто могуществом России от всех политических бурь, столь долго терзавших этот край» (2, с. 146).

После исторического экскурса Петр Карлович переходит к описанию населения Эриванской губернии. Описывая «моральные и умственные свойства армян» (2, с. 146), он отмечает, что прежние путешественники представляли этот народ в самом мрачном свете: «Армян принято упрекать в чрезмер-

ном корыстолюбии, готовности к любым низким средствам ради наживы, услужливости перед сильными и пренебрежении к павшим благодетелям. Их стремление к почестям объясняют лишь желанием обогащения» (2, с. 146), а выражение «христианские жиды» (2, с. 146) стало, по словам автора, излюбленным определением европейцев.

Сам П.К. Услар считает такой взгляд поверхностным. По его мнению, негативные оценки армян сложились из-за наблюдений за чиновниками, торговцами, переводчиками, которые в любом уездном городе не представили бы народ в выгодном свете. Иную картину даёт крестьянское население: «Сельские армяне трудолюбивее других жителей Закавказья, ведут весьма умеренную жизнь, строго соблюдают чистоту нравов, храбры, хотя не так приветливы, гостеприимны и покорны местным властям, как татары, зато русские найдут в них непоколебимых и преданных союзников, в минуту опасности» (2, с. 147).

Армянское население делится на несколько сословий. Дворянство в губернии представлено слабо: знатные армянские роды происходят из Эриванской губернии, но в период мусульманского правления покинули родину. В персидский период отличившиеся перед шахами армянские землевладельцы получали в управление целые округа и становились «мелехами» (2, с. 149). Власть мелехов была почти неограниченной и передавалась по наследству, ограничиваясь лишь своевременной уплатой податей и выполнением повинностей. После присоединения края к Российской империи их обязанности перешли к выборным сельским старшинам, которых по традиции по-прежнему именовали меликами.

Городские податные сословия не делились на гильдии и цехи, а на-

логи с них взимались наравне с мусульманами по общей раскладке. Сельские жители считались государственными крестьянами, но платили подати не по единому образцу.

Как отмечает Пётр Карлович, местное мусульманское население губернии «разделяется на шиитов и суннитов», а по этническому происхождению – «на так называемых татар, то есть на различные племена тюркского корня и на курдов и куртинцев» (2, с. 150).

Сунниты, проживающие в губернии, как пишет офицер, «весьма плохие мусульмане, не читают Коран, не заботятся о пророке и не пускаются с шиитами в прения о вере. Грубые суеверия заменяют у них всякие ясные, религиозные понятия; ислаимзм не оказывает решительно никакого влияния на их образ мыслей и нравственность» (2, с. 150).

К числу наиболее «прямых потомков сельджукских турок» Услар относит племена, кочующие на Сурмалинском и Сардарь-Абадском участках: айрумлинцев, зарабаханцев, агасананцев и ташанджинцев. Длительная изоляция, по его мнению, привела их к одичанию.

Курды или куртинцы в Эриванской губернии, как отмечается в работе, это часть многочисленного народа, живущего здесь с древнейших времён и за тысячелетия не изменившегося ни нравственно, ни политически (2, с. 156). Подобно многим горцам, они никогда не составляли единого политического объединения, были разделены на независимые племена с собственными старшинами и постоянно враждовали между собой. Поэтому, несмотря на отвагу и дикую храбрость, «они никогда не были завоевателями, а всегда оставались разбойничьими шайками» (2, с. 156).

Этот народ принадлежит к «числу индо-германских племен, но он пополнился еще множеством при-

шлых бродяг» (2, с. 158). Соседние народы, ненавидя их, создали легенду, которую сами курды принимают за истину: будто они произошли от злых духов дивов, запертых в ущельях древними царями Ирана. Язык курдов – «есть испорченный персидский с примесью турецких слов и древнего языка пехлеви» (2, с. 156).

В работе отмечается, что курды холодны в общении, описывая характер, офицер отмечает, что его можно охарактеризовать в нескольких чертах: «Все их общества суть просто разбойничьи шайки, и если некоторые из них живут смирно, то это только потому, что не представляется возможности приняться снова за обычное ремесло» (2, с. 159).

Русское население, как отмечается в работе, «состоит из чиновников, живущих большей частью по городам; из войск, расположенных отдельными штабами и частью разбросанных небольшими командами по всей губернии; наконец, из постоянных поселений: военного и нескольких раскольников» (2, с. 182). Раскольники, поселенные в Эриванской губернии, принадлежат к самым фанатичным сектам, но здесь, не имея возможности распространять свое учение, они постепенно успокаиваются и переходят к хозяйственной деятельности.

Езиды, как замечает Услар, «составляют совершенно особый народ, не по происхождению, а только по своим религиозным верованиям» (2, с. 183). В Эриванской губернии езиды кочуют отдельными сообществами, а их общая численность не превышает 140 семейств. Езиды держатся обособленно, выбирают для кочевий уединённые уголки, занимаются скотоводством и почти не знают земледелия. Они кротки, гостеприимны, живут в опрятных землянках, но избегают новых знакомств. Женщины у них не закрыты, трудолюбивы и нравствен-

но строги, что вызывает искреннее участие у всякого непредвзятого человека. По наблюдению Услара, вера езидов была «окутана тайной», т.е. они не только не стремились распространять её, но и всячески уклонялись от разговоров о ней. «Многие полагают, что они первоначально были христианами, — подчеркивается в обзрении, — но впали в один из расколов, возникших в Малой Азии, и были преданы проклятию на одном из тогдашних Соборов» (2, с. 184).

В заключении, на основе проведённого анализа, можно выделить несколько основных положений, которые характеризуют как саму работу, так и место П.К. Услара в истории кавказоведения.

Деятельность П.К. Услара на Кавказе представляет собой уникальный синтез военной службы, фундаментальной лингвистики, этнографии и просвещения. Его «Военно-статистическое обозрение Эриванской губернии» вышло за рамки прикладного документа и стало самостоятельным этнографическим исследованием, ценным для понимания этнического и социального состава Южного Кавказа середины XIX века.

Главное достоинство работы П.К. Услара — это последовательная попытка преодолеть господствовавшие в тот период стереотипы. В опи-

сании армянского населения региона он сознательно уходит от упрощённых характеристик, стремясь к объективности. Офицер фиксирует хозяйственные занятия, социальную структуру, культурные практики и правовые обычаи, представляя армянскую общину не как статичный объект управления, а как сложную, внутренне дифференцированную целостность. При этом Услар, оставаясь представителем российской имперской элиты, не избежал характерных для своего времени оценочных суждений, которые наиболее ярко прослеживаются в описании кочевых тюркских народов и курдов.

Тем не менее, несмотря на предвзятость ряда положений, его труд является ценным этнографическим нарративом, созданным на основе синтеза военной службы и академической исследовательской культуры в Российской империи XIX века. В целом, П.К. Услар сумел в рамках выполнения служебного задания подготовить сочинение, представлявшее интерес для фундаментальной науки. Включавшее в себя интересные наблюдения и факты, «Военно-статистическое обозрение Эриванской губернии» существенно расширяло эмпирическое знание о населении Южного Кавказа и тем самым формировало основу для дальнейшего развития отечественного кавказоведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева А.И. Петр Карлович Услар — основоположник кавказской фольклористики // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 1. С. 388–413.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 6. Эриванская губерния / [по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Ген. штаба кап. Услар]. СПб.: в типографии департамента Генерального штаба, 1853. 300 с.
3. Загурский Л.П. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // *Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества*. Тифлис: Тип. Меликова, 1881. Кн. XII. С. I–LXXXIII.
4. Колосовская Т.А. К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2022. №2. С. 55–68.
5. Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: биографический словарь. Ставрополь: Издательство «Дизайн — студия Б», 2021. 334 с.
6. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1888. 429 с.

В.А. ФОМЕНКО

(Пятигорск, Нальчик, РФ)

УЧЕНЫЕ-ИСТОРИКИ: Б.В. СКИТСКИЙ И А.А. АСТВАЦАТУРОВ

Аннотация. В настоящей статье кратко рассмотрены основные вехи научно-преподавательских биографий двух очень известных историков-кавказоведов Б.В. Скитского и А.А. Аствацатурова. Оба ученых в разные периоды жили и работали в столице Северной Осетии – городе Орджоникидзе (ныне – Владикавказ), а также какое-то время биографически имели отношение и к городу Пятигорску, расположенному на юге соседнего Ставропольского региона.

Борис Васильевич Скитский доживал свой век в городе-курорте, а Арташес Аванесович Аствацатуров в молодости обучался в аспирантуре в местном педагогическом вузе (сегодня – Пятигорский государственный университет). На примере похорон Б.В. Скитского в Орджоникидзе в Пантеоне славы отмечена характерная этнокультурная черта осетинской общественной обрядности советского и современного периодов.

Работа основана на опубликованных данных и малодоступных источниках. Приведены немногочисленные выявленные в наше время иллюстративные материалы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, XX в., историки-кавказоведы, Б.В. Скитский, А.А. Аствацатуров, биографические данные.

В работе обзорно говорится о биографиях выдающихся северокавказских историков-кавказоведов Б.В. Скитского и А.А. Аствацатурова. Оба ученых жили в Орджоникидзе (современный Владикавказ) и в Пятигорске.

Борис Васильевич Скитский родился 28.06.1884 г. в семье народного учителя в селе Яцини на Полтавщине. В 1907 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Затем он около 20 лет работал в учебных заведениях.

В 1925 г. Борис Васильевич переехал на Северный Кавказ и стал работать во Владикавказе в Горском педагогическом институте (сейчас Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова). В институте он создал кафедру истории народов СССР. Возглавлял кафедру до выхода на пенсию в 1951 г., более 25 лет. Преподавание в вузе Борис Васильевич совмещал с работой в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте

истории, экономики, языка и литературы. В 1936 г. ему было присвоено звание профессора.

Уже в начале 30-х гг. в научных поисках ученого основное место заняли проблемы общественного развития народов Северного Кавказа в эпохи Средневековья и Нового времени.

Борис Васильевич был одним из основоположников исторической науки в Осетии. Автор нескольких монографий по региональной истории (см. например: 14; 15; 16), он занимает почетное место среди самых талантливых и трудолюбивых советских ученых-кавказоведов. Значительны его заслуги и в научно-педагогическом направлении. Борис Васильевич создал крупную научную школу кавказоведов, куда вошли его выросшие студенты и аспиранты (М.М. Блиев, А.К. Джанаев, С.Д. Кулов, Н.И. Покровский, М.С. Тотоев и др.).

Б.В. Скитский дважды избирался в Верховный Совет Северо-Осетинской АССР, был награжден пра-

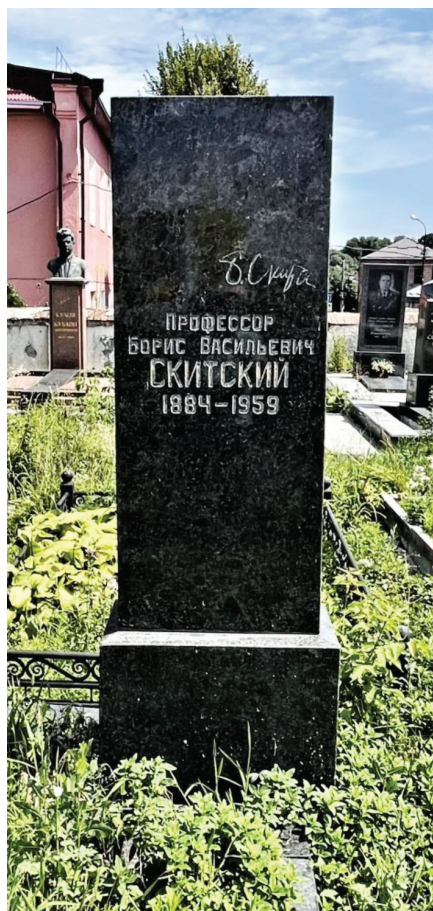

Рис. 1. Памятник на могиле Б.В. Скитского во Владикавказе.

вительственными наградами, в т.ч. двумя орденами В.И. Ленина. Ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР».

Последние годы (с 1953 по 1959) Борис Васильевич провел в городе-курорте Пятигорске, где жил и работал. Впрочем, его связь с Осетией постоянно поддерживалась. В июне 1959 г. был отпразднован 75-летний юбилей Б.В. Скитского. В то время Борис Васильевич уже серьезно болел, а 25 декабря 1959

года его не стало (9, с. 3–11; 11, с. 12–20; 17).

Друзья и ученики еще при жизни пообещали Борису Васильевичу, что после смерти увезут его тело в Орджоникидзе и в благодарность за его выдающиеся заслуги в деле науки и просвещения похоронят там с большими почестями.

Похороны прошли при участии огромного количества переживавших людей. Б.В. Скитский был погребен в Пантеоне у Осетинской церкви в южной области тогдашней центральной части города (рис. 1). На этом небольшом кладбище похоронены великий писатель Коста Хетагуров и многие другие выдающиеся сыны Осетии.

Арташес Аванесович Аставацатуров – известный историк, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Северной Осетии советского периода.

Родился 15 или 23 мая 1923 года в семье рабочего в городе Армави-ре Краснодарского края. В 1925 году с семьей переехал в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) (11, с. 72–77).

Летом 1941 г. был призван в армию (рис. 2). Был курсантом Орджоникидзевского военного училища связи. С июня 1942 г. участвовал в Великой Отечественной войне в составе Западного и Третьего белорусского фронтов. Служил офицером связи (старшим лейтенантом, позднее капитаном). Служил также в Приморской армии. Участвовал в разгроме войск империалистической Японии на Дальнем Востоке. Демобилизовался из армии 28.04.1948 г. Был награжден медалью «За победу над Японией», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (13).

После демобилизации Арташес Аванесович поступил в аспирантуру по кафедре марксизма-ленинизма Пятигорского педагогического инсти-

туда, где обучался с 1953 по 1956 г. В институте он познакомился со своей будущей женой Беллой Авалишвили (10, с. 86). В 1957 г. у них родилась дочь – Майя Арташесовна Аствацатурова [М.А. Аствацатурова – кандидат исторических и доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного университета, руководитель Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований ПГУ (8)].

В аспирантуре научным руководителем Арташеса Аванесовича был к.ф.н. доцент А.Г. Басов. Первая научная работа А.А. Аствацатурова, о создании общности экономической жизни осетинской социалистической нации, вышла в Ученых записках Пятигорского пединститута (том 13, 1956 г.).

В 1957 г. Арташес Аванесович защитил кандидатскую (7), в 1971 г. – докторскую (3) диссертации. Обе в городе Ереване, в Ереванском государственном университете.

После окончания аспирантуры Арташес Аванесович преподавал в Северо-Осетинском государственном университете, заведовал кафедрой истории советского общества. Автор и редактор книг по истории Осетии и Северного Кавказа (1; 2; 4; 5; 6; 12). Умер в 1982 (?) г. в

городе Орджоникидзе (ныне – Владикавказ).

В небольшом биографическом очерке профессор В.П. Крикунов писал об Арташесе Аванесовиче: «чрезвычайно отзывчивый, скромный, по общему мнению товарищ, достойно проявлял себя на всех участках своего пути. Заботливый воспитатель, яркий лектор, серьезный исследователь...» (11, с. 74).

Рис. 2. Арташес Аванесович Аствацатуров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аствацатуров А.А. Дружба, сотрудничество, братство. Орджоникидзе: Ир, 1969. 40 с.
2. Аствацатуров А.А. Деятельность Орджоникидзевской городской партийной организации по укреплению дружбы и интернационального единства трудящихся. Орджоникидзе: Ир, 1983. 110 с.
3. Аствацатуров А.А. Деятельность КПСС по укреплению дружбы и сотрудничества народов в коммунистическом строительстве: 1959–1965 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орджоникидзе, 1969. 507 с.
4. Аствацатуров А.А. Из опыта партийного руководства интернациональным содружеством трудящихся в автономных республиках Северного Кавказа / Науч.-исслед. ин-т при Совете министров Сев.-Осет. АССР. Орджоникидзе: [б. и.], 1970. 95 с.
5. Аствацатуров А.А. Народы-братья: очерк. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1962. 23 с.
6. Аствацатуров А.А. О формировании и развитии осетинской социалистической нации. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1963. 39 с.
7. Аствацатуров А.А. Руководящая роль Коммунистической партии Советского Союза в формировании

- вании и развитии осетинской социалистической нации: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.00. Пятигорск, 1957. 310 с.
8. Аствацатурова М.А. Наука и образование в политической и этнополитической проекциях // Журнал, открывающий мир: научно-художественное и литературно-публицистическое издание. Пятигорск, 2019, № 17–18. С. 123–125.
 9. Джанаев А.К. Введение // Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе: Институт истории, экономики, языка и литературы при Совете министров Северо-Осетинской АССР., 1972. С. 3–11.
 10. Коркин А. Почему я самый счастливый человек ... // Журнал, открывающий мир: научно-художественное и литературно-публицистическое издание. Пятигорск: ПГУ, 2019. № 17–18. С. 86–87.
 11. Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона (биографические очерки). Пятигорск: Институт экономики и управления, 2003. 99 с.
 12. Ленинизм и малые нации (посвящается 50-летию образования СССР) / ред. проф. А.А. Аствацатуров. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова: [б. и.], 1973. 356 с.
 13. Память народа. Материалы сайта. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 27.11.2025).
 14. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе: Институт истории, экономики, языка и литературы при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1972. 380 с.
 15. Скитский Б.В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. Владикавказ: Типо-фото-цинкография издательства «Растдзинад», 1930. 35 с.
 16. Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. I с древнейших времен до 1917 г. 2-е переработанное и дополненное издание. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956. 378 с.
 17. Цориева И.Т. «Разжигал страсть к познанию истории...»: Борис Васильевич Скитский. Человек. ученый. Педагог // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2015. № 18 (57). С. 103–109.

И.Г. ФОМЕНКО

(Ставрополь, РФ)

ИЗ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ И КУБАНИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматривается история создания первых женских казенных училищ на Юге России – училища Св. Александры в г. Ставрополе (1849 г.) и Кубанского Мариинского училища в г. Екатеринодаре (1863 г.). Проводится сравнительный анализ двух учебных заведений по таким параметрам, как инициаторы создания, источники финансирования, сословный состав учениц, учебные программы и дальнейшая трансформация. Выявлены общие черты, характерные для модели создания женских училищ в Российской империи (инициатива местной администрации, деятельность благотворительных обществ, покровительство императорской фамилии), а также существенные различия, обусловленные региональной спецификой. Особое внимание уделяется казачьему фактору на Кубани, который определил последующую трансформацию училища. В Ставрополе, напротив, училище развивалось по пути классической женской гимназии, подведомственной Министерству народного просвещения.

Ключевые слова: женское образование, Российская империя, Ставропольская губерния, Кубанская область, училище Св. Александры, Кубанское Мариинское училище.

В середине XIX в. в Российской империи начинает формироваться система светского женского образования. До этого времени девочки обучались преимущественно дома, либо в частных пансионатах, которые были доступны лишь дочерям дворян и чиновников. Либеральные реформы, проводимые Александром II в 1860-х гг., рост общественного движения за права женщин, создавали предпосылки для создания первых государственных и общественных женских учебных заведений (8, с. 176).

Ставропольская губерния и Кубанская область оказались в числе первых регионов, где были открыты казенные женские училища. Однако историография становления и развития здесь системы женского образования до сих пор носила главным образом локальный характер. Данная статья призвана заполнить этот пробел и провести сравнительный анализ первых

женских учебных заведений двух регионов.

До середины XIX в. система женского образования на Северном Кавказе практически отсутствовала. В Кавказской области, с 1847 года преобразованной в Ставропольскую губернию, существовали лишь частные пансионы и школы. Среди них – учебное заведение Анны Гололобовой (1837–1841), пансион Елизаветы Крупье (1839–1849), пансион Октавии Федоровой (1848–1849) и др. При этом для большинства девочек получить в них образование было невозможно, так как стоимость за обучение достигала 150–500 руб. в год. Более того, выпускницы подобных заведений не получали официальных свидетельств, которые давали бы право на педагогическую деятельность (2, с. 11).

Открытие первого казенного женского училища на Северном Кавказе инициировала супруга наместни-

ка Кавказа княгиня Елизавета Ксавьерьевна Воронцова. В 1848 г., при деятельном участии генерал-лейтенанта Н.С. Заводовского, губернского предводителя дворянства Г.С. Колонтарова, гражданского губернатора А.А. Волоцкого и епископа Кавказского Иеремии было создано женское благотворительное общество (3, с. 3).

Рескриптом императрицы Александры Федоровны от 6 июня 1849 г. общество было принято под высочайшее покровительство, а также получило согласие на устройство в Ставрополе первого на Северном Кавказе государственного женского учебного заведения – двухклассного училища с шестилетним курсом обучения. Первым председателем общества стала княгиня Е.К. Воронцова, пожертвовавшая на его начальное устройство 1000 руб. серебром (4, л. 197).

Жители Ставрополя горячо поддерживали идею развития в городе женского образования. Членами-благотворительницами общества стали 86 ставропольских дам, которые совместно пожертвовали 2561 руб. 60 коп. Лавр Павлов, коллежский регистратор, и Яков Крутицкий, купец 1-й гильдии, пожертвовали по 1000 руб. на нужды заведения и обязались оплачивать аренду помещения по 600 руб. в год в течение трех лет (3, с. 9, 14).

Торжественное открытие училища, получившего имя Святой Александры (в честь императрицы), состоялось 12 октября 1849 г. (3, с. 15). Его главной целью стало «дать основательное, в христианском духе, образование и воспитание дочерям недостаточных родителей и приготовить желающих к педагогической деятельности» (5, л. 46). Устав учебного заведения определял его задачу как «образование добрых жен и хороших матерей семейства» (3, с. 22).

Учебный курс изначально состоял из двух классов, каждый из которых длился три года. В первом классе преподавались катехизис, священная история, русский язык, арифметика, грамматика и чистописание. Во втором классе к этим предметам добавлялись география, всеобщая и российская история, а также танцы, которые изучались в последний год. Все девушки имели возможность заниматься различными видами женских рукоделий. По желанию родителей и за дополнительную плату воспитанницы могли изучать французский язык и музыку (3, с. 23).

Финансирование училища осуществлялось за счет сочетания трех источников: благотворительных пожертвований, платы за обучение и субсидий от города и приказа общественного призрения. Плата за обучение составляла 80 руб. в год для пансионеров (с полным содержанием) и 40 руб. для полупансионеров (3, с. 71–76).

Динамика численности учениц в первые годы существования училища демонстрировала устойчивый рост: в 1850 г. в учреждении обучались 78 девушек, в 1854 г. – 101, в 1860 г. – 138. Одной из ключевых особенностей училища была высокая доля воспитанниц, обучавшихся за счет благотворительных средств, которая достигала до 73 % в определенные периоды (3, с. 29–30, 42, 47).

За первые 27 лет своего существования (1849–1876 гг.) училище Св. Александры выпустило 946 девушек. Сословное распределение выпускниц выглядело следующим образом: дочери гражданских чиновников – 289, дочери казачьего сословия – 207, дочери военных офицеров – 155, дочери духовенства – 124, дочери мещан – 38, дочери почетных граждан – 16, дочери купцов – 8, дочери крестьян – 3, прочие – 6 (7, с. 194–198).

22 мая 1863 г. был утвержден новый устав, согласно которому училище Св. Александры классифицировалось как частный пансион и школа с шестиклассным курсом (3, с. 71–76).

13 ноября 1869 г. утвержден устав, согласно которому училище Св. Александры объединялось с женским училищем 1-го разряда в учебных целях. При училище Св. Александры был создан педагогический одногодичный курс для подготовки домашних учительниц и наставниц.

8 апреля 1880 г. училище Св. Александры было преобразовано в самостоятельную женскую семиклассную гимназию Св. Александры (7, с. 194–198).

Женская гимназия Св. Александры продолжала свою деятельность до 1920 года и считалась первым центром женского образования на Северном Кавказе.

В отличие от Ставропольской губернии, в Кубанской области женских учебных заведений не существовало до начала 1860-х гг. Первые упоминания о женском образовании на Кубани датируются концом 1840-х гг. и связаны с основанием Марие-Магдалинской черноморской женской пустыни, где на средства монастыря была открыта школа для 200 девочек (9, с. 43–45).

Значительную роль в подготовке к открытию первого среднего женского училища сыграл отставной войсковой старшина Александр Лукич Посполитаки. В 1862 г. он основал «Благотворительное общество А.П. Посполитаки» и пожертвовал средства, а также здание для размещения училища (9, с. 43–45).

Положение о первой средней женской школе на Кубани было утверждено императором Александром II 25 декабря 1860 г. Училище носило имя императрицы Марии Александровны и состояло под ее августейшим покровительством

(6). В документе подчеркивалось, что девочки всех классов Кубанского казачьего войска, а также лица различных званий и вероисповеданий, не относящиеся к этому войску, имели право на бесплатное образование в училище. Исключение составляли девочки купеческого сословия, с которых взималась ежегодная плата в размере 10 руб. Также в учебное заведение принимались девушки мусульманского вероисповедания. В пансион училища на полное казенное и частичное казенное содержание зачислялись дочери офицеров Кубанского казачьего войска, находящиеся в бедственном положении, в основном сироты (9, с. 43–45).

Основная цель учреждения была четко определена: «обучение и воспитание дочерей офицеров Кубанского казачьего войска, соответствующее их будущему назначению» – быть добрыми супругами, попечительными матерями и знающими хозяйками (6).

Торжественное открытие Кубанского Мариинского женского училища прошло 20 (по некоторым источникам – 25) октября 1863 г. в присутствии великой княгини Ольги Федоровны и великого князя Михаила Николаевича, который выполнял обязанности наместника императора на Кавказе и командовал войсками Кавказского военного округа (1).

Все расходы на содержание училища несло Кубанское казачье войско. Его наказной атаман и одновременно начальник Кубанской области граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон активно участвовал в открытии училища и оказывал значительную поддержку развитию народного образования на Кубани (9, с. 43–45).

Учебный план училища предусматривал недельную нагрузку в 28 часов. Учащиеся изучали Закон Божий, русский язык, арифметику, фи-

зику, химию, географию, историю, чистописание, рисование, пение и женскую гимнастику. Значительное внимание уделялось формированию навыков, необходимых для будущей семейной жизни: девочек обучали рукоделию, кулинарии, огородничеству и пчеловодству (6).

14 декабря 1902 г., по «высочайшему соизволению», Кубанское Мариинское женское училище было преобразовано в Кубанский Мариинский женский институт с семилетним курсом обучения.

После Октябрьской революции институт был закрыт: в ноябре 1918 г. он был реформирован и переименован в войсковую женскую гимназию, а в 1920 г. воспитанницы и преподаватели были распущены (6).

Училище Св. Александры в Ставрополе (1849) и Кубанское Мариинское училище в Екатеринодаре (1863) стали первыми казенными женскими учебными заведениями на Северном Кавказе. Их создание стало возможным благодаря сочетанию трех факторов: инициативы местной администрации (жена наместника в одном случае и наказной атаман – в другом), деятельности благотворительных обществ и поддержки со стороны императорской фамилии.

Общие черты двух учебных заведений проявлялись в нескольких аспектах. Во-первых, оба училища создавались «сверху» – при активном участии высших должностных лиц региона. Во-вторых, ключевую роль в финансировании играли благотворительные общества и частные пожертвования: в Ставрополе – 86 дам во главе с княгиней Е.К. Воронцовой, на Кубани – отставной войсковой старшина А.Л. Посполи-таки. В-третьих, оба училища находились под покровительством императриц (Александры Федоровны и Марии Александровны соответст-

венно). Наконец, выпускницы обоих учебных заведений по окончании полного курса получали право на звание домашних учительниц, что открывало им путь к профессиональной педагогической деятельности.

Вместе с тем, наряду с общими чертами, были и существенные различия, обусловленные региональной спецификой Ставропольской губернии и Кубанской области.

Хронологическое первенство принадлежало Ставрополю: училище Св. Александры открылось на 14 лет раньше кубанского (1849 против 1863), что подтверждает его статус первого женского учебного заведения не только в губернии, но и на всем Северном Кавказе.

Финансирование являлось ключевым отличием. Если ставропольское училище существовало преимущественно за счет частных пожертвований и платы за обучение (80 руб. в год для пансионеров, 40 – для полупансионеров), то кубанское с самого начала содержалось на средства Кубанского казачьего войска. Это делало его, по сути, войсковым учебным заведением, подотчетным не только Министерству народного просвещения, но и войсковому начальству. Следствием этого была иная платежная политика: на Кубани обучение было бесплатным для девочек всех чинов Кубанского казачьего войска, и лишь с купеческих детей взималась символическая плата в 10 руб. в год, тогда как в Ставрополе платили все, кроме благотворительных учениц.

Сословный состав учениц также различался. В ставропольском училище за первые 27 лет существования преобладали дочери гражданских чиновников (289 из 946), тогда как дочери казачьего сословия составляли 207 человек. На Кубани же, напротив, основную мас-

су воспитанниц составляли казачки, и Положение об училище прямо закрепляло приоритетное право на обучение для девочек из казачьих семей.

Учебная программа кубанского училища имела более выраженную прикладную направленность. Помимо общеобразовательных предметов и традиционного рукоделия, девочек обучали кулинарии, огородничеству и даже пчеловодству. Это отражало специфику казачьего быта и готовило будущих хозяек к самостоятельной жизни в станичных условиях. В ставропольском училище прикладной компонент был представлен в основном рукоделием.

Путь трансформации двух учебных заведений также различался. Ставропольское училище Св. Александры в 1880 г. было преобразовано в женскую семиклассную гимназию, тогда как Кубанское Мариинское училище в 1902 г. стало

институтом – более престижным типом учебного заведения (институт благородных девиц), что отражало его элитарный статус и более тесную связь с ведомством императрицы Марии Александровны.

Таким образом, при общности исходной модели создания (благотворительное училище под покровительством императрицы) региональные особенности, прежде всего наличие на Кубани мощного казачьего сословия с собственной финансовой базой, привели к формированию двух различных траекторий развития женского образования на Юге Российской империи. Ставропольское училище пошло по пути классической женской гимназии, подведомственной Министерству народного просвещения, тогда как кубанское превратилось в институт благородных девиц – элитное учебное заведение, ориентированное на подготовку дочерей казачьей офицерской элиты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 25 октября 1863 года было открыто первое на Кубани женское среднее учебное заведение – Кубанское Мариинское училище // МУК ЦБС города Краснодара: сайт. URL: <https://www.neklb.kubannet.ru/index.php/novye-postupleniya-detskoj-otraslevoj-literatury-2015/8-materialy/11697-25-oktyabrya-1863-goda> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Беликов Г.А. Ставрополь. Своя строка в истории. Кн. II. Ставрополь: Фонд имени В.Д. Беневого, 2003. 160 с.
3. Бентковский И.В. Обзорение XXVII летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Св. Александры // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. VIII. Ставрополь, 1877. 262 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 68. Оп. 1. Д. 1090.
5. ГАСК. Ф. 309. Оп. 1. Д. 17.
6. Девицы благородные – опыт женского образования на Кубани // Аргументы и Факты: сайт. – URL: <https://kuban.aif.ru/culture/details/101061> (дата обращения: 24.04.2026)
7. Стрелов В.И. Первое женское среднее заведение Ставропольской губернии (К 150-летию со дня открытия учебного заведения Св. Александры) // Ставропольский хронограф на 1999 г. Ставрополь, 1999. С. 194–198.
8. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60 гг. XIX в. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
9. Трехбратов Б.А., Трехбратова С.А. Генезис женского образования на Кубани (40-е годы XIX – начало XX в.) // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 4 (55). С. 43–45.
10. Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004. 309 с.

Н.Д. ЧЕКУЛАЕВ

(Махачкала, РФ)

О ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА С СЕВЕРОКАВКАЗСКИМИ ГОРЦАМИ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. В статье на основе архивных документов XVIII в. раскрывается история взаимоотношений северокавказских горцев и российского казачества (терских, гребенских и терско-семейных казаков). В данной публикации уделяется внимание торгово-экономическим связям горцев и казаков. В рассматриваемый период торговля между обеими сторонами сводилась к меновой торговле. Ассортимент товаров был разнообразен: лошади, провиант, ткани, кожи, посуда и т.д. Необходимо подчеркнуть, что главным товаром того времени были лошади. Причиной этого было то, что это был основной вид транспорта того времени. Как показывают архивные документы, российское казачество регулярно занималось закупкой всего необходимого для нужд императорского двора в г. Санкт-Петербурге – лошадей, провианта. Значительное место в торгово-экономических взаимоотношениях северокавказских горцев и российского казачества занимали ногойцы, которые за денежную плату предоставляли транспортные средства.

Ключевые слова: Дагестан, Кизлярская крепость, казаки, горцы, торговля, базар, лошади, хлеб.

Огромную роль в установлении и упрочении отношений между различными народами, проживавшими по соседству, но при этом совершенно разными в религиозном, этническом и культурном образе жизни на Северном Кавказе сыграла торговля. Торговые контакты между проживавшими в регионе северокавказскими горцами и российским казачеством благоприятствовали сближению и установлению добрососедских отношений. Торгово-экономические взаимоотношения ногойцев с народами региона, в частности с казаками и Россией, в рассматриваемый период развивались в русле сложных и противоречивых внутри- и внешнеполитических событий на Северном Кавказе. Их стабильность и неуклонное расширение было обусловлено общностью экономических интересов как народов региона, так и России.

Хранящееся в Центральном Государственном архиве Республики Дагестан военное делопроизвод-

ство Кизлярской крепости красноречиво свидетельствует о том, что между российским казачеством и северокавказскими горцами осуществлялись тесные торговые контакты (2, л. 6–6 об., 132; 6, л. 101–101 об.; 9, л. 107).

В этот период торговля между казаками и горцами носила характер меновой торговли, т.е. горцы обменивали свои товары на товары казаков. Основными объектами меновой торговли были скот, хлеб, соль, ткани, бурки, шерсть, лес. Самые известные меновые дворы были при станицах Боргустанской и Баталпашинской.

Вот как о ходе меновой торговли между горцами и казаками сообщают документы. Так, в июне 1766 г. казаки сообщили в кизлярскую комендантскую канцелярию о своих торговых контактах с горцами: «Назад тому месяца с два андреевского владельца Темира Хамзина сын называемой хан с узденями своими приехал против нашей Каргалинс-

кой станицы и привел с собою двух, а не трех буйволов и потому я согласясь той же станицы с казаками служащими Григорием Чимигуновым, Федолой Макеевым, и отставным Иваном Хохлачевым к вымену, той скотины пришед я и отставной казак Хохлачев на форпост и у бывшего при том форпосте драгунского полка подпрапорщика Бухарева просились, чтоб пропущены были мы на ту сторону Терека с обещанием ему Бухареву, когда ту скотину выменные ж отдать с оной ему Бухареву с каждой скотины по тридцати по пяти копеек, почему он нам переехать и дозволил и потому мы переехав тех скотины выменяли на рогатой худшей скот, а именно буйволов я Климов и отставной казак Хохлачев на три и молодые бычки, а быков по два казака Чимигуновым и Макеевым скотина в скотину, но весьма противу выменных худую...» (8, л. 49–49 об., 52–52 об., 54–55 об.).

Согласно приказу кизлярского коменданта от 23 января 1740 г., гребенских казаков пропускали на ту сторону реки Терек в Брагунскую деревню ради мены хлеба, и при этом казаков пускали по два человека на сутки, «а как из помянутой деревни помянутые казаки обратно в Щедрин придут, то потому ж других отпускать и по силе от присланного от вашего благородия приказу исполнение чинить неотменно буду» (2, л. 6–6 об.).

Согласно положению, при меновой торговле «требовалось ограждать горцев от всяких обид, притеснений, обманов, чтобы вселить в них полное доверие к русским. В соответствии с расписанием к меновым дворам допускались следующие товары: лошади, овцы, козы, скот, кожи сырые лошадей, волов, коз, барсука, выдры, зайца, лисы, куницы, хорька, медведя, шакала, волка. Привозились тупулы

из мерлушек и овчин, ремни и конская сбруя, шерсть овечья, бычья, верблюжья, сукно горское, суконные кафтаны, чекмени, черкески, башлыки, шаровары, ковры, паласы, бурки, кошмы, травяные рогожки, ножи, ружья, пистолеты, сабли, кинжалы, луки, стрелы, панцири и шишаки, посуда глиняная и медная, дерево ореховое и чинаровое в бревнах, поленах, досках, седельные арчаки в оправе и без оправы, табак листовой, мед, воск, масло говяжье, сыр, мыло, орехи, сало говяжье и баранье, фрукты свежие и сухие, вино виноградное, лук и чеснок, хлеб всякий, пшено, бобы, горох, мак, чечевица, сено, арбы, рыба вяленая и икра, оленье рога, составные части ружей и пистолетов» (1, с. 245). Прибывающие на меновые дворы торговцы за установленную плату обеспечивались лавками и местами для проведения торговли.

С течением лет торговые контакты набирают обороты: из обменных они преобразовываются в торговлю за деньги. Но долгое время продолжал превалировать обмен. Наряду с русским рублем эквивалентом денег являлась соль.

Естественно, что казаки и горцы осуществляли и тайные торговые операции. Так, добыча и продажа соли была монополией государства, но предприимчивые казаки, на землях которых находились соляные озера, осуществляли контрабандную торговлю с карачаевцами и другими народами Северного Кавказа. Карательные мероприятия были жестоки. Однако горцы упорно шли на этот шаг, потому что, во-первых, соль, продаваемая казаками, была дешевле, чем по государственным расценкам, а, во-вторых, под видом торговли солью осуществлялась продажа оружия, пороха и пуль, которая официально была запрещена.

Контрабандная торговля солью осуществлялась, однако, не только казаками, но и самими царскими чиновниками, призванными следить за порядком. Так, на заведующего Баталпашинским меновым двором была подана жалоба о том, что он тайно от приставов спекулировал солью.

Помимо торговли в меновых дворах, осуществляемой 1–2 раза в неделю, и ярмарок, проходивших дважды в год, возникали стихийные базары, которые способствовали увеличению товарооборота.

Кроме Баталпашинской ярмарки горцы со временем стали посещать и более отдаленные, – Пятигорскую, Георгиевскую.

Таким образом, можно констатировать, что активное развитие торговых отношений способствовало вытеснению меновых дворов ярмарками и базарами. Процветанию торговли способствовала и отмена крепостного права, ломка натурального способа производства. Многие семьи начинают ориентироваться на товарно-денежные отношения, а потому производство продуктов сельского хозяйства ориентируется на продажу. Торговля способствует увеличению производительности труда и улучшению, повышению жизненного уровня населения.

Карачаевцы активно посещали не только Баталпашинские, Суворовские, Зеленчукские ярмарки, они также выезжали и были постоянными участниками ярмарок на Терек – Горячеводской, Георгиевской и других; снабжали скотом, продуктами скотоводства и ремесла города-курорты Пятигорск и особенно Кисловодск.

Кроме скота и шерсти, а также изделий из шерсти, карачаевцы поставляли лес и деревянные изделия, в частности, посуду. Потребителем дерева было, в основном, казачье население.

Они покупали привозимые с Тербердинских аулов кадушки, корыта, брусья, жерди и дрань. Жители Мавры как Верхней, так и Нижней, вывозили на продажу дрова.

Увеличение количества карачаевского населения, при сохранявшейся на прежнем уровне запашке земли, несмотря на значительные прирезки карачаевскому обществу из государственных фондов, приводило к сохранению хлебного дефицита. В связи с этим карачаевские крестьяне-скотоводы покупали у земледельческого населения (главным образом у казаков), необходимый для питания объем хлеба.

Помимо хлеба карачаевцы покупали ткани, как хлопчатобумажные (ситец, бязь), так и шелк, бархат, шерстяные. Женщины охотно носили привозные пледы, заменявшие им пальто. Карачаевцы также покупали керосиновые лампы. Помимо бытовых товаров, карачаевцы приобретали качественно новые орудия труда: заводские плуги, бороны, косы.

Карачаевцы, приезжавшие в казачьи станицы, замечали, что помимо ярмарок, проходившихся дважды в год, у казаков проходили каждую неделю базары. Это новшество было быстро перенято и в скором времени в Историческом Карачае также был открыт базар, который, как и у казаков, проводился по четвергам. Этот базар собирался у слияния рек Учкулан и Хурзук на площадке, где пересекались дороги на Учкулан, Хурзук и Карт-Джурт.

Посещались эти базары и казаками, которые привозили картофель, капусту, огурцы и арбузы, пшеницу, кукурузу. Карачаевцы по-прежнему пригоняли на базар лошадей, крупный и мелкий скот; женщины привозили изделия из шерсти.

Активизация торговли привела к тому, что и в Джегутинском ауле был открыт базар, по примеру Учкуланского.

Процесс активного участия в торговле с казаками способствовал увеличению роста благосостояния народа. Торговые связи с карачаевцами также благоприятно сказались на жизнедеятельности верхнекубанских казаков. Они стали засеивать больше хлебных злаков, так как карачаевцы были основными их покупателями.

Как карачаевцы, так и казаки благодаря торговле смогли повысить благосостояние, они активно участвовали в торговле, реализуя продукцию со своего подворья: овощи и фрукты, кур, гусей, индюков.

Контрабандная торговля солью между казаками и карачаевцами была успешной и приносила обоюдную выгоду. С одной стороны, казаки получали дополнительный доход, а карачаевцам покупка соли оборачивалась дешевле, поскольку государственные расценки были в несколько раз выше (1, с. 246–250).

Одним из главных товаров подобной торговли на всем протяжении XVIII в. оставались лошади (6, л. 205). Документы военного делопроизводства сообщают о многочисленных приездах горцев в казачьи станицы, так и ответные поездки казаков в горские аулы с торговыми целями. Весной 1740 г. в Новогладковский городок из аула Аксай приехали горцы для мены с просом и тканями (3, л. 1), а в марте 1740 г. из горских жилищ в Щедрин прибыли дагестанцы с разнообразным товаром (3, л. 38, 59–59 об.).

В 1744 г. в аул Кубачи с торговыми целями поехал подполковник Раслаббек Шейдяков (4, л. 73–73 об.). По указанию коменданта Кизляра осенью 1756 г. ротмистр Алиш Киялкаев отправился в аул Эндирей для приобретения ячменя (5, л. 97–97 об.). По приказу коменданта Кизляра весной 1762 г. ротмистр Михаил Макаров ездил в Аксай к местным правителям для покуп-

ки ясырей (6, л. 154 об.). 29 апреля 1762 г. ротмистр Александр Киреев для нужд коменданта Кизляра в Дагестане в ауле Казанище приобрел персидской породы темно-серого жеребца (6, л. 148).

Кроме того, неоднократно в Кизлярскую крепость из Дагестана приезжали горцы для занятия кузнечной работой (14, л. 59).

В рассматриваемое время отдельные жители чеченских деревень, главным образом из имущей части населения, постоянно занимались добычей нефти и её продажей своим соседям, в том числе казакам (6, л. 174).

Архивные документы сообщают, что казаки ездили в Дагестан для покупки для нужд Высочайшего двора Ея Императорского Величества разного рода товаров. Так, 21 июня 1762 г. ротмистр Александра Киреев покупал у владельца Костековского княжества для охоты императрицы Екатерины II способных лошадей (2, л. 163–163 об.).

1 сентября 1764 г. мурза Алиш Киялкаев вместе с татаринном Ага Киши Аджи Исмаиловым ездили к владельцу Костека Алишу Хамзину и к шамхалу Тарковскому Муртузалию для покупки к высочайшему Ея Императорского Величества двору фруктов (7, л. 150), а 17 августа 1782 г. и 26 августа 1783 г. с подобной целью в аул Карабудах ездили мурза Батырмурза Шейдяков с казаками и астраханского гиянского двора татаринном Агакиши Аджиисмаиловым и «при нем в помощи заводчик Николаем Ефимовым» (11, л. 59–59 об.; 12, л. 41–41 об.).

15 августа 1762 г. для покупки для нужд императорской армии лошадей в Кабарду ездил ротмистр Александр Киреев с командой (6, л. 71–72).

30 декабря 1782 г. мурза Алиш Киялкаев поехал в Тарки купить для личных нужд князя и генерал-

порутчика П.С. Потемкина лошади (2, л. 82).

28 мая 1785 г. в Дагестан отправился дворянин Алексей Мещеряков для покупки для нужд коменданта Кизлярской крепости лошадей (19, л. 254–255).

19 февраля 1776 г. дворянин Иван Батырев и заводчик Петр Долгов по указанию коменданта Кизляра И.И. Штендера отправились к шамхалу Тарковскому приобрести в ауле Карабудах «лучшие деревья» (10, л. 1, 2).

Следует подчеркнуть, что немаловажная роль в обеспечении всех транзитных сухопутных перевозок товаров Кавказа принадлежала ногайцам. В экономике Северного Кавказа ногайцы занимали значительное место. Помимо продажи в Кизлярскую крепость хлеба, ногайцы в течение всего XVIII столетия большую роль играли в перевозке товаров. Они на своих арбах перевозили казенные и частные грузы от Серебрянской пристани на Каспии на левый фланг Кавказской линии, из Кизляра в Астрахань, Тифлис, Моздок, другие города и обратно.

Ногайцы должны были поставлять арбы для перевозки провианта, фуража и почты от Кизляра до Астрахани, в том числе и в казачьи станицы. Поэтому они были разделены на 13 аулов. Кроме того, воен-

ные власти регулярно нанимали арбы для доставки провианта, фуража с различных морских пристаней в провиантские магазины как в Кизляре, так и в казачьих станицах. Архивные документы перечисляют ногайские аулы, которые постоянно предоставляли в наем свои арбы: Асав, Наиманов, Кипчаков, Телев, Тугунчиев, причем число арб от каждого аула было разным – начиная от 6 и до 30 арб. Казаки наравне с регулярными военными чинами занимались разгрузкой прибывающих к каспийскому побережью казенных или купеческих судов из Астрахани и погрузкой провианта, фуража и прочего на ногайские арбы (15, л. 52–52 об., 66–66 об.; 16, л. 22, 24–24 об., 88–88 об., 91–91 об., 94.; 17, л. 4, 20, 10, 24, 33, 49–49 об., 60, 111; 18, л. 3–5, 21–21 об., 37, 44, 48–48 об., 53, 65–65 об., 75–75 об.).

Руководство Кизлярского Терского войска отдало на откуп российскому купцу Афанасию Чернову изготавливаемый из пойманной рыбы ногайцами рыбный клей (13, л. 132–135).

Таким образом, завершая рассмотрение данного вопроса, считаем необходимым подчеркнуть, что торговля и экономические взаимоотношения способствовали сближению между собой российского казачества и северокавказских горцев и укреплению их добрососедских взаимоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Текеева З. Х., Юрченко Н. И. Торговые отношения карачаевцев и верхнекубанских казаков во второй половине XIX века // Народы Кавказа: история, этнология, культура. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием к 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2014. С. 244–253.
2. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 46.
3. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 47.
4. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 77.
5. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 89.
6. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524.
7. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 565.
8. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 624.
9. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 853.
10. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 979.
11. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1183.
12. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1196.
13. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1208.
14. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1209.
15. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 2.
16. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 6.
17. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 7.
18. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 8.
19. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13а.

О.И. ШАФРАНОВА, Н.Р. ФРОЛОВА

(Ставрополь, РФ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

(по материалам «Ставропольских епархиальных ведомостей»)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Ставропольской епархии Русской Православной Церкви во время русско-японской войны 1904–1905 годов и ее отражение в местной прессе. Анализируются основные направления работы епархиального духовенства и руководства по организации сбора пожертвований на нужды армии и флота, помощь церкви в устройстве лазаретов, подготовке медицинского персонала, забота церкви о патриотической социализации подданных через беседы и молебны прихожан. Деятельность Ставропольской епархии РПЦ широко освещалась в главном рупоре епархии – Ставропольских епархиальных ведомостях. На основе периодической печати авторы показывают вклад Ставропольской епархии в поддержку морального духа и материально-технического обеспечения армии в условиях военного времени. Делается вывод о том, что деятельность епархии стала значимым фактором в консолидации общественных сил, оказала существенную поддержку государству в годы русско-японской войны.

Ключевые слова: русско-японская война 1904–1905 гг., Русская Православная Церковь, Ставропольская епархия, Ставропольские епархиальные ведомости, благотворительность.

Русско-японская война 1904–1905 гг. для России стала военным и социально-политическим потрясением, обнажившим большие внутрироссийские проблемы государственного и общественного устройства. В это время стал очевиден кризис самодержавия, вылившийся в революцию 1905–1907 гг., все перечисленные события являются звеньями одной цепи.

К 1905 г. Ставропольская епархия была одной из крупнейших на юге России, объединяя более 500 храмов и около 2000 священнослужителей (10). Вдали от Дальневосточного театра военных действий Ставропольская епархия развернула масштабную работу помощи армии. Деятельность епархии осуществлялась по следующим направлениям: благотворительная, военно-патриотическая и духовно-нравственная работа, организация помощи раненым и создание лазаретов. Изучение этого опыта, зафиксированно-

го на страницах официального печатного органа епархии, позволяет реконструировать важную страницу истории Ставрополя, подчеркнуть вклад духовенства в дело защиты Отечества.

Историография изучаемой тематики отличается лаконичностью, изучение деятельности РПЦ во время русско-японской войны отражено по большей части в специальной и региональной литературе (1; 2; 3; 4; 5; 7; 9).

В ночь с 26 на 27 января 1904 года Япония атаковала Тихоокеанский флот, стоявший на рейде в Порт-Артуре, вслед за этим последовало объявление Японией войны России. В этот же день последовал Высочайший Манифест об объявлении войны Японией России №4 от 16 февраля 1904 г. (11, с. 145–146).

С получением известий о начале войны по всей стране прокатилась волна подъема патриотических настроений. Ставропольская епар-

хия, которую в этот период возглавлял архиепископ Агафодор (Преображенский), сразу же включилась в общегосударственные мероприятия по оказанию помощи фронту.

Выпуски №4 и №5 «Ставропольских епархиальных ведомостей» представляют для историков наибольший интерес, так как они содержат в себе большее количество информации, связанной с военным конфликтом на Дальнем Востоке. Одним из главных направлений деятельности церкви стал сбор финансовых средств для нужд армии. Уже в первые дни войны по императорскому повелению через главное управление Российского общества Красного креста в епархиях начинается сбор пожертвований. Так, уже 3 февраля 1905 г. в Ставропольскую духовную консисторию поступило отношение от Главного управления Красного креста.

В официальном отделе №4 помещены Манифест императора, ознаменовавший начало войны с Японией; «Положение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Агафодора, епископа Ставропольского и Екатеринодарского на имя Ставропольской Духовной Консистории, от 16 февраля сего года за №753, призывавшего все епархиальные духовные учреждения принять участие «в посильных пожертвованиях на санитарные нужды действующей нашей армии и флота»; «Определение Святейшего Синода от 28 января 1904 года за №409 по Высочайшему Манифесту о войне с Японией», предписывающее епархиальным властям ознакомить население с этим манифестом. В отделе неофициальном помещено «Слово в день Сретения Господня и по случаю начала войны с Японией» ректора Семинарии протоиерея П. Смирнова, в котором говорится о том, что Россия одна вынуждена вести войну против напавшего

на нее противника. При этом автор подчёркивает: «Обратив лик Христов, на руках её держимый, ко всем народам мира, смело может воскликнуть она им всею своей историей: Разумейте, языцы!» (11, с. 175). В этих словах прослеживается идея богоизбранности Российской империи: приписывание стране великой миссии по спасению духовной составляющей во всем человечестве.

№ 5 от 1 марта 1904 года (12) содержит распоряжения насчет организации сбора пожертвований для раненых солдат, нужд армии и флота: «Определение Святейшего Синода. Об установлении особого пожертвования по всем церквям Российской Империи в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке», «Определение епархиального начальства. О сборе пожертвований на нужды правительства на время войны с Японией». Это свидетельствует о том, что государство стремилось организовать население епархии, сплотить его общие усилия для помощи фронту.

Следует отметить, что ведомственная епархиальная печать в номерах, выпущенных до начала военного конфликта на Дальнем Востоке, не освещала проблему взаимоотношений с Японией (6, с. 238). Проанализировав с помощью контент-анализа материал первых «военных» номеров №4 от 16 февраля и №5 от 1 марта, содержащих наибольшее количество сведений, посвящённых войне, можно сделать следующий вывод: Русская Православная Церковь обращала больше внимания не на политику, а на оказание помощи тем слоям населения, которые пострадали из-за этой войны. Так, в № 4 политически окрашенное слово «война» упоминается 10 раз, в №5 – 4 раза; в то время как отражающая благотворительную деятельность Церкви, вызванную военным временем, фраза

«больные и раненые воины» употребляется в №4 2 раза, в №5 – 6 раз; словосочетание «сбор пожертвований» в №5 встречается 11 раз.

О православных священниках, служащих на фронте, в «Ставропольских епархиальных ведомостях» есть немного информации, которая в основном представляет собой пересказ материала из «Московских ведомостей». В качестве примера можно привести статью «Наши пастыри на войне» (13, с. 1216–1219).

В №1 от 1 января 1905 г. помещено «Слово на канун Нового года (на всенощном бдении)», которое было произнесено в Андреевской церкви города Ставрополя-Кавказского при архиерейском служении (14, с. 29–37). Дьякон Николай Стенковский, подводя итоги уходящего 1904 года, характеризует русско-японскую войну как ужасный кровопролитный конфликт: «Даже и в том случае, если эта война окончится нашей победой, в чем не сомневаются истинно русские люди <...> – и тогда много останется несчастных вдов и сирот, раненых и увечных воинов, <...> пред стенами и воплями которых должны умолкнуть все наши победные песни». В этих словах прослеживается мысль о том, что какой бы великой ни была победа, она не может быть оправдана огромным количеством искалеченных жизней. В этой проповеди ярко прослеживается рисуемый Русской Православной Церковью образ врага – японцы-язычники, сражающиеся против русских православных христиан.

Высказанный С.С. Ольденбург тезис о непопулярности войны среди верхушки общества подтверждается тем, что в номерах за 1905 г., особенно за август-сентябрь, не было опубликовано официальных манифестов, объявляющих о завершении русско-японской войны (8). Это также связано с тем, что гово-

рить о поражении в войне и заключении непопулярного Портсмутского мирного договора 23 августа 1905 г. неудобно для власти и в некоторой степени противоречит тем воодушевляющим лозунгам и призывам, высказанным в начале войны на страницах центральной и региональной прессы. Назревавшие в стране революционные события перетягивают на себя все внимание, поэтому ведомственная епархиальная печать начинает освещать уже другие события, иллюстрируя их манифестами Николая II от 5 и 17 октября 1905 г.

Ставропольская епархия разделяла и поддерживала внешнюю политику, проводимую императором Николаем II в условиях войны с Японией, что отражено на страницах региональной ведомственной печати – публикация манифестов государя, важных распоряжений Синода. Это связано с тем, что со времён Петра I церковь была подчинена государству. С помощью проповедей, статей и речей, приуроченных к важным церковным праздникам, Церковь стремилась сплотить народ перед лицом всеобщей угрозы, мобилизовать все возможные силы для помощи фронту. В тоже время Русская Православная Церковь соработничеством с государственной властью воплощала известную формулу «Православие, самодержавие, народность», действуя вместе с властью, с народом и во благо народа и Отечества. Ставропольская епархия внесла огромный вклад в консолидацию общества во время войны, вела большую благотворительную работу, помощи раненым и больным воинам, а также их семьям. В этом и заключалась деятельность Русской Православной Церкви в лице Ставропольской епархии во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жукова Л.В. Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 148–164.
2. Исакова Е.В. Русское военное духовенство в войне с Японией 1904–1905 гг. // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. СПб., 1998. С. 131–148.
3. Кашеев А.В. Изменение конфессионального состава военного духовенства Российской Империи в 1904–1914 гг. В сб.: Российские и славянские исследования. Вып. 11. Минск: БГУ, 2016. С. 99–103.
4. Кострюков А.А. К истории служения военного духовенства в годы Русско-японской войны // Православная культура в России: прошлое и настоящее: по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений. М., 2007. С. 135–145.
5. Курбатов О.А. Деятельность военного духовенства осажденной крепости Порт-Артур в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // История науки и техники. 2018. №6. С. 58–63.
6. Лепилкина О.И., Макарова О.А. Специфика освещения русско-японской войны в журнале «Ставропольские епархиальные ведомости» (1904–1905) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-osvescheniya-russko-yaponskoj-voyny-v-zhurnale-stavropolskie-eparhialnye-vedomosti-1904-1905> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Нечаев М.Г. Помощь уральского духовенства действующей армии в годы Русско-японской войны // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2014. Вып. 4. С. 46–61.
8. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II: в 2 т. Т. 1. Нижний Новгород: Черная Сотня, 2013. 779 с. URL: <https://clck.ru/3S2W9V> (дата обращения 01.03.2026).
9. Остаев Х.Т. Структура военного духовенства в годы русско-японской войны // Актуальные проблемы всеобщей истории, исторической политологии и востоковедения. Владикавказ, 2022. С. 93–100.
10. Пантюхин А. Обновленческое движение русской православной церкви 20–40 годы XX вв. (на примере Ставрополя и Терека. URL: <https://mybook.ru/author/aleksandr-pantuyhin/obnovlencheskoe-dvizhenie-russkoj-pravoslavnoj-cer/> (дата обращения 25.05.2026).
11. Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь-Кавказский: Типография Т.М. Тимофеева, 1904. № 4. 16 февраля. URL: <https://clck.ru/3SDsKV> (дата обращения 01.03.2026).
12. Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь-Кавказский: Типография Т.М. Тимофеева, 1904. №5. 1 марта. <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/40/df/40df3372-d3a7-4b76-b3f8-25e977357640.pdf> (дата обращения 01.03.2026).
13. Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь-Кавказский: Типография Т.М. Тимофеева, 1904. №21. 1 ноября. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/aa/0d/aa0d5bf2-038c-4ed2-bda3-bedd0ebb554c.pdf> (дата обращения 01.03.2026).
14. Стенковский, Н. Слово на канун Нового года (на всенощном бдении) // Ставропольские епархиальные ведомости. 1905. №1. 1 января. С. 29–37. URL: <https://clck.ru/3SDA7K> (дата обращения 01.03.2026).

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

САВЕНКО С.Н.

(Кисловодск, РФ)

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ПАМЯТИ СТРАНИЦЫ...

(К 75-летию со дня рождения профессора
Сергея Леонидовича Дударева)

Вот и наступила та «коронная» юбилейная дата, до которой очень хотел дожить в обычных для него, как трудолюбивого и продуктивного ученого-кавказоведа и общественного деятеля его масштаба и характера, напряженных делах и заботах, Сергей Леонидович Дударев. Для меня, как, думаю, и для многих других моих коллег и друзей из научно-педагогической Школы профессора Виталия Борисовича Виноградова (1938–2012), этот юбилей мудрости и опыта пришел не только без него, но и с НИМ! И это несмотря на то, что в действительности его уже с нами нет на этой Земле почти полтора года. Определяя дальнейшие перспективы деятельности нашего творческого и дружеского объединения с членами его актива, планируя традиционные и новые формы, мы постоянно вспоминали и вспоминаем Сергея Леонидовича, обращаемся к опыту его работы в качестве руководителя Школы в течение более 10 лет, сверяем планы с уже реализованными делами и как бы советуемся с ним.

В ходе этого, да и по разным другим поводам, я часто вспоминаю те многочисленные страницы своей судьбы, на которых наши пути соприкасались и перекрещивались. О различных таких ракурсах и ситуациях мне уже доводилось писать (1; 2; 3 и др.), но они вновь и вновь всплывают в памяти с дополнительными деталями. А бывает, что вдруг вспомнится и то, что долгое время находилось где-то глубоко, в стороне, в «долгом ящике» сознания. Помогают в этом и обнародованные воспоминания других ребят – «Кружковцев», «Семинаристов», «Школьников» и просто коллег и друзей извне указанных структур совместной жизнедеятельности. Этими короткими и более

продолжительными страницами из памяти хочется поделиться в небольшом допустимом объеме еще одной мемориальной статьи в связи с значимым юбилеем ученого и старшего друга. Конечно, насколько это возможно, буду стараться не повторяться, сосредотачиваясь не только и не столько на деловом научном сотрудничестве.

После личного знакомства в г. Грозном осенью 1975 г. мы не только нередко стали оказываться вместе в полевых выездах, в экспедициях в Чечне и на Кавминводах, бывать на заседаниях нашего научного кружка, студенческих и взрослых конференциях, о чем я уже упоминал и сообщал в предыдущих мемориальных статьях и заметках,

но и поддерживали достаточно тесные личные контакты. Еще в студенческие годы, когда я еще проживал в общежитии в грозненском микрорайоне «Минутка», мне доводилось бывать у него дома по адресу: ул. Коммунистическая, 29, пользоваться гостеприимством и добрым расположением его и его родителей и,

Сергей Леонидович Дударев

прежде всего мамы – Зинаиды Сергеевны. Отец – Леонид Иванович – также явно проявлял интерес к нашим контактам и, казавшийся мне серьезным и даже строгим, старался быть ко мне приветливым и добродушным. Уже тогда иногда по особым случаям меня угощали и даже пару раз сажали за общий семейный стол. Мне кажется, что я и сейчас ощущаю вкус пирогов с повидлом Зинаиды Сергеевны...

Внешне эти люди не казались мне очень пожилыми, хотя, как позднее выяснилось, по возрасту нас разделяли более полувека. В моей собственной большой семье Савенко мой дед Сергей Гаврилович был старше меня ровно на 50 лет, и я его ощущал совсем по-другому. До того, как Леонид Иванович

ушел из жизни в 1984 году, я и не думал, что Сергей Леонидович был у него и у Зинаиды Сергеевны столь поздним ребенком и, конечно, в том числе поэтому, особо любимым. Мне запало в память впечатление, что родители с мнением Сергея Леонидовича уважительно считались, разделяли его позиции и заботы. Но нужно подчеркнуть, что и родители пользовались искренней любовью и благодарностью сына. Об этом свидетельствует, в частности, то, что свою первую научную монографию «Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром», вышедшую еще в Грозном в 1991 г. (4), С.Л. Дударев посвятил «светлой памяти отца», а очередную книжку 1995 года – «дорогой памяти матери» Федоровой Зинаиде Сергеевне (1914–1991) (5). Мне приятно осознавать, что обе эти книги были подписаны мне вскоре после их выхода в свет, как «Дорогому Сергею Николаевичу...» с добрыми воспоминаниями о встречах и совместной работе. Определенным памятником родителям является и специальная книга мемуарного характера о жизни в г. Грозном, изданная в 2008 г. (6), хотя посвящена и адресована она детям Сергея Леонидовича – Елене и Дмитрию.

Когда в 1977 г. был сформирован Кисловодский отряд Предгорно-Плоскостной археологической экспедиции под руководством С.Л. Дударева, он тесно сошелся и с моими родителями, прежде всего потому, что два сезона (1977–1978 гг.) во время работы отряда в Кисловодске и окрестностях весь отряд базировался в старом доме и дворе моих отца и матери. Отец – Савенко Николай Сергеевич (1927–2006) – с интересом расспрашивал явно понравившегося ему молодого и разумного начальника о жизни в Грозном, о его родителях и т.п. По вечерам за нашим домашним столом кужи-

ну нередко выставлялись недавно собранные отцом грибы, приготовленные мамой – Ниной Петровной (в девичестве – Кулешовой), другие угощения и традиционно – для добрых гостей и родственников – домашние настойки, производимые семейным тандемом моих родителей. Затем, и много лет спустя, Сер-

хеологии, местного краеведа и археолога-любителя, основателя и руководителя Кисловодской археологической секции (КАС) – Николай Николаевич Михайлов (1902–1971). Так было, в частности, в День археолога 15 августа 1977 г., когда после сильнейшего ливня, приведшего к очередному наводнению и

С.Л. Дударев (справа) и С. Савенко на фоне скалы «Замка коварства и любви» в Аликоновском ущелье. Кисловодск. 1977 г.

гей Леонидович часто вспоминал эти, действительно очень «благородные» по вкусу и действию, самодельные напитки.

Сергей Леонидович и сам часто выступал щедрым руководителем отряда, выделяя часть очень скромных кафедральных денег, а, в основном, своих собственных средств, для приглашения нас – студентов (Я. Березин, Д. Чакхкиев, Т. Власова (Нераденко), С. Махортых, А. Иманова и я) на разные «торжественные ужины» в редкие тогда в курортном городе кафе и даже в ресторан «Театральный». А еще мы с удовольствием навещали добрую, контактную и хлебосольную Марту Кузьминичну Михайлову – вдову нашего с Яковом Борисовичем Березиным первого наставника в ар-

некоторым разрушениям в историческом и административном центре Кисловодска, мы все же добрались на относительно новую еще тогда квартиру Марты Кузьминичны на втором этаже пятиэтажного дома под номером 30 на перекрестке улиц Коммуны (в последние десятилетия – им. Андрея Губина) и Карла Либкнехта, и, как это было обычным в нашем «виноградовском коллективе», весело отметили наш любимый праздник.

Помимо напряженной полевой работы, Сергей Леонидович организовывал и познавательные-развлекательные экскурсии по туристическим достопримечательностям окрестностей Кисловодска, которые одновременно являлись и сосредоточием археологических памятни-

День археолога 15.08.1996 г. в российско-британской археологической экспедиции в окрестностях Кисловодска. С.Л. Дударев второй справа в дальнем ряду. Посередине доктор наук из Редингского университета (Великобритания) Генрих Харке.

ков. Возле одного из таких мест – «Замка коварства и любви» – нас запечатлела пленка фотоаппарата.

Можно еще припомнить много наших совместных дел, личных и семейных встреч с Сергеем Леонидовичем в городе Грозном в 1980-е годы, когда я продолжал жить и работать в столице Чечено-Ингушской АССР вплоть до конца 1989 года. Всегда по-доброму и тепло мы встречались в разных городах и государствах (Абхазия, Украина) и тогда, когда наступила новая суровая постсоветская эпоха, и вся семья Дударевых вынужденно переехала на Среднюю Кубань в город Армавир вместе со всем ядром «Виноградовской школы», включая и самого шефа с его домочадцами и во главе с Учителем... Но, конечно, на первых позициях наших взаимоотношения всегда была и оставалась наша любимая наука Археология (конференции, семинары, публикации, экспедиции и т.д., связанные с ней).

Могу с уверенностью заявить и еще раз подчеркнуть, что наше научное сотрудничество в последние

5–7 лет не только продолжилось, но и вышло на качественно новый уровень. Это выразилось в совместной подготовке и издании более десяти научных публикаций и изданий, включая три коллективные монографии (7; 8; 9) и сборники под редакцией. Еще больше было таких работ в наших согласованных планах.

В конце данного мемориального очерка хотелось бы опубликовать две колоритные фотографии (одну вторично и одну впервые), где мы присутствуем вместе с С.Л. Дударевым.

Первой из них ровно три десятилетия. Она сделана во время празднования нашего традиционного Дня археолога 15 августа 1996 г. на реке Аликоновке в окрестностях Кисловодска в составе участников международной научной экспедиции. Нам вместе довелось участвовать в первых на Кавминводах совместных научно-полевых работах отечественных и зарубежных ученых-археологов на памятниках древности и средневековья Кавказских Минеральных Вод, что тоже очень значимо для истории науки.

Вторая фотография запечатлела нас с коллегами и друзьями Андреем Белинским (слева) и Александром Скаковым (посередине) на XXI «Крупновских чтениях» в Кисловодском историко-краеведческом музее «Крепость» в апреле 2000 года во время «нарзанопития».

Какие мы тогда были молодые и полные планов и надежд! Конечно, не все из запланированного удалось воплотить в реальность. Но многое и за последующие годы было сделано, в том числе и особенно – Сергеем Леонидовичем Дударевым, и нами вместе с ним.

Вечная ему память в наших сердцах и сознании благодарных потомков!

Нарзан-брейк в Кисловодском историко-краеведческом музее «Крепость». XXI «Крупновские чтения» к 30-летию памяти Е.И. Крупнова (1904–1970). 28.04.2000 год. Слева направо: А.Б. Белинский, С.Н. Савенко, А.Ю. Скаков, С.Л. Дударев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский А.Б., Савенко С.Н. Участие С.Л. Дударева в научных проектах предприятия «Наследие» (г. Ставрополь) // Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы (к 70-летию С.Л. Дударева): Международный сборник научных статей. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. С. 303–313.
2. Савенко С.Н. С.Л. Дударев и археологическое изучение Кавминвод (научные и личные заметки к 70-летию кавказоведа) // Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы (к 70-летию С.Л. Дударева): Международный сборник научных статей. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. С. 327–341.
3. Савенко С.Н. Сергей Леонидович Дударев (05.09. 1951 – 29.03. 2025). Некролог // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 23. Гл. ред.: д.и.н., проф. Е.И. Нарожный; ред. выпуска: к.и.н. У.Ю. Кочкаров, к.и.н. В.П. Мокрушин, к.и.н. С.Н. Савенко. Армавир – Карачаевск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», 2025. С. 247–248.
4. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. 124с.+ 30 табл.
5. Дударев С.Л. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир, 1995. 51 с. + Табл. вклейка.
6. Дударев С.Л. Это было недавно, это было давно.: очерки истории и повседневного быта одной семьи в интерьере эпохи. К 190-летию основания города Грозного (1818–2008). Ставрополь: Сервисшкола, 2008. 208 с.: ил.
7. Великая Н.Н., Дударев С.Л., Савенко С.Н. Этногенез и этнополитическая история Северного Кавказа (древность, средневековье, новое время). Научно-методическое пособие // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 11. Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. 218 с.: ил.
8. Дударев С.Л., Савенко С.Н. Археологические источники по этногенезу и этнополитической истории народов Северного Кавказа (состояние, общая характеристика, интерпретации, дискуссии). Научно-методическое пособие // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 12. Армавир–Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 310 с.: ил.
9. Дударев С.Л., Пелих А.Л., Савенко С.Н., Цецхладзе Г.Р. Археологические источники о происхождении и этнополитической истории народов Северного Кавказа (проблемы изучения). Армавир: Дизайн-студия Б, 2020. 394 с.: ил.

Б. Б-А. АБДУЛВАХАБОВА

(Грозный, РФ),

С.А. ГОЛОВАНОВА

(Москва, РФ)

ОБ УЧЕНОМ И ПОДРУГЕ**(памяти Кемси Зелимхановны Махмудовой)
(1956–2019)**

Кемси Зелимхановна Махмудова является одной из ярчайших представительниц научной интеллигенции чеченского народа. Со студенческой скамьи она активно занималась наукой, стала известным историком, этнографом и приложила огромную энергию и труд, чтобы объективно, профессионально изучать историю и культуру родного края. Занимая разные должности в республике, и в административной, и в педагогической сферах, она оказала социальную помощь многим людям, пострадавшим в годы военного лихолетья.

Судьба предоставила К.З. Махмудовой недолгую, но яркую, насыщенную жизнь. Далеко не каждый так достойно пройдет отмеренный судьбой путь. Кемси Зелимхановна была удивительно светлым человеком, в котором сочетались черты жизненной мудрости, глубокой порядочности, человечности, принципиальности, милосердия. Ее характеризовали высокие этические качества, заложенные традиционным семейным воспитанием.

К.З. Махмудова (Ерзункаева) родилась 16 декабря 1956 года в городе Актюбинске Казахской ССР в семье рабочих. Отец, Зелимхан Ерзункаев, 1928 года рождения, уроженец селения Белгатой Веденского района, 16-летним подростком оказался в депортации вместе со своим народом в страшные, трагические дни февраля 1944 года.

Кемси Зелимхановна Махмудова

Мать, Темирбаева Саи, также была депортирована 15-летней девочкой из селения Дарго Веденского района. Волей судьбы Зелимхан и Саи создали семью в изгнании. У них родилось 9 детей, трое из которых умерли от болезней.

В 1957 году семья Ерзункаевых, вернувшись в республику, обосновалась в городе Гудермес. Отец Кемси сразу устроился на работу в железнодорожное депо Гудермеса слесарем-термистом в горячем цехе, получил звания «Заслуженного работника» и «Ударника труда». Мать Саи посвятила всю свою жизнь воспитанию детей. Благодаря родителям все дети получили

возможность учиться в разных вузах республики и все были трудоустроены. В семье строго соблюдались чеченские традиции и высокая нравственность: уважительное отношение к старшим, родственникам; внутрисемейные отношения строились на любви и согласии.

В 1963 году Кемси Ерзункаева пошла в первый класс средней шко-

В 1974 году, с золотой медалью завершив среднее образование и выдержав большой конкурс, она поступила на исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого. Все годы обучения Кемси училась на «отлично», была Ленинской стипендианткой. К учебе относилась с большой ответственностью,

**Кемси Ерзункаева (Махмудова) у столпообразного надгробного памятника
(с. Химой, Шаро-Аргунское ущелье Чечни, 1978 г.).**

лы № 116 г. Гудермеса. Учеба давалась Кемси легко, она была школьной активисткой, секретарем комсомольской организации, принимала активное участие в общественных мероприятиях, в школьных олимпиадах. Как лучшая ученица школы была делегирована в город Кривой Рог на молодежный форум. Писала стихи и статьи на школьные темы.

к себе была очень требовательной, и в то же время в любую минуту готова была прийти на помощь однокурсникам. В студенческие годы она серьезно увлеклась научной деятельностью, принимала активное участие в работе научно-исследовательского студенческого кружка под руководством проф. В.Б. Виноградова, выступала на студенческих

научных конференциях. Тогда же начала публиковать научные статьи по древнему периоду истории чеченского народа, работала в археолого-этнографических экспедициях.

Вот как вспоминает коллега и подруга Кемси, доктор исторических наук Н.Н. Великая (Бараниченко) их совместную экспедицию: «Получив Открытый лист для проведения археолого-этнографических разведывательных работ в 1978 году, наша группа отправилась в высокогорный район Чечни – Шаро-Аргунское ущелье. Условия работы здесь были очень сложные. Соответственно, нужны были люди, которые выдержали бы эти испытания и выполнили поставленные задачи. В данной ситуации Кемси Махмудова оказалась незаменимым человеком и с легкостью выполняла все экспедиционные работы: от приготовления пищи до грамотной фиксации исследуемых памятников бронзового века и средневекового периода. Нам удалось зафиксировать ранее неизвестные петроглифы на средневековых башнях, склепах, культовых сооружениях. И в этом, конечно, была большая заслуга нашей подруги Кемси, которая выделялась веселым, добрым нравом и неизменным оптимизмом».

В 1979 году Кемси с «красным» дипломом окончила учебу на историческом факультете ЧИГУ им. Л.Н. Толстого и начала трудовую деятельность организатором по воспитательной работе и одновременно преподавателем истории в средней школе № 3 г. Гудермес. Не смотря на отсутствие свободного времени (работа в школе, своя семья), научную деятельность она не прекращала.

С 1983 года К.З. Махмудова являлась соискателем в ЧИГУ, и с этого времени, вплоть до трагических июньских дней 2019 года, преподавала на историческом факультете

университета. Начинала ассистентом, старшим преподавателем, а затем работала доцентом на кафедре музееведения и культурологии.

Изучая разные этнографические и исторические источники, Кемси Зелимхановна все больше увлекалась периодом XVIII – первой половины XIX в., когда в истории чеченского народа происходили эпохальные события.

В 1989 году она поступила в аспирантуру ЧИГУ по специальности «История» (научный руководитель проф. В.Б. Виноградов). Постепенно воплощая свои научные мечты в статьях, выступая на различных научных форумах с докладами по истории, археологии, этнографии народов Кавказа, Кемси Зелимхановна определилась с этнографической темой кандидатской диссертации.

В тяжелые 90-е годы XX столетия К.З. Махмудова упорно занималась избранной темой. Эти усилия не были напрасны. В 1991 году она прошла научную стажировку на историческом факультете ведущего вуза страны – Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. А через два года, в 1993 году, Кемси Зелимхановна в МГУ защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Вайнахи конца XVIII – середины XIX в. (историко-этнографическое исследование)».

В тяжелые годы военных действий в Чечне семья Махмудовых испытала все тяготы, которые выпали на долю чеченского народа. Дом, в котором они проживали в Грозном, был уничтожен, и семья едва спаслась от гибели, но из республики не уехала.

После завершения двух «чеченских войн», начался восстановительный период в республике. Поскольку остро не хватало управ-

На встрече подруг в Армавире (слева направо): Б.Б.-А. Абдулвахובה, С.А. Голованова, Н.Н. Великая, К.З. Махмудова (2009 г.).

ленческих кадров, Кемси Зелимхановна перешла на административную должность, пыталась помочь своему народу, оказавшемуся в тяжелой ситуации поствоенного периода. К.З. Махмудова проработала в должности заместителя министра труда, занятости и социального развития Чеченской Республики восемь лет. Испытывая чувства сострадания к обездоленным, оказавшимся без жилья, потерявшим близких и родных, к детям-сиротам, инвалидам, Кемси Зелимхановна отдавала всю свою энергию, чтобы помочь этим людям. На парламентских чтениях в Москве в 2003 г. она выступила с докладом о необходимости совершенствования помощи детям-инвалидам. Ее старания были заслуженно оценены. В 2008 году К.З. Махмудова была удостоена медали «За заслуги перед Чеченской Республикой».

Одновременно она продолжала работу в научной сфере. Не поте-

рjala Кемси Зелимхановна и связь с научно-педагогической Школой профессора В.Б. Виноградова, приезжала в Армавир.

Кемси Зелимхановна была разносторонним исследователем с широким и разноплановым диапазоном. Ее интересовали проблемы историографии и внешняя политика России на Кавказе, ранняя история чеченцев и грузино-вайнахские связи, роль русского населения и городов в развитии Северного Кавказа и общественный быт чеченцев, история образования и музейного дела в Чечне и мн. др. (см. список работ – 1, с. 162–166). Привлекала К.З. Махмудову и тематика, связанная с духовной культурой чеченского народа. Она часто обращалась к изучению традиций и новаций в чеченской семье, роли в ней женщины (2, с. 160–165). В студенческой аудитории Кемси Зелимхановна проводила большую воспитательную работу, пыталась донести до

К.З. Махмудова с чеченскими коллегами и известным этнографом, д.и.н., профессором МГУ Л.Б. Заседателевой (в центре). г. Аргун, 2014 г.

молодежи важнейшие позитивные составляющие чеченской традиционной семьи, способствовала духовно-нравственному воспитанию молодежи.

Исследуя общественный быт чеченцев XIX–XX вв. и привлекая для этого разноплановые источники, она отмечала, что такие обычаи чеченцев, как гостеприимство, куначество, побратимство и др., способствовали формированию дружественных отношений с другими народами. Многие общественные институты чеченцев являлись стабилизаторами социального взаимодействия и общественных связей внутри горских обществ и с соседними народами. В своих научных изысканиях, в выступлениях на различных форумах К.З. Махмудова, будучи ученым-интернационалистом, постоянно подчеркивала по-

зитивные последствия межнациональных связей народов Северного Кавказа и России.

Она писала и критические статьи, анализируя труды дореволюционных (европейских и отечественных) и современных авторов. К.З. Махмудова стала соавтором коллективной монографии «Чеченцы» (3, с. 118–128).

Как вузовский работник (одновременно она совмещала преподавательскую деятельность с должностью советника ректора Грозненского государственного нефтяного технического университета им. академика М. Д. Миллионщикова), Кемси Зелимхановна постоянно общалась с молодежью, воспитывала ее на исторических традициях и примерах.

Ею было опубликовано около 160 исследовательских и учебно-методических трудов, которые из-

давались как в российских научных журналах, включенных в перечень ВАК, так и в изданиях Skopus, Web of Science. К.З. Махмудова является автором двух монографий. Первая, изданная в 2012 году, посвящена особенностям культурно-этнографических процессов вайнахов XVIII – первой половины XIX в. (4). Эта тема не потеряла своей актуальности и по сей день.

Главным трудом ученого стало исследование по теме «Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX в.» (5), где проанализирован огромный пласт архивных и иных источников. Данная тема тесно переплетается с исследованиями формирования Российского многонационального государства и отвечает интересам современного российского общества.

Итогом многолетней научной деятельности явилась докторская

диссертация, утверждения которой ВАКом К.З. Махмудова так и не дождалась (о перипетиях защиты докторской диссертации см.: 1, с. 161).

Кемси Зелимхановна трижды совершила паломничество в Мекку. Она была верующим человеком, изучала и свободно читала Коран.

К.З. Махмудова была и очень гостеприимной. Она тепло встречала коллег, которые приезжали в Грозный из Москвы, Санкт-Петербурга, Армавира, Ростова-на-Дону и многих других городов, организовывала для них экскурсии по памятным историческим местам Чеченской Республики, угощала национальными блюдами, которые сама прекрасно готовила.

Кемси Зелимхановна Махмудова была эталоном чеченской женщины, талантливым исследователем. Эта яркая личность навсегда останется в благодарной памяти родных, коллег и друзей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Н.Н., Голованова С.А. Памяти Кемси Зелимхановны Махмудовой (1956–2019) // Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. С. 159–166.
2. Махмудова К.З. Семья и брачные стратегии чеченцев // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. научн. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. С. 160–165.
3. Махмудова К.З. Постконфликтное возрождение национальной культуры // Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И. Ибрагимова РАН. М.: Наука, 2012. С. 118–128.
4. Махмудова К.З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII – первой половине XIX в. / под ред. Ш.Б. Ахмадова. М.: Парнас, 2012. 256 с.
5. Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX в. Грозный: Грозненский рабочий, 2012. 500 с.

В.Е. НАРОЖНЫЙ

(Армавир, РФ)

**ДЖАБРАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЧАХКИЕВ –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОЕННОГО ДЕЛА
И ВООРУЖЕНИЯ ИНГУШЕЙ**

Джабраил Юрьевич Чахкиев (1955–2024) – кандидат исторических наук, археолог, этнограф, архивист. В прошлом году Джабраилу Юрьевичу Чахкиеву исполнилось бы 70 лет...

Еще в период обучения на историческом факультете Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого (1974–1979 гг.), Д.Ю. Чахкиев связал свою судьбу с Кавказоведческой Школой проф. В.Б. Виноградова. Под руководством Виталия Борисовича в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых войн XIII–XVIII вв.». И в дальнейшем продолжал разрабатывать эту тему, руководил экспедициями в горные районы Чечни и Ингушетии, в ходе которых были выявлены уникальные артефакты, подробно исследованы и описаны башенные комплексы горцев региона (подробнее см.: 1).

Изучение военного дела – довольно сложная система в границах исторического познания. В отличие от просто историков или же этнографов, также интересующихся вопросами истории и эволюции военного дела того или иного населения региона, оружейеды всегда должны обладать более широкой методологической базой, опираться на самый широкий круг источников, нередко «сталкивая» информацию из них в

Джабраил Юрьевич Чахкиев

целях выявления «наносного», не всегда соответствующего данной эпохе, не говоря уже об «интернациональном» характере тех или иных видов вооружения. Джабраил Юрьевич, без преувеличения, один из таких исследователей.

Я родился в то время, когда Д.Ю. Чахкиев был уже маститым и признанным в ученом мире оружейеведом¹. Своей кандидатской дис-

¹ Данное утверждение совсем не противоречит и тому, что наряду с любимым оружейеведением, Д.Ю. Чахкиев одновременно и вполне успешно занимался сбором, систематизацией и анализом данных этнографии, фольклористики, ономастики и пр.

сертацией, вкупе с целой «обоймой» предшествующих диссертационному исследованию серий статей, не потерявших своей актуальности и значимости сделанных в них выводов и сегодня, Джабраил Юрьевич сделал, казалось бы, невозможное. Ограниченный на то время фонд археологических источников он состыковал со сведениями из ингушской и северокавказской этнографии, удачно вклинив в них и добротню проана-

копок и сборов проф. Л.П. Семёнова, Е.И. Крупнова и других его коллег; им учтены массовые и единичные материалы из случайных сборов. Все это и стало основой для различных, разносторонних выводов и наблюдений.

Помимо военного дела предков современных ингушей и чеченцев, Д.Ю. Чахкиев обращался и к истории военного дела и военной организации степных кочевников, срав-

Экспедиция в Шаро-Аргунское ущелье Чечни (слева направо – сверху: К.З. Ерзункаева (Махмудова) и Н.Н. Бараниченко (Великая); внизу: С.Б. Бурков, С.В. Махортых, Д.Ю. Чахкиев. 1978 г.

лизированные сюжеты из фольклорных источников. В ряде случаев, в особенности, когда речь шла о возможности использования целого ряда боевых башен (из их внутреннего пространства) для стрельбы из лука, Джабраил Юрьевич опирался и на серию практически апробированных стрельб подобным образом, как «дважды два», показав нереальность подобных выводов.

В его работах – не только архивные материалы, артефакты из рас-

нивая образцы вооружения средневековых горцев и степняков, предлагая свои наблюдения о степени взаимовлияния и заимствованиях горцами тех или иных образцов вооружения. На этом фоне определенный интерес вызывают и его обращения к соответствующим материалам из соседней Грузии и всего Закавказья. Не потеряли своего значения и многочисленные выступления на конференциях различных уровней – от студенческо-

аспирантских до внутривузовских, республиканских, региональных, всероссийских, всесоюзных, общекавказских и международных. Тезисы этих выступлений, что подчеркну особо, нередко готовились им вместе со студентами, которым явно везло с таким соавтором и участием в подобных научных форумах.

В настоящее время часть наблюдений Д.Ю. Чахкиева немного скорректирована его преемниками, что вполне объяснимо с точки зрения заметного расширения источниковой базы и, прежде всего, за счет масштабного и беспрецедентного по своим масштабам изучения ряда погребальных памятников, таких

как Шуанский и Келийский могильники высокогорной Ингушетии. Их изучение, что следует учитывать, последовало после того, как кандидатская диссертация Д.Ю. Чахкиева была уже защищена. Тем не менее, исследователь всегда и максимально полно учитывал все «новинки» источниковой базы, мнения своих коллег. И в этом случае ранее опубликованные статьи «живут» и поныне, их учитывают и на них ссылаются многие современные специалисты, причем, не только Северного Кавказа, но и различных стран СНГ, а также дальнего зарубежья. И еще долго будут использоваться подобным образом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

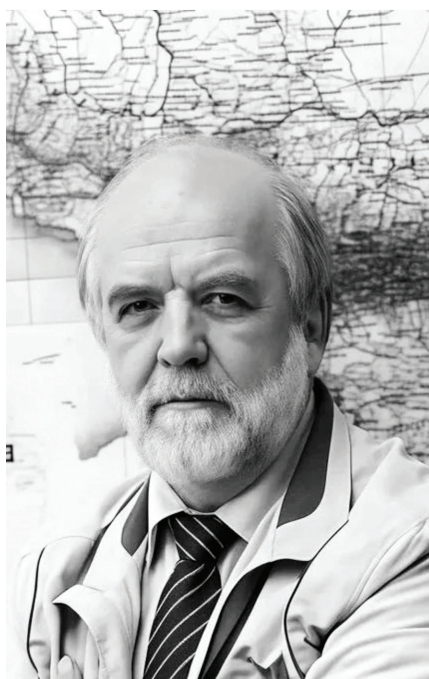
1. Нарожный Е.И. Историк, археолог-оружиевед, этнограф и архивист – Джабраил Юрьевич Чахкиев (65-летний юбилей ученого) // НАО «Наследие Кубани». 2020. № 18. С. 341–358.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ЖДАНОВСКОГО

Когда верстался этот сборник, пришла печальная весть – 3 июля 2026 года, после продолжительной болезни, скончался известный краснодарский ученый, педагог и политик, Почетный работник высшего профессионального образования РФ и заслуженный деятель науки Кубани Александр Михайлович Ждановский.

А.М. Ждановский родился 2 мая 1950 года в Новопокровском районе Краснодарского края. В 1973 году закончил исторический факультет КубГУ по специальности «археолог, историк». С 1974 по 1976 годы работал в Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике. Затем, уже в качестве преподавателя, возвратился в родной вуз, где в разное время был доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков, а потом профессором кафедры государственной политики и государственного управления. Был известен как полевой археолог: в 1973 г., перед уходом в армию, начал раскопки разрушающегося кургана в станице Динской; затем проводил раскопки могильника у аула Ленинохабль, селища у хутора Городского, курганного могильника близ аула Начерзий, курганов «Золотого кладбища» у станицы Тбилисской, кургана у хутора Песчаный со знаменитым захоронением сарматской жрицы, городища №2 у хутора Ленина, средневековой крепости на мысе Малый Утриш.

После окончания аспирантуры кафедры археологии МГУ в 1985 году Александр Михайлович защитил кандидатскую диссертацию по теме «История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных погребений)», в которой связал одну груп-

Александр Михайлович
Ждановский

пу погребений с сиракским союзом племен, а вторую – с аланским.

С 1992 по 2017 годы Александр Ждановский возглавлял созданный им факультет управления и психологии Кубанского государственного университета – здесь он сформировал сильную академическую школу.

Александр Михайлович стоял у истоков парламентаризма современной России – в 1991–1993 годах он возглавлял Совет народных депутатов Краснодарского края. После работал и.о. заместителя главы администрации края и генеральным директором Кубанского центра кадровой политики.

Для Кавказоведческой Школы Виталия Борисовича Виноградова и для Армавирского госпедуниверситета личность Александра Михайловича стала в определенный момент судьбоносной: именно от него в 1991 году вынужденно покинувшие родную Чечено-Ингушетию В.Б. Виноградов и его уче-

ник Е. И. Нарожный узнали о планах открытия в Армавире, в Армавирском госпединституте, исторического факультета, именно с его подачи (и с громадной помощью тогдашнего ректора В.Т. Сосновского), в АГПИ вскоре оказалась значительная часть «ядра» Школы В.Б. Виноградова по главе с самим Шефом.

Потом были совместные научные дела, организация на базе КубГУ и АГПИ совместных конференций и многое другое...

Светлая память об Александре Михайловиче Ждановском навсегда останется в наших сердцах!

Редколлегия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Чеченской Республики ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова» (г. Грозный). E-mail: birlant@list.ru.

Брилева Ольга Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва). E-mail: helga_brileva@mail.ru.

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник отдела археологии ГБУ «Институт истории и археологии PCO – А» (г. Владикавказ). E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru.

Великая Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь (г. Армавир). E-mail: velikaya55@mail.ru.

Гарунова Нина Нурмагомедовна – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» (г. Махачкала). E-mail: garunovanina@mail.ru.

Голованова Светлана Александровна – доктор исторических наук, доцент, независимый исследователь (г. Москва). E-mail: golovanova-sa@mail.ru.

Городовая Виктория Владимировна – хранитель музея историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза (п. Нижний Архыз). E-mail: shimvic@mail.ru.

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, член Союза журналистов Абхазии (г. Сухум, Абхазия). E-mail: arkadi100@rambler.ru.

Джумагулова Айгуль Темерхановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск). E-mail: aigul-men@mail.ru.

Ерёмин Николай Михайлович – председатель Совета стариков и Суда чести Белгородского отдела ВКО «Центральное казачье войско», член Российского союза писателей (г. Белгород). E-mail: ereminn.m@mail.ru.

Есаулко Сергей Павлович – студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (ст. Новотитаровская). E-mail: 001sergey.esaulko001@gmail.com.

Канделаки Давид Автандилович – главный хранитель Пицундского историко-археологического музея Государственного историко-архитектурного заповедника «Великий Питиунт» (с. Псахара, Абхазия). E-mail: david_kandelaki@mail.ru.

Керцев Руслан Юрьевич – научный сотрудник ООО «Гера» (г. Владикавказ). E-mail: rkersev@gmail.com.

Керцева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания (г. Владикавказ). E-mail: gal.volnaya@yandex.ru.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск). E-mail: klichnikov@mail.ru.

Ктиоров Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», председатель Армавирского городского общества историков-архивистов (г. Армавир). E-mail: ktitorovsn@rambler.ru.

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории ГБУ «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания» (г. Владикавказ). E-mail: malakhoffserg@mail.ru.

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: vm-k2013@yandex.ru.

Назаров Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: senazanazarov@yandex.ru.

Назарова Вероника Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: senaza2@yandex.ru.

Нарожный Виталий Евгеньевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Армавир). E-mail: zai_ein@mail.ru.

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: panarin.arm@mail.ru.

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир). E-mail: pelich1976@mail.ru.

Савенко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии Государственного бюджетного учреждения культуры Ставропольского края «Пятигорский крае-

ведческий музей», заслуженный работник культуры РФ (г. Кисловодск). E-mail: sovos57@mail.ru.

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук; профессор; заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета имени М.И. Платова (г. Новочеркасск). E-mail: s_a_p@mail.ru.

Степаненко Никита Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» (г. Краснодар). E-mail: stepanenkonikita1993@yandex.ru.

Сурай Сергей Андреевич – студент магистратуры 1 курса направления подготовки «История» ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». E-mail: s.suray2003@bk.ru. Научный руководитель: **Колосовская Татьяна Александровна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь).

Фоменко Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск, г. Нальчик). E-mail: fva2005@gmail.com.

Фоменко Инна Геннадьевна – студентка магистратуры 2-го курса направления подготовки «Педагогическое образование» ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», учитель истории и обществознания ГБОУ СК «Гимназия № 25». E-mail: innafomenko2002@gmail.com. Научный руководитель: **Колосовская Татьяна Александровна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь).

Фролова Наталья Романовна – студентка 1 курса магистратуры ФГАОУ ВО «Северо-кавказский федеральный университет», Гуманитарный институт (г. Ставрополь). E-mail: rv6hov@mail.ru.

Чекулаев Николай Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБОУ «Институт истории, археологии и этнографии» Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала). E-mail: kochin1974@mail.ru.

Шафранова Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, заведующая базовой кафедрой кавказоведения и музееведения ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Гуманитарный институт (г. Ставрополь). E-mail: shafranova@yandex.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ.	3
------------------------	---

Секция I. АРХЕОЛОГИЯ

Брилева О.А. Бронзовая зооморфная пронизка-распределитель из окрестностей Татарского городища: к вопросу о раннекобанских древностях Ставрополя	4
Бурков С.Б. Экажевское поселение в контексте древностей эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа	9
Джопуа А.И., Пелих А.Л. Бронзовые топоры из стендов Абхазского государственного музея.	15
Канделаки Д.А., Керцева Г.Н. Бронзовые фигурки Диониса и Аполлона из фондов Пицундского историко-археологического музея Государственного историко-архитектурного заповедника «Великий Питиунт»	21
Керцев Р.Ю. Новые исследования аланских могильников Зильгинского городища	29
Малахов С.Н. Средокрестие средневекового процессионного креста из фондов СГМЗ	35
Пелих А.Л., Городовая В.В. Внекомплексные серпы из Нижнего Архыза	39

Секция II. ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Великая Н.Н. О христианизации Чечни в период средневековья	43
Гарунова Н.Н. Развитие социально-культурной сферы населения Кизляра в 1945–1950 гг.: тенденции и проблемы (по материалам городского архива)	48
Джумагулова А.Т. Ногайская кочевая элита в социальных трансформационных процессах XIX – начала XX века	53
Ерёмин Н.М. Начало возрождения казачества на Тереке	58
Клычников Ю.Ю. Ситуация на Южном фронтире Российской империи: от Венского союзного договора 1726 г. до Османско-Российской войны 1735/36 – 1739 гг.	62
Ктиторов С.Н. Экскурсия «Литературный Армавир» в контексте реализации образовательных и воспитательных задач	67
Матвеев В.А. «...В видах достижения лучшего управления ингушским населением»: оптимизация совмещения с сунженским казачеством Терской области в начале XX века	72

Назаров С.В. Процесс политизации общественной и культурной жизни г. Армавира в годы революции и Гражданской войны	76
Назарова В.В. Советская политика просвещения в г. Армавире в начале 1920-х годов.	81
Панарин А.А., Есаулко С.П. Процесс и результаты осуществления индустриализации на Северном Кавказе в годы первых советских пятилеток (1928–1941 гг.)	86
Скорик А.П. Мифологический нарратив контрреволюционности в делах молодёжи Ванновского национального района Азово-Черноморского края в середине 1930-х годов	91
Степаненко Н.С. Историографический обзор трудов по теме локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-е гг.	97
Сурай С.А. Население Эриванской губернии в военно-статистическом обозрении П.К. Услара	102
Фоменко В.А. Ученые-историки: Б.В. Скитский и А.А. Аствацатуров.	107
Фоменко И.Г. Из истории появления первых женских образовательных учреждений на Ставрополье и Кубани: опыт историко-сравнительного анализа.	111
Чекулаев Н.Д. О торгово-экономических отношениях российского казачества с северокавказскими горцами в XVIII веке.	116
Шафранова О.И., Фролова Н.Р. Деятельность Ставропольской епархии во время русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам «Ставропольских епархиальных ведомостей»)	121
 Секция III. ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ	
Савенко С.Н. Перелистывая памяти страницы... (К 75-летию со дня рождения профессора Сергея Леонидовича Дударева)	125
Абдулвахабов Б. Б-А., Голованова С.А. Об ученом и подруге (памяти Кемси Зелимхановны Махмудовой) (1956–2019)	130
Нарожный В.Е. Джабраил Юрьевич Чахкиев – исследователь средневекового военного дела и вооружения ингушей	136
Памяти Александра Михайловича Ждановского	139
 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	150

Научное издание

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Доклады и сообщения
27 межрегионального семинара
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова

•

Известия научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова.
Выпуск 16

Оригинал-макет подготовлен в изд-ве «ТоварищЪ».

Издательство «Дизайн-студия Б».

г. Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88. Тел. (8652) 75-06-09.

Подписано в печать 27.07.2026. Формат 65 × 95 1/16.

Гарнитура Arial. Бумага 80 г. Усл. печ. л. 12,47.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Дизайн-студия Б».

Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88. Тел. (8652) 220-350.